

ВРЕМЕН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

БОГДАН
ПЕТРИЧЕЙКУ
ХАЩДЕУ

ИОН ВОЕВОДА
ЛЮТЫЙ

Любое историческое событие
есть урок
для определенного момента
в будущем

ЛИТЕРАТУРА АРТИСТИКЭ

БОГДАН
ПЕТРИЧЕЙКУ
ХАЩДЕУ

ИОН-ВОЕВОДА
ЛЮТЫЙ

Повесть

Кишинев
«ЛИТЕРАТУРА АРТИСТИКЭ»
1989

Перевод с молдавского
Составление А. Старостиной
Послесловие Н. Романенко
Художник Н. Кырму

4702420101—258
X М756(10)—89 16—89 (Дополн. к плану, 1989)

ISBN 5—368—00455—9.

© Состав. А. Старостина, 1989.
© Перевод. Н. Романенко, 1989.
© Оформление. И Кырму, 1989.

ИОН-ВОЕВОДА ЛЮТЫЙ (1572—1574)

Так перечитывал я историю целого на-
рода: эту книгу печали, величия и побед!

Виктор Гюго.
Ода «Там, где кончается мир»

Предисловие к первому изданию

Историк соединяет в одном лице мастерового и мастера. Как мастеровой, он собирает сырье, как мастер, он придает ему то высокое выражение, благодаря которому статуи Кановы и дворцы Альгамбры перестают быть просто камнем, а Мадонна Рафаэли — куском холста или доской, впитавшей в себя растительные краски.

Скульптор, художник, архитектор — это мастера в чистом виде, которым мастеровые доставляют все необходимое.

Историк, напротив, сам собирает, сам добывает камень, сам ткёт холст, строгаёт доску, варит краски; и он же потом ваяет, возводит храм, рисует!

Поэтому есть довольно скульпторов, довольно архитекторов, довольно художников; поэтому так мало историков.

Одни собирают материал, но не в состоянии созидать; большинство созидает, не давая себе труда собирать.

Одни закладывают фундамент без здания, другие возводят здание без фундамента.

Перед нами — пример нашего соотечественника, неутомимого Шинкай, странствовавшего с переметной сумой, в которую он собирал что попало: стоящее и бросовое, ценное и негодное.

Мы видели столько Болинтинянов, строивших воздушные замки.

Бэлческу, один незабвенный Бэлческу был настоящим историком, истинным мастеровым и мастером; но увы! смерть похитила его как раз в тот момент, когда куколка превращалась в мотылька.

Если наши молокососы хвастают тем, что им довелось слушать маститых берлинских и парижских профессоров, то позвольте нам гордиться более скромными воспоминаниями — мы слышали Бэлческу.

Прежде чем приступить к написанию настоящей книги, и в течение многих лет, копаясь в заграничных и национальных библиотеках и архивах, собрал в поте лица огромное количество сведений, в той или иной степени связанных с задуманной мною темой.

С помощью трех скальпелей искусства — критики, перспективы и колорита — я подверг операции эти малоудобоваримые материалы.

Цель критики — раскапывать истину.

Поэтому я решил раз и навсегда исходить только из надежных источников: из показаний современников, зачастую очевидцев, сопоставляя эти свидетельства и подвергая их критическому анализу.

Я не делаю ни одного утверждения, не подкрепленного документом.

Перспектива дает возможность расположить части целого таким образом, чтобы не допустить существенных пробелов и избежать излишней детализации: ничего лишнего, ничто не выпадает из картины; пусть главное рельефно выступает на первом плане, второстепенное — вырисовывается на втором, а вспомогательное — маячит в глубине.

Картина нужен общий фон, поэтому вначале мы даем характеристику положения в Европе того времени.

Затем на этом фоне выступает фигура нашего героя: сперва она едва вырисовывается вдалеке, потом растет, становится все отчетливее и, приближаясь к конечной цели, достигает гигантских размеров и вдруг... падает ниц!

Но взгляните на него, даже поверженного в прах: он все еще величественнее ничтожных пигмеев, которые попирают его труп ногами!

Наконец, после гибели героя, читатель с содроганием следит за тем, как один за другим исчезают плоды деяний усопшего гения и зловещая тьма заволакивает весь горизонт.

Остается одна лишь надежда: воскресение мертвых!

Таковы принципы нашей критики и перспективы: убедитесь теперь сами, насколько мне удалось, или, вернее, насколько мне повезло остаться верным им до конца.

Что касается колорита, то я знаю одно: сердце чувствовало во всей глубине то, что писало перо: а когда сердце чувствует, фраза становится сжатой, лаконичной, живой, как биение пульса.

28 февраля 1865

Введение

ЕВРОПА СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ XVI ВЕКА

Для лучшего понимания главного присовокупляю и второстепенное, подобно тому как плугу необходимы все его детали, хотя только лемех служит непосредственно для вспашки.

Св. Августин. О граде божьем.

Свое исследование о Шекспире Гизо начинает длинным отступлением об Адаме и Еве.

Мы будем более скромными: прежде чем писать об Ионе-Воеводе, окинем беглым взглядом только одну Европу и только в определенный момент ее исторического развития.

После того как мы ознакомимся с устройством в целом, нам легче будет понять ту его небольшую часть, которая, собственно, интересует нас.

Испании на мгновение удалось стать самым могущественным государством в Европе.

Под скипетром Мадридского монарха объединились все мавританские, кастильские и арагонские провинции, Португалия, Сицилия, Сардиния, Неаполь, Нидерланды и Америка.

Ни один король не обладал такой огромной территорией, не получал такого колоссального дохода и не имел таких искусных генералов.

И кто же был этим счастливым властителем народов? Сын великого Карла V — ничтожный Филипп II.

Двумя смертными грехами он навсегда развенчал испанское величие: своим религиозным фанатизмом и ненавистью к демократии.

Нидерланды исповедовали протестантизм и пользовались автономией; Филипп II ввел там инквизицию для врагов католицизма и виселицу для врагов абсолютизма. Но Нидерланды подняли знамя революции, и Филипп II потерял наиболее пред-

примчивых и просвещенных из своих подданных.

Англия была страной реформации и конституционализма; Филипп II решил подавить ее грубой силой, но в сражениях потерял весь испанский флот.

Во Франции крепла партия гугенотов; Филипп II не пожалел миллионов, чтобы стереть ее с лица земли, и все же там был возведен на престол король-гугенот Генрих IV.

И наконец, Филипп II скончался, презираемый всеми, быть может, даже самим собой; он оставил казну опустошенной, армию разложившейся, территорию расколотов, народ изможденным.

Императором Германии был Максимилиан II, одна из тех флегматичных фигур, которые долгое время уступали место друг другу на троне Австрии, создавая впечатление, будто там царствует одна и та же бессмертная личность вроде Тибетского Далай-Ламы.

Данник Турецкой Порты, разбитый горсткой поляков, во главе с трансильванским князьком, он не был достоин даже своеобразного девиза династии Габсбургов: «Другие сражаются; ты вступаешь в брак, о счастливая Австрия! Другие саблей завоевывают королевства, ты получаешь их в приданое».

Во Франции правил король Карл IX.

Вернее: правил не он.

Правила его мать Екатерина Медичи; правил герцог Гиз; правил принц Конде; правил папа; правил Кальвин; правили все... кроме короля Карла IX.

Одно-единственное событие, подобное тому, которое прославило когда-то Геростата, увековечило имя этого сонливого Нерона.

Кто не содрогнется, если ему послышится «Святой Варфоломей?»

Десятки раз Карл IX бросался в объятия католической партии Гизов; десятки раз он протягивал дружескую руку кальвинистской партии Конде; десятки раз пытался он стряхнуть материнскую тиранию Екатерины Медичи, но снова и снова лобызал он цепи, которые его сковывали, пока, наконец, в один прекрасный деиь, или, вернее, в одну прекрасную

ночь, впад в отчаяние от собственного ничтожества, он решил доказать всему миру, на что способен настоящий король: 30 000 французов были истреблены самым предательским образом.

Говорят,— о ужас! — что король собственными руками убил нескольких из них!

И вскоре умер в возрасте 24 лет — игрушка в руках политических партий, палач своих подданных, загадка для потомков!

Один из братьев Карла IX был избран королем Польши, где после смерти Сигизмунда-Августа воцарилась анархия.

Покойный король Польши был очень труслив: он боялся турок, боялся москалей, боялся татар; но он отличался благоразумием в управлении страной, религиозной терпимостью, не свойственной другим католическим странам, покровительствовал литературе.

Новый польский король также боялся турок, москалей и татар; но ко всему этому прибавились его полная неспособность к управлению, высокомерное презрение к национальной литературе, фанатичная ненависть ко всему, что не было дозволено римским папой.

В Польшу Генрих де Валуа только и принес, что моду на короткие платья и парижские танцы.

Московское княжество было дремучим лесом, в котором хозяйничал дикий зверь — Иван Грозный.

Прозвище «Грозный» недостаточно выразительно, чтобы охарактеризовать этого странного властелина: удачнее было бы назвать его «Иваном Безумным».

Неудивительно, что в возрасте четырех лет возведенный на престол под опекой распутной матери, познавший с детства горечь оскорблений со стороны любовников царицы, а затем испорченный угодничеством и лестью придворных, воспитанный в атмосфере вечного издевательства и подстрекательства и с колыбели отличавшийся особой чувствительностью,— неудивительно, что он, в конце концов, сошел с ума...

Персидский шах послал ему в подарок слона; московский царь приказал разрезать его на куски,

так как несчастное животное не захотело стать на колени перед его величеством.

На смертном одре он думал о том... как бы изнасиловать свою невестку.

Этих двух примеров достаточно.

И все же он усмирил и поляков, и шведов, и татар, навел страх на турок, расширил границы своего государства... Но каким образом? Все это он успел сделать благодаря животной преданности своих подданных, которые, терпя от него зверские побои, не переставали пресмыкаться перед ним.

Сам же он никогда не приближался даже к месту сражения.

От Русского перейдем к Турку.

Сулеймана Великолепного, достойного апофеоза, уже не стало: ему наследовал сын Селим.

Селиму удалось расширить границы своей империи, но его победы, как и победы русских, явились следствием могущества народа, а не результатом полководческого гения правителя.

Селим, как и Иван, не знал, что такое поле битвы.

Бразды правления находились в руках его визиря и одного из фаворитов... еврея!

Султан не выходил из гарема. В честь красавиц-черкешенок Селим осушал один бокал за другим мальвазийского вина.

В турецких хрониках он известен под прозвищем «Ярыга».

Италией, поскольку ее не успели покорить испанские войска, управляли поп и купец: Рим и Венеция.

От папской власти осталась только слабая тень ее бывшего величия: разуму удалось отвоевать многое из того, что когда-то подчиняло себе суеверие; Лютер потряс до самых основ трон Гильдебрантов; почти вся Германия, Англия, половина Франции, половина Польши приветствовали свет протестантизма, и только Испания оставалась непреклонной в своей слепой преданности показному блеску католицизма.

Будучи не в силах диктовать миру свои законы, папа Григорий XIII решил ввести новый календарь.

Венеция давно уже утратила диктаторскую власть над европейской торговлей: после открытий Васко да Гама и Колумба владычество над морями перешло к испанцам и португальцам.

Теперь ей был нанесен новый сокрушительный удар: турки захватили Кипр и Циклады.

Упадок Венеции нельзя приписать личной неспособности монарха — она была аристократической республикой; и тем не менее печально, что ни один из многих ее правителей ничем себя не проявил

На другом конце Европы между королями Швеции и Дании завязалась ожесточенная борьба.

Но из-за чего?

Каждый из них претендовал на одну и ту же эмблему для своей королевской печати.

Энергичные скандинавские народы впали в детство.

Это звучит странно, но в то же время единственным поистине великим из правителей самых цивилизованных и самых могущественных народов Европы, была женщина.

При королеве Елизавете началось бурное развитие английского флота, торговли и литературы.

Королева Елизавета разбила испанского колосса.

Королева Елизавета искоренила слепое преклонение перед папой.

Королева Елизавета основала Британское содружество...

Таково было положение на европейских тронах в тот исторический момент, о котором идет речь.

Испанией, Германией, Италией, Швецией, Данией, Польшей, Россией, Турцией... правили попы, дети, ничтожества, сумасшедшие, пьяницы.

Именно в этот момент на престоле небольшого дунайского княжества и появился государь, которому только самое подлое предательство помешало преобразить лицо Европы и создать на Балканском полуострове новую Римскую империю.

Великий правитель!

Великий дипломат!

Великий полководец!

АВАНТЮРИСТ

Слон, как бы он ни был юн, пользуется уважением остальных обитателей лесов. Змея, едва родившись, опасна ядом своего жала. Короли с колыбели чувствуют врожденную силу управлять народам...

Калидаса.

Драма «Викрама и Урваси».

После Стефана Великого Молдавией правил его сын Богдан Кривой; после Богдана Кривого — его сын Стефан Младой; последний умер, не оставив наследников; с этого времени на сцене молдавской истории разыгрывается длительная трагическая борьба между незаконнорожденными сыновьями княжеского рода.

Этих незаконнорожденных сыновей было много, так как пришельцы из Италии, поселившиеся в Дакнии в эпоху упадка римских нравов, принесли с собой странные понятия о брачных узах; этим понятиям не в состоянии была противостоять даже христианская вера; со временем они еще сильнее укоренились и стали чем-то обычным.

В Римской империи со времен Траяна создалось очень легковесное отношение к семье.

Брак окончательно потерял свой первоначальный характер святости и торжественности, которым он отличался во времена римской республики, и стал супружеством *per usum** — как об этом говорится в имперских законах:

«Он был просто обоюдным соглашением, ничем не скрепленным ни по гражданской, ни по религиозной линии, и поэтому ни один из супругов не чувствовал никакой серьезной обязанности по отношению к другому».

Но то, что было дозволено любому смертному,

* На практике (лат.).

считавшему себя славным потомком распавшейся Римской империи, в десятки и сотни раз больше могли позволить себе те, в руках коих была сосредоточена власть; если простому крестьянину разрешалось менять жен хоть каждый день, с условием уплаты государству по 12 бань за каждый развод, то можно себе представить, вернее, почти невозможно представить, какую неограниченную свободу действий в отношении женитьбы имели румынские господа.

У некоторых из них, как например у Стефана Великого, было по пять или шесть законных жен, не говоря уже о незаконных. Все они следовали примеру своего прославленного предка Мецената, который, по словам известного римского философа, «был женат тысячу раз».

В стране, где столь низко пали нравы, было бы смешно говорить о каких-либо законных ограничениях против незаконных детей, которые составляли чуть ли не большинство населения; удивительно только, что встречались еще люди, вступавшие в церковный брак, хотя венчание потеряло всякий престиж в глазах народа, а внебрачные дети пользовались теми же правами, что и рожденные в браке; более того, зачастую незаконнорожденные и восседали на княжеском престоле!

Стефан Великий, Богдан Кривой и Стефан Младой не упускали случая оставить после себя внебрачных детей везде, где это было возможно: в рыбацких хижинах, в купеческих домах и даже в непроходимых лесах Бессарабии, где обитали славившиеся своей храбростью кодряне и не менее известные своей красотой кодрянки.

Трое из этих внебрачных детей, бастардов или «спуров», как их называли древние римляне, полвека правил Молдавией.

Один из бастардов, сын Стефана Великого, Петр Рареш захватил власть уже в зрелом возрасте, спустя 20 лет после смерти своего отца; вскоре он стал одним из самых знаменитых господарей Молдавии, любимцем народа и грозой врагов; умирая, он передал трон своим сыновьям.

В это время по свету странствовал другой бастард, сын Богдана Кривого — Александр Лэпуш-

ляну, заручившись поддержкой своих сторонников внутри страны, он вступил в Молдавию во главе чужеземных войск, убил своего двоюродного брата — сына Рареша и свою тетку — вдову Рареша, а двоюродную сестру — дочь Рареша — взял в жены. Эти чудовищные злодеяния нового господаря положили начало кровавому режиму в стране. Современники сравнивали Лэпушняна с фракийским царем Диомедом, кормившим коней человеческим мясом.

В годы царствования Петра Рареша, а затем Александра Лэпушняна третий бастард, сын Стефана Младого от жены армянина Сербеге, подрастал на чужбине в полной неизвестности, ожидая, когда придет его черед вступить на престол Молдавии.

Своими наклонностями и даже внешностью Ион очень походил на родителей.

В молдавской хронике дается следующее описание характера его отца: «Сей Стефан-Воевода Младой нравом походил на деда своего Стефана Великого, ему везло на поле браии, и он преуспевал во всем, хотя и был молод; он быстро впадал во гнев и легко проливал кровь».

Ион унаследовал от своего отца храбрость, жестокость и остроту ума.

Внешностью он напоминал свою мать-армянку: смуглое лицо, густой и черный, как вороново крыло, волос, восточный с горбинкой нос, как у знаменитого Аттилы, каким мы его знаем по изображению на монетах, высокий лоб, широкий у основания и суживающийся кверху, красивый лоб, но совсем не румынского типа.

Бастарды не имеют отца. Народ окрестил своего героя по национальности матери — Июном-Армянином, подобно тому как Александр-Воевода, сын лэпушнянки, был Лэпушняном, а Петр-Воевода, по прозвищу своей матери, — Рарешом.

В 1561 году в возрасте почти сорока лет, прожитых в полной безвестности, Ион неожиданно появляется на арене истории.

На трон Лэпушняна стал посягать Якоб Деспот, серб, по материнской линии связанный с молдавской династией.

Пришло время и Иону вспомнить, что он сын господаря и имеет то же право на трон Молдавии,

что и Лэпушнян, и значительно большее, нежели Деспот.

И он стал напоминать о себе.

В то время как Деспот искал поддержки у польского магната Ласского, Ион обратился к не менее могущественному магнату Фирлею.

При выборно-аристократическом строе, который существовал в Польше, король был ничем, магнаты были всем. Они управляли государством, располагая в законодательном собрании голосами продажной мелкопоместной шляхты; они командовали армией, имея каждый свою феодальную дружину; они создавали свои панские дворы, соперничавшие с королевским двором и зачастую превосходившие его по великолепию и численности придворных. Король был один и поэтому боялся своих магнатов; их же было много, и они никого не боялись.

Ласскому удалось выгнать Лэпушняна и посадить на престол Молдавии Деспота; Фирлей же оказался менее предприимчивым: упустив удобный случай, он не смог сделать то же для своего друга Иона. Ограничимся пока описанием их взаимоотношений: польский магнат был лютеранином, ярым поборником реформации, главою протестантов в Польше. Чтобы добиться его расположения, Ион должен был объявить себя последователем учения Лютера.

Это было первое вероотступничество нашего героя. Впоследствии он неоднократно переходил от одной веры к другой, меняя их как перчатки.

Нерешительность Фирлея заставила Иона покинуть Польшу и отправиться в Крым ко двору хана, где он вскоре завоевал симпатию наследника трона Мехмеда-Калги, названного в татарской хронике доблестным витязем.

Люди большой души всегда находят общий язык: румынский авантюрист понравился татарскому князю.

В то время крымский хан воевал против Московского государства. Мехмед-Калга командовал татарским войском; можно полагать, что Ион, сопровождая своего друга в военных походах, тогда еще отличился удивительным хладнокровием и необычайной физической силой, что позднее сделало

его грозой на поле битвы. Во всяком случае Мехмед-Калга и Ион стали настолько близкими друзьями, что при отъезде последнего из Крыма в 1563 году Мехмед-Калга вручил ему послание к польскому королю Сигизмунду-Августу, в котором писал: «Очень прошу тебя оказать милость и позаботиться об этом сыне молдавского господаря».

Польша тогда была своего рода данником татар.

Ежегодно в виде подношения польский король слал хану деньги, сукна, шелка, различные мануфактурные изделия.

Страх поляков перед татарами вполне понятен: ведь хан Девлет-Гирей своими ратными подвигами успел удивить весь мир; подданные называли его громким именем «покоритель народов».

Поэтому Ион имел основание думать, что рекомендация от сына татарского хана сделает свое дело.

Но увы! Надежды оказались тщетными.

Получив послание из рук Иона, король наградил его улыбкой, и вместо того, чтобы дать ему войско для завоевания трона своих дедов, дал, очевидно, совет: «Поищи себе магната, который ответит тебя в Молдавию, как Ласский — Деспота; этот магнат сумеет дать объяснение своим собратьям по сейму; а в случае, если нам начнут угрожать турки, мы им скажем, что виновата не Польша, не король, не сейм, а только один магнат, осмелившийся нарушить общественный порядок».

И все же Ион решил не обращаться к польским магнатам: Ласский был один, все остальные — Фирлеи. Он не стал больше унижаться и перед королями вроде Сигизмунда-Августа, щедрыми на слова, но не на дела.

Ион исчезает с нашего поля зрения. Тем временем Молдавию потрясает трагедия: Деспота свергает с престола и убивает некий Стефан Томша; Стефана Томшу свергает и изгоняет из страны Александр Лэпушнян, которому султан соблаговолил вернуть трон Молдавии. Все это происходит в течение нескольких месяцев.

Как только кровавый Лэпушнян вновь становится господарем Молдавии, Ион снова появляется перед нами. На этот раз в Вене.

Немцы вели в то время кровопролитную войну с турками, и император Максимилиан II был рад случаю иметь при своем дворе румынского князька, которого можно было бы использовать для переворота в Дунайских княжествах.

Он принял Иона на службу в австрийскую армию и громкогласно пообещал дать ему семь или восемь тысяч войска, чтобы изгнать Лэпушняна из Молдавии.

Но это были только обещания в чисто немецком духе.

И все же Турецкая Порта забеспокоилась.

Под предлогом переговоров с Максимилианом султан направил в Вену посла для того, чтобы заманить в Константинополь этого опасного Иона.

Посол рассказал Иону о коварстве и беспомощности немцев, способных только на обещания; о том, как били их турки; он описал ему благородство и могущество султана; по словам посла, султану ничего не стоило подарить последнему из своих рабов не только Молдавию, но и десяток таких княжеств, как Молдавия; наконец, он посулил Иону от имени султана золотые горы.

Ион успел разочароваться в христіанах из Польши и уже имел дело с крымскими магометанами.

Он поверил словам посла, тайно покинул австрийскую армию, пересек Дунай и прибыл в Константинополь.

Восточные народы питают слабость к физической красоте, за которую Магомет отправлял в рай.

Ион был огромного роста, крепкого сложения, внешность имел мужественную, сила в нем так и кипела.

Так что наш герой произвел на турок то же впечатление, что и на крымских татар.

«Взирь Мехмед-Соколн,— писал французский посол в своем донесении парижскому двору,— познакомившись с Ионом, принял его очень хорошо в ожидании представления султану».

Прошло не более месяца, и несмотря на расположение визиря к Иону, политические интересы Турции потребовали, чтобы он был отстранен от

двора: во-первых, султан собирал войско, чтобы выступить против Максимилиана, и ему необходимо было сохранить спокойствие в турецких провинциях; во-вторых, Лэпушнян, при поддержке турецких войск вновь занявший трон Молдавии, проявил себя во время своего второго правления большим турком, нежели сами турки, и потому имел полное право требовать от султана, чтобы тот не покровительствовал его сопернику.

Ион был выслан на остров Родос.

Там, на родине ядовитых змей и благоухающих роз, известной у греков под именем Макара, то есть страны счастья, там, где каждый камешек, каждая пещера, каждый холм хранят еще свежие следы героизма иерусалимских крестоносцев, Ион пробыл больше года.

Султан Сулейман Великолепный умер в 1566 году, и ему наследовал его сын Селим II.

Тогда же из Молдавии пришли слухи, что Лэпушняна настигла кара за его преступные деяния: он стал немощен, потерял зрение, то и дело впадает в детство, что еще хуже, чем смерть.

Воспользовавшись этим, визирь Мехмед-Соколи, все еще находившийся у власти, призвал из ссылки своего друга Иона.

О пребывании Иона в Константинополе в течение трех-четырех лет имеются точные сведения, которые все же трудно объяснить.

Авантюрист становится миллионером, самым крупным торговцем драгоценными камнями в столице Оттоманской империи; своим богатством и роскошью он затмевает всех турецких сановников.

Торговля чревата неожиданностями и даже чудесами, в которые трудно поверить и которые все же случаются; законы кредита, денежного обращения, конкуренции и многие другие весьма гибкие и всеобъемлющие законы политической экономики не в состоянии все же объяснить нам некоторые тайны: купец, как и священник, требует, чтобы ему верили на слово.

Немецкий историк, живший столетием позже Иона, сделал первую попытку описать жизнь на-

шего героя. Приведем краткую выдержку из его книги: «Ион вышел в господари из лавочников, подобно тому, как у древних римлян и сарматов простые крестьяне становились у кормила государства, и подобно тому, как в настоящее время в Бельгии коммерсанты становятся во главе флота».

Прекрасные примеры; но сам Ион и не думал, конечно, подражать римлянам, сарматам или бельгийцам.

Его намерения были куда прозаичнее.

Он прекрасно знал, какое магическое действие оказывают на Турецкую Порту богатые подарки и, в особенности, драгоценные камни.

Лет за тридцать до этого Петр Рареш, подарив дочери султана Сулеймана красивую побрякушку, получил трон Молдавии.

Сам Ион имел случай воочию убедиться, как португальский еврей, завоевав расположение султана Селима своими товарами, стал герцогом Наксоским.

Торговцы ювелирными изделиями меняли рубин на княжескую корону: такие сделки были по вкусу Иону. Чтобы преуспеть в них, он вторично меняет религию.

Воспитанный в духе армянской церкви и принявший затем, благодаря поляку Фирлею, лютеранство, Ион переходит теперь в магометанскую веру.

Друг визиря и приятель высших турецких пашей, Ион, сблизившись с самим султаном Селимом, с нетерпением ждал подходящего случая, чтобы захватить вожаемый трон Молдавии, на котором после смерти Лэпушняна восседал его сын Богдан; по свидетельству летописцев, у этого пятнадцатилетнего юноши были два непатриотичных пристрастия: шутки и поляки.

Под видом купца Ион исколесил всю Молдавию, от Галиции до Подолии, от Прута до Днестра.

Неразлучный и преданный друг Иона, молдавский боярин Иеремия Голия, бежавший когда-то от Лэпушняна, всюду сопровождал нашего героя, помогая ему связываться с боярами, недовольными Богданом.

Итак, в Молдавии образовалась сильная оппозиционная группа из крупных бояр, которые обратились с жалобой к Турецкой Порте.

Султан только и ждал такого выступления со стороны молдаван.

Богдана официально считали предателем интересов Турции.

Сразу же после смерти своего отца Богдан заключил союз с Польшей, объявил себя вассалом короля Сигизмунда-Августа и ожидал лишь подходящего момента, чтобы отказаться от уплаты дани Турции.

Занятый войной с Венецией, султан делал вид, что ничего не знает об этом: ему не хотелось быть втянутым в новую войну на Дунае в случае, если молдаване стали бы на сторону своего господаря.

Как только в Константинополь было доставлено письмо, в котором бояре жаловались на Богдана и просили Иона, султан поспешил послать его в Молдавию.

Турция все же опасалась вызвать этим войну с Польшей, поэтому назначение Иона господарем Молдавии держалось в секрете и объявлено было, что он отправился на Дунай по своим торговым делам.

Иона сопровождал небольшой отряд турецких солдат под видом стражи, охранявшей обычно караваны, следовавшие на далекие расстояния.

Проезжая через Фессалию и Болгарию, Ион привлек к себе на службу сербских, греческих и болгарских добровольцев.

В общем он располагал армией численностью не более 4—5 тысяч человек.

Но ему не требовалось и этого, так как его ждала страна.

Как только Ион перешел Дунай, Богдан со своими приверженцами поспешил бежать, чтобы спастись от бояр, решивших выдать его туркам.

На своем пути от Галаца до самой Сучавы Ион не встретил никакого сопротивления.

При въезде в столицу Молдавии бояре и народ встретили его традиционными приветственными возгласами «Отец Молдавин», подобно тому как римских императоров встречали словами «*Patris patriae*».

Этот почетный титул молдаване давали лишь

тем господалям, которые избавляли их от ига тиранов. Деспот получил его за изгнание жестокого Лэпушияна, Ион — за ниспровержение непопулярного Богдана, которого народ невзлюбил за его пристрастие к шутовским развлечениям и полякам.

В то время как Иона с большими почестями принимали в столице Молдавии, Богдан, запершись в Хотинской крепости, молил о помощи короля Сигизмунда-Августа и своих друзей среди польских магнатов.

Польский король сделал все, что было в его силах: он направил посла в Оттоманскую Порту; но посол вскоре вернулся ни с чем, если не считать того, что Ион-Воевода поднял его на смех; он благосклонно разрешил послу проехать через Молдавию, но при встрече наградил его таким уничтожающим взглядом, что несчастного дипломата бросило в дрожь: ему еще не приходилось видеть взгляда, более ужасающего.

И действительно, маленькие черные глаза нашего героя с необычайной силой отражали его душевное состояние: в минуты внутреннего удовлетворения они светились радостью и теплотой, в минуты гнева они наливались кровью и сверкали из-под густых, насупленных бровей.

Польским магнатам, связанным с Богданом родственными узами, все же кое-что удалось для него сделать. С грехом пополам они сколотили войско в 3000 человек, все как на подбор, отпрыски именитых польских семейств.

Кроме самой неприступной в Молдавии Хотинской крепости и кроме помощи со стороны поляков, Богдан, как и все свергнутые с престола господа, имел несколько приверженцев среди молдавских бояр.

Чтобы избавиться от врагов внутри страны, Ион-Воевода приказал отрубить им всем головы.

Молдавская знать пришла в ужас при виде того, как в руки цыган, исполнявших роль палачей, попали наиболее знатные бояре, среди которых был и достопочтенный боярин Ионашку Збиеря, великий ворник Нижней Молдавии, выходец из древнейшей боярской семьи.

Его голова скатилась к ногам палача-цыгана в первый день пасхи

Тем самым Ион-Воевода хотел показать, что никакой праздник не сможет спасти от возмездия тех, кто покушается на безопасность страны

Национальные интересы прежде всего: пасха потом!

Новый ворник Нижней Молдавии Думбрава отличался не знатностью, но умом.

Ион-Воевода поручил ему отразить нападение поляков.

Напутствие, полученное им по этому случаю от господаря, напоминало принцип, которым руководствовался Сципион Старший: «Дай врагу не только возможность сбежать с поля битвы, но и помощи ему в этом».

Думбрава в своем распоряжении имел 6000 воинов из Нижней Молдавии: из Сорок, Оргеева и Фалчиу, издавна отличавшихся своей воинственностью; с ними был и отряд бессарабских турок под командованием Аккерманского санджака, прибывший по просьбе Иона-Воеводы.

С таким войском легко было разгромить 3000 поляков, вторгшихся во враждебную им страну, но молдавский господарь не считал нужным ссориться со своим могущественным соседом, рассчитывая, напротив, что в будущем дружественные отношения с ним могут ему очень пригодиться

Думбраве велено было щадить врагов

Поляки перешли Днестр выше Хотина и через знаменитые Козьминские леса направились к Пруту

Козьминские леса! Одно упоминание о них наводило ужас!

За восемьдесят лет до этого прадед Иона-Воеводы, Стефан Великий, уничтожил в этих местах весь цвет польской армии. Многочисленные груды белых скелетов среди зеленой листвы деревьев остались красноречивым свидетельством кровавого побоища.

По этому же пути в Молдавию проник польский магнат Ласский, чтобы посадить на престол Деспота вместо Лэпушняна.

Поляки каждый раз неизменно избирали этот

трагический путь для нашествия на Молдавию, считая, что чувство мести должно будет разжечь доблесть польских воинов, так как в Польше не было ни одной семьи, которая не оплакивала бы своего отца или деда, погибшего от руки Стефана Великого!

Польское войско возглавлял Мелецкий, лучший из их военачальников того времени. Несколькими месяцами раньше за исключительные заслуги перед родиной его чуть не избрали королем Польши.

Не имея в своем распоряжении артиллерии, он затребовал все пушки, которыми была оснащена Хотинская крепость, и, получив их, двинулся на юг вдоль Прута до Штефанешт, находящихся на одной широте с Сучавой.

Здесь он рассчитывал встретиться с молдавским войском под командованием воеводы Нижней Молдавии Ионашку Збиери и совместно с ним пойти против Иона-Воеводы.

Смерть предателя, о которой Мелецкий узнал слишком поздно, разрушила планы врагов господаря: вместо Збиери Мелецкий встретил Думбраву.

Молдавские аванпосты, разбросанные по обоим берегам Прута, все время отступали перед поляками и перешли затем на правый берег реки, стараясь заманить поляков в дремучие леса, расположенные севернее Хырлэу, где были сосредоточены основные силы молдавского войска и где полякам волею-неволей пришлось бы сложить оружие без всякого кровопролития.

Поляки поняли свою ошибку и, памятуя о поражении в Козьминских лесах, начали отходить по более краткому пути прямо к Хотину.

Думбрава не заставил себя ждать и следовал за поляками по пятам, изредка атакуя их небольшими отрядами, состоящими из турок, тем самым давая понять, что молдаване были бы рады вообще не враждовать с польским королевством.

Дойдя до Днестра, Мелецкий обосновался в Хотинской крепости.

Думбрава расположился вблизи нее.

С каждым днем положение поляков становилось все более критическим. Они не могли запереться в крепости: их лошади погнбли бы с голода, а до-

стать корм на стороне они не могли, так как передовые отряды Думбравы подстерегали их повсюду; они не могли вернуться в Польшу и через Днестр, поскольку начался разлив.

Очутившись в безвыходном положении, несчастные беглецы обратились к командиру выдвинутого вперед турецкого отряда с просьбой разрешить им удалиться в Польшу и клятвенно пообещали не вмешиваться больше в дела Молдавии.

Возможно, что они прибегали и к подкупу: восточные люди, начиная с султана и кончая последним дервишем, очень падки на подарки.

Как бы то ни было, Аккерманский санджак со своим войском отошел в сторону.

Думбрава, выполняя указания Иона-Воеводы, только для виду открыл огонь по врагам, на самом же деле пули летели над их головами.

В течение пяти дней длилась переправа поляков через разбушевавшуюся реку; когда поляки, наконец, увидели себя на противоположном берегу, они упали на колени и вознесли хвалу господу богу.

«История повторяется», — сказал как-то великий Шекспир.

В наши дни Молдавии пришлось пережить новую польскую попытку вторжения, напомнившую вторжение времен Иона-Воеводы с той только разницей, что вместо Мелецкого действовал теперь Мильковский; как видите, по воле случая, схожи даже имена военачальников!

В обоих случаях небольшая группа безрассудных людей решила померяться силами с целой страной.

В обоих случаях — в 1572 году выступая от имени Богдана-Воеводы, а в 1863 публикуя прокламацию в газете «Ромынул» — поляки уверяли нас, что приходят как друзья, а не как враги.

В обоих случаях румынские господа, основываясь на важных политических соображениях, посоветовали своим генералам — в 1572 году ворнику Думбраве, в 1863 полковнику Кэлинеску — пощадить безрассудных противников.

И, наконец, в обоих случаях у позорно отступивших поляков нашлись почитатели: в 1572 году их воспевали соотечественники, а в 1863 — увы! — их восхвалял даже один из румынов, имя

которого мы обходим молчанием, чтобы не возводить хулу на человека, который уже не может нам ответить!

Хотин все еще оставался в руках поляков.

С запада его охраняли высокие стены и глубокие рвы, с востока — днестровские кручи.

Один путешественник, посетивший Хотин в годы правления Иона-Воеводы, сравнил его с Лифляндским Кокенгаузенем, другой — с английским Конвейем, третий — с Румлигиссаром вблизи Константинополя.

Наивная народная легенда говорит, что Хотинская крепость впервые была возведена еще при жизни Иисуса Христа.

Опасаясь, что поляки сохранят ее, как плацдарм для будущих операций, в ожидании момента, когда Богдан соберет более сильное войско, Ион-Воевода послал в Польшу епископа Исаю Радоуцянского с несколькими видными депутатами, чтобы начать переговоры о мире.

Поляки уже почувствовали, в чьи руки попал трон Молдавии.

С невиданной до того вежливостью они поспешили принять все условия Иона-Воеводы.

Они согласились выдать Богдана, но тот успел бежать из Польши; вместо него молдавским посланцам был передан брат Богдана, который пропал потом без вести в турецкой неволе.

Хотинская крепость была возвращена Молдавии.

Чтобы показать чрезвычайную важность этого приобретения, доставшегося ему, вопреки ожиданию, с такой легкостью, Ион-Воевода назначил пырками Хотина двух своих самых надежных приближенных: своего тестя, боярина Лупя Хуру, и ближайшего своего друга Иеремию Голия, с которым делил горький хлеб на чужбине.

II

ГОСПОДАРЕ

Его любили друзья и боялись враги, он был справедлив с подданными и коварен с чужеземцами.

Макиавелли Жизнь Коструччо

Наконец наш герой смог спокойно править страной.

Хотину ничего уже не угрожало.

Турки покровительствовали Иону-Воеводе, поляки были его друзьями.

Соперник Иона — Богдан — странствовал по свету: из Польши он переехал в Вену, из Вены в Дрезден, из Дрездена в Париж, из Парижа в Копенгаген и, наконец, в Москву, где, как говорят, по приказу царя был зашит в мешок и брошен в реку: наказание... вполне заслуженное тем, кто продался чужеземцам!

Две тысячи лет назад один древний философ сказал: «Когда небо желает доверить своему избраннику великую миссию, оно начинает с того, что подвергает его душу и ум в течение многих дней тяжелым испытаниям; непосильным трудом доводит до изнеможения его тело; шлет ему горе и нужду, заставляет все его поступки оборачиваться против него же, но, в конце концов, оно зажигает его сердце, укрепляет его тело, вдыхает в него силу и энергию, без которых он не был бы в состоянии выполнить свое великое назначение».

Таким было прошлое Иона-Воеводы до того, как он взшел на престол Молдавии; в течение полувека он кочевал из одной страны в другую; на каждом шагу разбитые иллюзии, нравственные страдания и физический труд.

Посмотрим, какова же была миссия, доверенная ему провидением.

Армянин по происхождению, лютеранин в Поль-

ше, турок в Константинополе, Ион-Воевода становится в Молдавии православным христианином; если бы он царствовал в Испании, то по всей вероятности стал бы католиком.

Цезарь, вступив в Галлию, поклонился богам друидов.

Наполеон, будучи в Египте, молился в мечети мамелюков.

Такие великие люди, как Цезарь и Наполеон, исповедуют одну-единственную религию — религию славы, незыблемую в их душе, подобно дну морскому; внешние же проявления культа не трогают их, подобно волнам, скользящим по поверхности моря.

За два неполных года своего мирного правления Ион-Воевода провел пять известных нам реформ: ввел личный контроль господаря над документами, исходящими из его канцелярии; перенес столицу в Яссы; освободил простой народ из-под гнета духовной и светской знати; выпустил государственные медные монеты; навел порядок в отношении податей.

И все это Ион-Воевода сделал без помощи «законодательной палаты»: *законодательным палатам* не под силу произвести переворот «2-го мая».

До 1572 года мы не встречаем ни одного документа по управлению страной, подписанного рукой господаря.

Мы просмотрели не менее десяти тысяч документов в оригинале для того, чтобы убедиться в этом.

До этого великий логофет как первый государственный канцлер прикладывал княжескую печать к грамотам или подвешивал ее на шелковом шнуре к пергаменту; затем урикар, то есть писарь, ставил свою подпись где-нибудь в конце; и после этого, без других формальностей, документ, хотя бы он давал право на владение сотней именней, получал силу закона и вручался тому, кому он был предназначен.

Случалось, конечно, что великий логофет злоупотреблял своим правом. Господарь обычно ничего об этом не знал.

Ион-Воевода, заметив, что без его ведома может быть совершено много несправедливостей, первым из господарей начал собственноручно подписывать документы, иногда даже датируя их.

В первый же год своего правления он сменил двух великих логофетов; третий не осмелился злоупотреблять доверием Воеводы.

До 1572 года столицей Молдавии был город Сучава.

Это почетное право он сохранял на протяжении трехсот лет. В столице, живописно расположенной на берегу чистой речки, имелось шестнадцать тысяч домов, сорок церквей, множество дворцов; а Сучавская крепость славилась тем, что за столетие до этого она отразила бешеный натиск сильной польской армии.

Все это давало, казалось бы, Сучаве ее традиционное право и впредь оставаться столицей Молдавии.

Но неожиданно, процарствовав лишь несколько месяцев, Ион-Воевода перенес столицу в Яссы.

В маленький городишко, стоящий к тому же далеко от реки.

Прежние господа, которым нравилось строить дворцы в местах своей охоты, даже если они наезжали туда раз в год на два-три дня, построили красивый каменный замок в южной части Ясс, на краю глубокого рва, что давало возможность использовать его для обороны в случае войны.

В Яссах имелся также армянский храм, католический костел и три православные церкви.

И, наконец, город украшала каменная баня в восточном стиле.

Из всех городов Молдавии именно этому городу ничто, казалось бы, не могло предвещать блестящего будущего.

Но что же все-таки побудило Иона-Воеводу покинуть Сучаву и выбрать Яссы?

Сучава находилась слишком близко к польско-венгерской границе и слишком далеко от турок и татар; в случае войны она неожиданно могла подвергнуться нападению со стороны Галиции или Трансильвании; в то же время господарю трудно было бы, за дальностью расстояния, отразить вражеское нашествие со стороны Днестра и Дуная.

Яссы же находились в самом сердце Молдавии.

Это огромное стратегическое преимущество было достаточно убедительным, чтобы предопределить решение Иона-Воеводы.

Желая добиться уважения всех соседей, он перенес княжеское гнездо в центр страны, чтобы обозревать ее во всех направлениях, подобно орлу, следящему с вершины скалы и за охотником, которого он должен остерегаться, и за стадом, в котором он избрал себе жертву.

Протестовали ли в 1572 году жители Сучавы против перевода столицы в Яссы, как протестуют сегодня Яссы против Бухареста?

Известно, что с перемещением столицы Сучава, не имеющая теперь и тысячи домов, утратила свое бывшее величие.

Известно, что тогда не ставился насущный вопрос об объединении княжеств, что воодушевляло теперь всех румын.

Известно, что Ион-Воевода не оставил Сучаве, хотя бы в виде утешения, ни трибунала, ни университета.

Известно все это... но не осталось сведений о том, что жители Сучавы протестовали.

Все, что осталось бывшей столице из ее прежнего величия, — это склеп с мощами святого Иона, по прозвищу Новый.

Он был родом из Трапезунда; из всех христианских народов только румыны не дали ни одного календарного святого, предоставив эту официальную миссию русским и грекам, среди которых люди, достойные царства небесного, насчитывались миллионами.

Лет за двести до Иона-Воеводы один очень религиозный господарь купил за границей и привез в Молдову в Сучавский кафедральный собор мощи этого святого, который и был объявлен покровителем страны.

С тех пор больше из патриотизма, чем из религиозных побуждений, этот святой, с дипломом «национальный», стал пользоваться у молдаван самым трогательным почитанием: в день святого Иона Сучава всегда была полна мужчин, женщин и де-

тей, паломников из всех уголков страны.

Иностранцы утверждали, что религия молдаван ограничивалась обожанием Иона Нового; и действительно, мы поклоняемся тому, кого считаем защитником родины

Мощи святого были для жителей Сучавы главным источником дохода. Ион-Воевода уважил их, не забрал мощи, и жители остались довольны

Изучив положение в стране, господарь увидел, что народ, подобно могучему богатырю, отравленному укусом змеи, страдает под гнетом небольшой кучки угнетателей. Это напоминало статую Лаокоона, но статую живую и притом колоссальных размеров!

С одной стороны народ, с другой — бояре и духовенство.

Народ составлял подавляющее большинство: увы, не люди, но «души».

Бояре и монахи в меньшинстве, но за ними стояла «материя»; все земли, все доходы, все привилегии. Тот, кто не входил в их касту, был лишен даже клочка земли на могилу.

О таком положении вещей говорится в летописи: «В Молдавии так повелось, бедные терпят от богатых и гибнут без суда, без вины, без подобия».

И кажется, что из феодальной тьмы средневековья доносятся стоны крестьянской песни: «От хозяев мы видим только зло: они не дают нам ни слова, ни права; они все забирают, все пожирают, обрекая нас на бедность и муку...»

От летописи Уреке до песни Роберта Уейса прошло целых три столетия, но наши барщинные крестьяне по-прежнему остались на положении феодальных рабов.

При таких обстоятельствах господарь мог избрать один из трех путей: пойти вместе с духовенством и боярами против народа, или вместе с народом против бояр и духовенства, или, наконец, примирить одних с другими.

В Молдавии были испробованы все три пути.

С народом против бояр и духовенства был Петр Рареш; он умер на троне после славного двадцатилетнего правления.

С боярами и духовенством против народа был

Алексаидр Лэпушняну в свое первое правление: его предали, свергли с престола и изгнали из страны

Помирить народ с боярами и духовенством пытался Якоб Деспот, этим он вызвал недоверие обеих сторон и погиб под ударами объединенной коалиции.

Эти три случая были свежи в памяти Иона-Воеводы, и он, будучи самолюбив, решил пойти по тому пути, при котором возможно вырвать народ из когтей аристократии, большинство — из рук меньшинства, стадо — из волчьей пасти.

Упоминалось уже, что великий ворник погиб под секирой палача как раз в первый день пасхи.

И другие бояре последовали за ним, хотя не все из них имели удовольствие отведать перед смертью красное яичко.

«Ни великих бояр, ни мелких не щадила сабля Иона-Воеводы, и убивал он их самыми разными способами», — говорится в молдавской хронике.

Монастыри в праздности и разврате потребляли то, что с потом и кровью доставлял им народ.

Ион-Воевода дал им урок, небывалый в румынской истории.

Один из епископов был уличен в преступной безнравственности; княжеский совет решил последовать Кодексу Феодосия: «Да погнбнет содомит в огне перед лицом народа», презренный епископ был заживо сожжен; Иону-Воеводе, по-видимому, пришлось по душе предписание римского права

Митрополит Молдавии, наживший несметные богатства на торговле божьим словом, спасся от казни, бежав в горы.

Боярин, предавший одного за другим трех молдавских господарей и ставший затем главарем гайдуков, решил замести следы и скрыть свое прошлое, переодевшись в монаха; но был схвачен и заживо закопан в землю.

«Тюрьмы были переполнены монахами», — говорится в молдавской летописи.

Церковники по-своему мстили за это господарю: ни в одном из монастырей Молдавии не хранился портрет Иона-Воеводы и ни в одном из помн-

нальников нет его имени. А сто лет спустя после его смерти митрополит, составивший в стихах перечень господарей Молдавии, даже не включил его в список, где зато воспевал добродетели Лэпушняна

«Он правил честно, в Слатине построил
Красивый монастырь, пожалуй, лучше всех!»

Так-то вот!

Свою ненависть к боярам и духовенству, свое презрение к аристократам всех мастей Ион-Воевода иногда выражал и не прибегая к помощи палачей

В Молдавии власть имущие прикрывали свои далеко не евангельские поступки самым усердным соблюдением церковных постов; крестьяне же, наоборот, измученные гнетом бояр, боялись погибнуть, если бы стали отказываться во время поста от изредка перепавших им мяса и брынзы.

«В Мунтении бояре и народ одинаково религиозны,— замечает путешествовавший в те годы по стране монах с Востока,— в Молдавии же даже великий пост соблюдают только высшие классы; что касается низших, то они не принимают его во внимание; они менее религиозны, чем татары, и отсутствие у них религиозных чувств приводило даже к тому, что при посещении их домов патриархом Антиохом никто не выходил ему навстречу хотя бы с ломтем хлеба...»

Итак, Ион-Воевода был таким же безбожником, как и его крестьяне.

Летописец Мирон Костин, бывший великим логофетом, восклицает с ханжеским испугом: «Не думаю, чтобы он был православным христианином; если бы он был христианином, то не женился бы в великий пост!»

Другой летописец, митрополит, называет его Ионом Злым.

Каждый из них — и великий логофет, и митрополит — были правы... по-своему.

Уничтожая и бояр и монахов, имевших в то время большую силу, Ион-Воевода постарался обезвредить их: он помешал им объединиться против господаря; правда, любая коалиция слаба, если ее не поддерживает народ.

Как уже говорилось, все аристократы, как ду-

ховные, так и светские, молились одному богу: эгоизму, личным интересам, деньгам.

Ион-Воевода забавлялся, натравливая их друг на друга.

Отобрав, например, монастырскую землю, он дарил ее боярину; духовенство обрушивалось на бояр.

Или, отобрав имущество у одного монастыря, он передавал его другому монастырю: и монастыри начинали враждовать между собой.

Или, наконец, отобрав землю у одного боярина, он давал ее другому боярину; и бояре хватили друг друга за глотку.

Народ радовался, видя, как его бывшие угнетатели истребляют друг друга.

Господарь смеялся, видя, до чего глупы люди.

Ион-Воевода не наделил крестьян землей, потому что опасался кризиса, перспективы которого, с одной стороны, не были достаточно ясны, а с другой стороны, могли дать хорошие результаты только по истечении долгих и смутных лет.

Наделение крестьян землей за счет собственности духовенства и боярства привело бы к дроблению хозяйств, в результате чего богатые обеднели бы, а огромное большинство бедных все равно не обогатилось, потребовались бы десятки лет, чтобы новое положение вещей вошло в норму и стало лучшим, чем прежнее... Ну, а до тех пор? До тех пор была бы одинаковая бедность для всех и во всем!

Иногда Ион-Воевода наделял землей не только крестьян, но даже цыган, правда, он делал это лишь в тех случаях, когда они имели возможность заплатить за нее наличными; если же они не в состоянии были это сделать, он прибегал к другим постепенно облегчавшим их положение мерам, не приводившим к кризису, но даже способствовавшим процветанию государственной казны.

Секрет нашего героя был необычайно прост: он не давал боярам и духовенству злоупотреблять трудом крестьянина.

Ион-Воевода видел, что бояре и духовенство, присваивая себе почти весь заработок крестьянина, нарушали интересы государственной казны, в которую они ничего не вносили и которую народ не имел возможности пополнять.

Долой злоупотребления! — только и всего.

Интересно по этому случаю познакомиться с тем, как складывалась в стране земельная собственность согласно древним неписаным законам, которые были рациональны именно тем, что не являлись плодом воображения какого-нибудь министра, а отражали кровные интересы самого народа.

Бояре и монастыри были не земельными собственниками, а только наследственными владельцами земельных наделов, данных им когда-то князьями как пустующие, не имеющие никакой ценности земли, которые надо было заселить людьми и извлечь таким образом из них пользу.

Единственным собственником всех земель в стране был и оставался сам государь; поэтому бояре и монастыри могли продавать, менять, закладывать или дарить свои имения, только получив специальное разрешение государя, связанное всегда с уплатой налогов деньгами или натурой; при каждой из таких сделок государь подтверждал право на земельный участок нового владельца следующими знаменательными словами: «Дарится ему это село», и т. д.

При таком статуте земельной собственности крестьяне имели двойные обязательства: одни — по отношению к государственной казне, другие — по отношению к наследственным владельцам земли.

Вот основные обязательства крестьян по отношению к государственной казне: налоги и судебные штрафы, например, налог на развод, на бракосочетание, штрафы за воровство, за убийство и т. д., небольшой ежегодный денежный налог и налог натурой: овцами, свиньями, барашками.

От этих доходов государственной казны владелец имения имел право удерживать третью часть как вознаграждение за их сбор.

Главными обязательствами крестьян по отношению к землевладельцам были три дня барщины: один на пахоте, другой — на косовице, третий — на жатве; два раза в год: на рождество и на пасху, — оброк или так называемые «подношения» в виде яиц, кур, брынзы.

При правлении государей-аристократов бояре и духовенство присваивали себе на основании официальных решений или при молчаливом попусти-

тельстве все доходы, которые полагались казне и из которых они имели право только на одну треть; с другой стороны, они не хотели считаться с регламентацией крестьянских обязательств, заставляя их работать на себя и приносить подношения чуть ли не каждый день.

Государственная казиа пополнялась за счет конфискаций и таможенных налогов, которые не попадали в частные руки, а также оброком в виде меда и воска. Налоги на землю, составляющие главный доход любого организованного государства, сводились к нулю.

Решительно ограничив чрезмерные права помещиков на крестьянские доходы, Ион-Воевода достиг трех крайне важных целей: обогатил крестьян, то есть подавляющее большинство населения страны; собирая с них только одну пятую или даже одну десятую того, что отбирал у них помещик, щедро пополнил государственную казну; стал кумиром тех, кто поистине представлял собой народ.

И это при том, что он не наделил крестьян землей.

Об административном гении Иона-Воеводы говорит и другой факт.

При крупных торговых операциях, проводившихся прежде всего представителями высшего класса, Молдавия пользовалась иностранными золотыми и серебряными монетами, зарабатывая их на вывозе скота.

Медных же монет было мало, и крестьяне в своих мелких торговых сделках были вынуждены расплачиваться больше натурой, хотя такого рода оплата являлась самой ненадежной и неточной.

Предшествующие господа — Деспот и Лэпушняну — чеканили государственные деньги из серебра. Они совершенно не думали о нуждах крестьян.

Ион-Воевода понял все преимущества медной монеты, производство которой, обходясь дешево государству, давало бы огромную выгоду, обогащая крестьян, а следовательно, и государственную казну.

Государственная разменная монета начала, на конец, обращаться по всей Молдавии

Кроме всего прочего, на монетах народ видел изображение господаря, который величался на них патриотическим титулом Отец Молдавии.

Нужно заметить, что это были наши первые медные деньги, да еще с надписью на румынском языке; не на латинском, как у Деспота и Лэпушняну; и не на славянском, как у их предшественников. На латыни и по-славянски говорили бояре и духовенство, крестьяне же — по-румынски.

Высокое покровительство, оказываемое народу в противовес высшим классам, имело, главным образом, как мы уже могли убедиться, финансовую цель.

Освободив крестьян из-под ига помещиков-феодалов, Ион-Воевода сделал именно то, что западноевропейские короли сделали ранее в отношении городов. Огромные суммы, собираемые прежде от случая к случаю, превратились теперь в регулярный доход казны, который ложился меньшим бременем на отдельных граждан, но в общем был колоссальным: течение реки было изменено и направлено в пользу трона; таким образом, многочисленные разбухшие ручьи, разбросанные по всей территории страны, слились теперь в одну огромную, бурную реку золота.

Улучшив положение крестьян, Ион-Воевода имел право требовать с их стороны не только признательности, но и материальной поддержки в смысле своевременной и полной уплаты налогов, намного меньших, чем те, которые обычно взимали с них бояре и духовенство.

Финансовое состояние любого государства в большинстве случаев не зависит от бедности или богатства народа, но целиком и полностью — от способа взимания налогов. Так что и бедный народ может иметь богатую казну, если сбор налогов будет проводиться энергично и организованно. И наоборот, у зажиточного народа кзна может оказаться истощенной, если взимание податей проходит вяло и неорганизованно.

Иону-Воеводе удалось сделать так, что деньги сами по себе потекли в государственную казну без помощи огромного числа оплачиваемых агентов, без статистических управлений, без французской

бухгалтерии, без финансовых инспекторов; он ограничился тем, что с чрезвычайной строгостью применял против неплательщиков налогов уголовный закон.

Законы хороши не числом, но соблюдением!

Вот что пишет один современник Иона-Воеводы: «Если кто-нибудь продавал без ведома господаря виноград из своего виноградника или что-нибудь другое, подлежащее обложению, ему продавали через ноздри цепь, связывали руки за спину и отдавали палачам для избиения в публичных местах; труп провинившегося оставляли без погребения, на съедение собакам!..»

В настоящее время наши законы наказывают людей, задолжавших частным лицам, большей частью грекам или евреям, так как румыны обычно не располагают лишними деньгами, которые можно давать взаймы... что же касается должников государству, то они остаются, как правило, безнаказанными.

Мы предпочитаем систему Иона-Воеводы.

Историки вменяют в вину нашему герою его жестокость.

Они неправы.

Вот что сказал спустя два с половиной века Великий Наполеон, когда историки обвиняли его в жестокости:

«Я всегда был на стороне большинства, зачем же мне было прибегать к преступлениям?»

Какая великолепная логика!

Ион-Воевода также всегда был на стороне народа.

Народ любил его, как никого из тех, кто был до него и после него на троне Молдавии.

И даже сами историки, его противники, все в один голос признают необычайную популярность Иона-Воеводы.

В чем же тогда состоят его преступления?

Нельзя назвать жестоким того господаря, который ценою жизни нескольких аристократов и суровым соблюдением закона завоевывает преклонение и любовь всего народа.

Блестящие результаты правления Иона-Воеводы можно выразить несколькими словами:

В 1572 году, когда он только пришел к власти, каких только бедствий не переживала Молдавия.

Ужасная чума свирепствовала в селах и городах

Комета пугала воображение людей

Яростное наводнение затопило плодородные земли.

Государственная казна была опустошена прихотями и пустыми увеселениями Богдана-Воеводы, который разъезжал в каретах, изукрашенных золотом и серебром.

Турки и татары, с помощью которых Ион-Воевода взшел на престол Молдавии, не могли удержаться от убийств, грабежей, насилий.

Одним словом, на Молдавию обрушился целый поток горя.

В течение двух лет Ион-Воевода осуществил то, о чем мечтали все великие господа: государственные финансы процветали, а налогоплательщики были довольны.

Летописец Уреке в молодости был писарем при дворе Иона-Воеводы, но он принадлежал к одному из самых аристократических семейств Молдавии, состоял в родстве с другими боярами, был предан духовенству и, следовательно, до глубины души ненавидел своего господина.

И все же, несмотря на ненависть, которой дышат строки его повествования, несмотря на то, что он не побоялся надругаться над самой смертью нашего витязя, несмотря на все это, летописец Уреке вынужден был охарактеризовать Иона-Воеводу следующим образом: «Умом был остер, речист и мог бы управлять не только нашей страной, но и другими, более крупными».

Подобные слова из уст врага!

Не менее искусной была и внешняя политика Иона-Воеводы. К сожалению, нам известен только один маневр государя маленького княжества, который чуть было не запутал в сложнейшем лабиринте своей макиавеллевской дипломатии три самых крупных государства Европы: Турцию, Францию и Польшу.

Вскоре после вступления Иона-Воеводы в Молдавию умер польский король Сигизмунд-Август.

Он был последним отпрыском династии Ягеллонов, поэтому появилось много претендентов на вакантный трон; среди них был и Генрих де Валуа, брат французского короля Карла IX.

Турецкая порта поддерживала его.

В самой Польше его в особенности поддерживал знаменитый Ласский, который однажды помог Деспоту занять трон Молдавии, а теперь сам решил стать ее господарем; через представителей Франции в Константинополе он попросил корону Молдавии как награду за услуги в деле Генриха де Валуа.

Франция начала тайные переговоры о свержении с престола Иона-Воеводы.

Таким образом, молдавская политика столкнулась с французской.

Проследим перипетии этой интриги.

Вскоре после смерти Сигизмунда-Августа Ион-Воевода посылает одновременно двух послов: одного — в Константинополь к визирю Мехмеду-Соколи; другого — в Краков, в Польский сейм.

Посол, направленный в Турцию, просил у султана помощи, обещая от имени Иона-Воеводы, что во главе войска татар легко завоюет Польшу, ослабленную анархией.

Господарь хорошо знал, что султан, связанный дружбой с Францией, не согласится выполнить его просьбу.

И действительно, визирь поспешил ответить Иону, чтобы тот воздержался от нападения на Польшу, но в то же самое время похвалил его за рвение и храбрость.

С другой стороны, посол, направленный в Польшу, убеждал поляков, что сотысячная армия, состоящая из турок, татар и мунтян, воспользовавшись смертью Сигизмунда-Августа, готова напасть на Галицию, но что по милости божией этому препятствует Ион-Воевода, обратившийся к визирю Мехмеду-Соколи с просьбой предотвратить это выступление.

Охваченные страхом поляки не знали, как отблагодарить великодушного господаря Молдавии.

За услугу, которую он, якобы, оказал Польше, Ион-Воевода попросил у Краковского сейма две вещи:

1. Возвращения Покутья.

Стефан Великий завоевал его у поляков и удерживал до самой своей смерти. Богдан Кривой его потерял; Петр Рареш захватил его вновь, но несколько раз терял; его преемники смирились с этой потерей и в течение сорока лет оставляли Покутье под скипетром Польши; пока, наконец, достойный правнук великого Стефана, Ион-Воевода, не подал голос.

«Покутье — это мое достояние», — заявил он польскому сейму.

2. Возврата молдавской казны, конфискованной Польшей.

В 1564 году Стефан Воевода Томша, убийца Деспота, бежал от Лэпушняну, который пришел в Молдавию во главе турецких войск; но Томша был схвачен поляками и обезглавлен во Львове по приказу короля Сигизмунда-Августа или, вернее, по требованию турецкого посла, специально прибывшего для этого в Польшу.

Томша увез с собой всю государственную казну. Поляки, эти палачи на службе султана, пренебрегая чувством христианской солидарности и законами гостеприимства, конфисковали мешки с золотом. За свой позор слепого подчинения язычникам они с легким сердцем присвоили металл.

Ион-Воевода требовал теперь возвращения Молдавии этой национальной собственности.

Молдавское посольство выполнило свою миссию с таким достоинством, что поразило этим Краковский сейм, который оказал ему большее уважение, чем даже императорскому Венскому посольству.

Поляки не осмеливались отрицать наше право на Покутье и на имущество Томши, но они тянули с ответом, обещая дать его сейчас же после избрания нового короля.

Ион-Воевода понимал, что поляки не вернут Покутье, за которое они целое столетие проливали кровь, и что при всем своем желании они не смогут вернуть сокровищ, захваченных Томшей, давным-давно растраченных и всеми забытых; но ни По-

кутье, ии Томша, по сути дела, не интересовали молдавское посольство.

Как в Константинополе, где он подготовлял почву против поляков, так и в Кракове, где он плел интриги против Турции, Ион-Воевода добился своей цели.

В Константинополе он снискал еще большее доверие турок, обезопасив себя от козней Франции.

В Кракове, с дьявольской хитростью приписывая туркам все выдуманное им самим, он компрометировал их в глазах поляков, чтобы поколебать кандидатуру оттоманского протезе Генриха де Валуа.

Спустя некоторое время Ион-Воевода направил за границу еще двух послов, и снова одного — в Константинополь, а другого — в Краков.

Посол, направленный в Константинополь, сообщил Оттоманской Порте, что низвергнутый с престола Богдан-Воевода собирает в Польше с помощью магнатов многочисленное войско, чтобы снова напасть на Молдавию, и что он находится уже на подступах к Хотинской крепости...

Посол, направленный в Краков, просил сейм не допустить никаких действий со стороны Богдана.

Это была очередная уловка Иона-Воеводы.

Богдана уже давно не было на польской территории.

И все-таки турки враждебно настроились против Краковского сейма, а Краковский сейм, думая, что Богдан на самом деле скрывается где-нибудь в Польше, разослал во все концы курьеров и секретных агентов, чтобы схватить несчастного беглеца. Все эти действия Польши свидетельствуют о том, каким грозным казался Ион-Воевода одному из самых могущественных государств Европы.

Но какую же тайную цель преследовал молдавский господарь? Во-первых, он хотел вызвать в Константинополе неудовольствие турок против поляков и нанести таким образом косвенный, но чувствительный удар по кандидатуре Генриха де Валуа.

Во-вторых, под видом преследования Богдана, выиграть время, чтобы через своего посла плести интриги в Кракове против французской политики.

Видя, что Турция, по просьбе Парижского дво-

ра, все еще шадит границы Польши, Ион-Воевода посылает третьего посла в Константинополь.

Воспроизводим выдержку из письма французского посла при турецком дворе к Генриху де Валуа:

«Я узнал, что господарь Молдавии послал сюда гонца, который заверяет, будто Вильно и вся Литва с согласия и по воле всего народа приняли Московского царя и будто есть опасения, что и Польский сейм ему тоже подчинится, зная, что он хорошо вооружен и находится так близко; эта весть очень встревожила турок и побудила их на вчерашнем совете принять решение о начале войны против Польши».

Таким образом, дипломатия Иона-Воеводы опрокинула бы кандидатуру Генриха де Валуа, если бы поляки не поспешили рассеять подозрение турок.

И, наконец, незадолго до решительного момента избрания короля прибыл в Краков и третий молдавский посол.

Иону-Воеводе удалось перехватить два письма турецкого визиря Мехмеда-Соколи, одно — к Краковскому сейму, другое — к епископу Монлюку, французскому послу в Польше.

В письме к сейму визирь приказывал полякам избрать Генриха де Валуа и заканчивал письмо следующими словами: «Не запаздывайте с приведением в исполнение приказа султана». В письме к Монлюку он выражал глубокое понимание интересов Франции со стороны Турции.

Скандал стал принимать грандиозные размеры: Язычник дает приказы польскому государству! Генрих де Валуа предстает как фаворит султана!

Всеобщее негодование охватило гордых магнатов и тем более сильное, что молдавский посланник прочитал им во время пленарного заседания полное иронии письмо от самого Иона-Воеводы:

«Из прилагаемого письма да будет вам известен приказ его величества султана посадить вам на шею брата французского короля; думаю, что у вас хватит ума понять, что его величество султан не действует в интересах христианства».

Напуганный тем, что хитрость Иона-Воеводы

может оказать свое воздействие, Монлюк бранился, воливался, кричал, пытаясь доказать, что оба письма выдуманы молдаванами.

Все же секретарь французского посольства Жан Шуазнен признает в своих мемуарах, что хитроумная дипломатия господаря Молдавии до того скомпрометировала кандидатуру Генриха де Валуа, что ее едва могла спасти известная своей гибкостью и тонкостью политика Монлюка

Кого же все-таки хотел видеть Ион-Воевода на троне Польши?

Эрнеста — сына императора Максимилиана?

Нет. На собственном опыте он убедился в нерешительности и крайнем эгоизме австрийцев.

Сигизмунда — сына короля Швеции?

Нет, тот был из слишком далекой страны.

Симпатии Иона-Воеводы завоевал тот, кого г-особенности опасались турки: это был Московский царь Иван Грозный.

С этой целью епископ Исаия Радоуцянский, очень тонкий дипломат, о котором шла речь еще в начале нашего повествования, был тайно послан в Москву.

Но чего он добился? Мы не знаем.

Таким образом, господарь Молдавии в течение двух лет развил необыкновенно тонкую дипломатическую деятельность, которая затронула многие страны и явилась ярким выражением его сокровенной мечты:

ОСВОБОДИТЬСЯ ИЗ-ПОД МУСУЛЬМАНСКОГО ИГА!

Молдавия платила Турции ежегодную дань в сорок тысяч золотых, но умелое правление Иона Воеводы привело страну в такое цветущее состояние, что Османская Порта почувствовала себя вправе претендовать на гораздо большую дань.

Султан Селим II и его визирь Мехмет-Соколи были в то время самыми алчными людьми в мире.

Турецкий посланец передал Иону-Воеводе приказание султана платить ему восемьдесят тысяч золотых.

«Сорок тысяч будешь платить как бей Молда-

нии, а остальные сорок тысяч как язычник, осмелившийся отречься от веры Магомета», — гласило послание визиря, скрывавшее под благочестивыми софизмами мерзкую алчность.

Посланец прибыл в Яссы как раз в тот день, когда на голову Генриха де Валуа возлагали корону Польши. В этот час, по воле рока, и на севере и на юге восторжествовали враги Иона-Воеводы.

Для избрания господаря, для принятия законов, как и для решения других вопросов первостепенной важности, созывалось всенародное собрание на более широкой основе, чем теперешнее «всеобщее избирательное право».

В решениях принимали участие, так же как и по действующему в настоящее время закону, «бояре, духовенство и народ»; но, подробно анализируя это определение, мы находим в нем элементы, потерявшие сегодня их прежнее значение.

Дворянство с правом голоса представляли тогда все бояре без исключения: крупные бояре, бояре второго и третьего ранга, бояре в отставке, мелкие уездные бояре и высшие военные чины.

Духовенство с правом голоса представляли митрополиты, епископы и негумены.

И, наконец, шел «весь народ».

Но, несмотря на это, не только инициатива, но и обсуждение проектов было исключительным правом Совета бояр; всенародное собрание строго ограничивалось правом выражать свое согласие или несогласие.

Княжеский совет, то есть весемь или девять министров, втайне от народа заранее принимал решение. После этого митрополит, или великий логофет, или даже сам господарь выходил на площадь княжеского двора и, обращаясь к народу, толпившемуся на площади, спрашивал его: «Согласны вы с этим?»

Народ отвечал по вдохновению: «да» или «нет» без обсуждений, без поправок, без крючкотворства.

И это было правильно.

Толпа не рассуждает, но она каким-то особым чутьем отлично понимает, что хорошо и что плохо...

Итак, старое законодательство было основано на глубоком знании человеческой природы; большинство, то есть врожденное и стихийное чутье правды, одобряло или отклоняло предложение меньшинства, то есть рассудка, подверженного ошибкам и всегда в чем-нибудь заинтересованного.

Сердце повелевает рассудком.

«Сердце — это то, что чувствует Бога!» — сказал великий Паскаль.

К этому можно добавить: «Сердце — это то, что чувствует сатану!»

Другими словами, в сфере рассудка сердце чувствует то Бога и говорит «да», то сатану и говорит «нет».

Да или нет... Не требуйте большего от всеобщего избирательного права, которое может быть только судьей в делах нации.

История сохранила нам слова Иона-Воеводы, обращенные к всенародному собранию.

«Дорогие бояре и вы, мои любимые слуги!

Сегодняшнее испытание превосходит все трудности, через которые мы прошли.

Алчность турок дошла до того, что они запросили двойную дань.

Если мы согласимся на нее, они не замедлят выжать из нас еще больше, пока не доконают нас совсем, — именно этого и хотят язычники.

А если мы не пойдем на это, нас ожидает война, опустошение, огонь и меч.

Подумайте и выбирайте!

Слепо подчинившись врагу, мы, несомненно, погибнем, и погибнем, как трусы; если же восстанем против него и он разобьет нас, грешных, нам послужит утешением то, что все мы, и наши женщины и дети, погибли мужественно.

Вы знаете, что дань туркам плачу не я, а вы и ваши близкие.

И это ничуть не тревожило бы меня, если бы у меня не болело сердце за мой народ!

Мне жаль вас, и я готов положить за вас голову, дорогие мои товарищи!

Призовем же на помощь бога, чтобы наши враги пали к нашим ногам.

Или станем свободными, или пусть след наш сотрут с лица земли...

Будьте со мной! И мы победим!..»

Чтобы понять, какое впечатление произвела эта страстная патриотическая речь господаря на многочисленных его слушателей, нужно прежде всего знать, что представлял собой молдавский народ в 1574 году.

Как раз в это время один польский путешественник странствовал по Молдавии. Он объехал ее вдоль и поперек, бывал в городах, осматривал монастыри, посещал боярские дома и крестьянские хаты и разучил народную песню, которую так часто слышал, что ее невольно сохранила его память.

Хотите познать характер народа? — Изучите его поэтическое творчество.

Вот молдавская песня, которую выучил этот путешественник и перевел на польский язык:

Стефан, Стефан, воевода,
Рыцарь княжеского рода,
Рыцарь княжеского рода,
Словно солнце с небосвода.
Воевода князь Стефан,
Полководец молдаван,
Полководец молдаван,
Крепко держит буздуган.
Стефан, Стефан, воевода,
Разгромил врагов в походах,
Разгромил врагов в походах,
За спасение народа.
Держал знамя высоко,
Бил поляков жестоко,
Бил поляков жестоко,
И гнал венгров далеко.
Рать молдавская Стефана
Победила войско хана,
Победила войско хана,
И турецкого султана.
Стефан, Стефан, князь родной,
Правил маленькой страной,
Правил маленькой страной,
Но был самый боевой.

Ион-Воевода, великий правнук Великого Стефана, обратился с призывом к народу, в сознании которого живы были еще воспоминания о блестящих победах у Липника, Раковы, Козмина, Баи!

Прошло лишь семьдесят лет со дня смерти Сте-

фана Великого; еще оставались в народе ветераны, которые когда-то сражались под его знаменем и рассказы которых воспламеняли сердца новых поколений

Ион-Воевода знал, к кому обращался!

Воспитанные на героических традициях, молдаване с большим воодушевлением восприняли слова господаря; их опьяняла мысль о доблестном будущем; и они, как говорится в летописи, ответили в один голос: «Мы готовы погибнуть вместе с тобой, наш господин!»

Было принесено святое евангелие.

«Я не требую, чтобы вы поклялись мне, — сказал Ион-Воевода, — клянитесь не мне, а друг другу!»

Клясться друг другу означало стать «братьями по кресту». Это был один из самых замечательных древних обычаев наших предков: приносившие клятву совершали при этом ритуал — вкушали хлеб, испеченный в виде распятия; люди, связанные подобной клятвой, становились неразлучными на всю жизнь, до самой смерти.

И все, как один, поклялись.

Поклялись, чтобы того, кто нарушит клятву, да наказала бы земля, огонь, вода, воздух, хлеб, вино, сабля, бог и мать божия!

Такова была воинская клятва у румын.

Какие величественные моменты были в нашем прошлом!

Ион-Воевода обещал не пощадить своей жизни в борьбе за свободу родины.

Прежде всего нужно было позаботиться о будущем Молдавии на случай, если от вражеского удара погибнет доблестный господарь.

Всенародное собрание одобрило следующие решения: государственную казну и семью господаря отправить в Хотинскую крепость, куда поспешили скрыться и семьи бояр под надзором тестя господаря, пыркалаба Лупя Хуру; младенца Петра, сына Иона-Воеводы, объявили наследником молдавского престола, и его имя стало фигурировать в документах рядом с именем отца.

Чувство патриотизма, разбуженное надвигаю-

щейся опасностью, подсказало необходимость позаботиться о наследнике престола; да будет это нам наукой!

После этого Ион-Воевода позвал к себе турецкого гоица.

«Убирайся,— произнес он с гордостью.— Убирайся и скажи своему императору, что с сегодняшнего дня мы не только не будем платить ему 80 тысяч золотых, но он не увидит даже того, что мы платили до сих пор: деньги, предназначенные для уплаты дани, пойдут на вооружение, и тогда... тогда мы поговорим иначе. А пока убирайся!»

III

ПОЛКОВОДЕЦ

А для силы простор только в войнах,
Лишь борьба возвышает достойных...

*Шиллер.
Мессинская повесть*

Положение Молдавии оказалось угрожающим. В Мунтении и Трансильвании правили господа-ри, слепо и беспрекословно подчинявшиеся Турции.

В Польше взошел на престол Генрих де Валуа. Германия была далеко; русские еще дальше... История не знала столь маленького и одинокого народа, который так безбоязненно вызвал бы на смертельную борьбу более сильного врага!

Знаете ли вы турок 1574 года?

Вот что говорит о них знаменитый Робертсон: «Следовавшие один за другим исключительно способные правители до того усилили турецкое государство, что к XVI веку оно достигло вершины своего могущества, в то время как крупным государствам Европы, исповедовавшим христианскую религию, не удалось еще подняться на такую же ступень.

К тому же турецкое войско обладало всеми преимуществами, которые дает железная воинская дисциплина.

В момент восшествия на престол султана Сулеймана войско янычар имело уже полуторавековую давность и из года в год все больше крепilo дисциплину.

Воинов, призванных в армию из других имперских провинций, непрерывно держали под ружьем, так как Турция почти без передышки предпринимала одну военную кампанию за другой.

Христианские государства, вступившие в борь-

бу с такой хорошо организованной армией, оказывались в невыгодном положении.

. Самые умные и объективные историки XVI века признают это и сожалеют о слабости христиан по сравнению с турками».

Французский посол в Константинополе в 1572 году писал Парижскому двору:

«Я никогда не мог подумать, что турки так грозны, если бы не видел их собственными глазами».

По подсчетам тогдашнего математика годовой доход султана составлял 60 больших бочек золота...

Вот² против такого врага осмелился подняться господарь Молдавии! Хотя и знал его близко.

Получив дерзкий ответ через несчастного гонца, с позором вернувшегося в Константинополь, султан объявил о свержении Иона-Воеводы и назначил на его место Петра, прозванного Хромым, брата господаря Мунтении, по материнской линии происходившего из древнего княжеского рода.

Это был юноша, выросший среди греков; приверженец боярства и, следовательно, недруг народа.

Он пообещал туркам двойную дань.

Турецкая Порта тотчас же послала приказ Никопольскому санджаку, мунтянам и трансильванцам вступить со своими войсками в Молдавию.

Султан направил гонца и к Генриху де Валуа, но молдаване перехватили его; иначе, кто знает, может быть и король Польши, большой туркофил, поспешил бы принять участие в охоте на румынского льва.

На кого же мог тогда рассчитывать Ион-Воевода в войне против этой мощной коалиции?

На молдавских крестьян и... и на горстку казаков!

За Днестром, на границе Польши с татарским ханством, за пятьдесят лет до описываемых событий была создана маленькая республика из беглых людей, девизом которых стало уничтожение врагов христианства.

Эта рыцарская республика образовалась из трех соседних народов: румын, поляков и русских, решивших забыть о своих национальных распрях, чтобы объединенными усилиями бороться против магометан.

Говорили они на смешанном языке, которым легко овладели все эти три нации.

Ежегодно, вернее, перед каждым военным походом, общим голосованием они избирали своего гетмана.

Их резиденция находилась в низовьях Днепра, где они создали небольшую флотилию из лодок, используя ее для опустошения берегов Крыма и Турции.

По мере необходимости они становились и кавалеристами, и пехотинцами, и моряками: кавалеристами в степи, пехотинцами в горах, моряками на воде.

Их войско делилось на сотни, во главе каждой из них был сотник.

Стратегия их была близка к татарской, тактика — к польской

Они все время находились в передвижении, неустанно выслеживая врага; оружием их служили лук, копье, сабля и в особенности ружье, из которого они стреляли без промаха.

Все они были холостяками, без жен и детей; ряды их пополнялись народными мстителями, преступниками и авантюристами, которые стекались со всех сторон, находя здесь верное убежище.

Вскоре они прославились своей неустрашимостью и стали называться казаками, то есть людьми, легкими, как горные козы.

И вот этих объявленных вне закона беглых Ион-Воевода зовет на борьбу против султана Селима, обещая им большое жалованье.

Двенадцать сотен храбрецов явились на его зов.

Была середина марта; стояла во всей своей красоте румынская весна. Ион-Воевода расположился в шатре на окраине Ясс, возле Копоу.

Он устроил казакам блестящую встречу. Окруженный боярской знатью, Ион-Воевода приветствовал их орудийными выстрелами и музыкой рожков, барабанов, свирелей и литавр...

Последовал обед, после которого каждый казак получил великолепный подарок из золота или серебра.

В честь дорогих гостей были раскупорены шесть бочонков вина. Все пили за здоровье Иона-Воеводы.

«Вас только 1200,— сказал им господарь,— но каждая ваша сотня стоит тысячи!»

Несмотря на малочисленность своих войск, Ион-Воевода принял решение свергнуть турецкое иго, руководствуясь не безрассудной отвагой, а глубоким убеждением, что он добьется успеха.

Он знал, на что способен сам.

Он знал, на что способны румыны!

Ион-Воевода изучал военное искусство у поляков, татар, немцев и турок; а его большой природный ум помог ему не только обобщить все достижения военного искусства прошлого, но пойти еще дальше.

Мы с восхищением признаем, что выработанные его полководческим гением воинские приемы во многом отличаются от тактики всех господарей, правивших до него, во многих отношениях они отличаются и от тактики более цивилизованных народов и поразительно похожи на правила современной военной науки.

Да будет нам дозволено привести вначале два примера.

В те времена, когда во Франции артиллерия была еще настолько не в почете, что только тридцать лет спустя Генриху IV удалось в своем Парижском арсенале иметь сто пушек, Ион-Воевода за свое короткое двухлетнее правление снабдил молдавское войско в два раза бóльшим числом пушек.

В Европе еще отчетливо не представляли все преимущества инфантерии по сравнению с кавалерией, хотя знаменитый Макнавелли давно уже старался рассеять это заблуждение, а Ион-Воевода сам пришел к выводу, что кавалерия должна составлять только незначительную часть армии.

Артиллерия и инфантерия как основная сила, кавалерия только как дополнение к ним — так считал наш герой; кавалерия как основная сила, артиллерия и инфантерия только как дополиение к ней — так считали Стефан Великий, Цепеш, Петр Рареш и Александр Лэпушияну, так считали в 1574 году и почти все итальянские, французские и немецкие генералы.

Судите сами, каков был Ион-Воевода.

Молдавское войско с древних времен состояло из инфантерии, то есть стрелков из лука, и кавалерии, то есть всадников.

Как те, так и другие прославили себя

Лук молдавских стрелков отличался большими размерами, но воины пользовались им с исключительной ловкостью. «Стелы,— как говорится в немецкой средневековой балладе,— летели быстрее ветра и своим множеством застилали поле».

И только разве знаменитые английские стрелки могли соперничать с молдавскими.

В настоящее время ружье вытеснило лук. Чтобы ранить или убить в бою одного противника, затрачивается приблизительно 1500 пуль, или около 80 ок свинца; разве хороший стрелок из лука не добивался лучших результатов, чем современный стрелок?

Турки и татары пользовались луком почти до последнего времени; их стрелы производили в рядах христиан не меньшие потери, чем огнестрельные ружья.

Лук почти ничего не стоил, и не было молдавана, который не имел бы его и с колыбели не упражнялся бы в искусстве стрелять из него.

Могло ли ружье иметь такие преимущества?

Все эти соображения и привели к тому, что лук оставался у молдаван очень долгое время, и даже в 1700 году его еще полностью не вытеснили мушкет и пишаль.

Интересно то, что эпоха нашей военной славы была как раз эпохой лука.

Кроме лука, молдавский пехотинец был вооружен еще палицей, которая, как чисто национальное оружие, заслуживает особого внимания.

Она была тонкой в рукоятке, с утолщенным концом, утыканным гвоздями

Палица была по отношению к луку тем же, чем штык по отношению к ружью. Ее страшный вид в рукопашном бою наводил ужас на врагов, деморализуя их.

Палица обладала двумя преимуществами: обращаться с ней крестьянин привыкал с детства и мог сам ее сделать.

Некоторые части молдавской пехоты были вооружены обычными косами, которыми они подсекали

ноги вражеских лошадей, а иногда и самих пленников, отсюда родилось выражение «косить врага»

Эти косы принесли немало славы нашей родине!

В молдавскую кавалерию входили все землевладельцы, большие и малые, и она называлась «дворянским войском»

Лошади с пробитыми для облегчения дыхания ноздрями отличались не столько красотой и ростом, сколько быстротой и выносливостью.

Куда исчезла эта прекрасная порода, которая приводила в восторг иностранцев и экспорт которой был запрещен за пределы Молдавии?

Где же она? Она исчезла, как исчезло и многое другое!

Кавалерия не стоила государству ни гроша; она входила в число феодальных повинностей.

Из статей молдавского военного законодательства мы знаем одну:

«Дезертир, бежавший с поля битвы, наказуется более ужасной смертью, чем та, которая могла бы его постигнуть от вражеской пули».

Можно привести целый ряд примеров легендарной храбрости молдаван XVI века.

Цитируем из них только небольшую часть.

Грацианн:

«Они дерутся так храбро, с таким презрением к врагу, с такой верой в свои силы, что нередко горсточка воинов побеждает большое войско соседних государств...»

Вижнер:

«Этот народ очень своеобразен: прихотлив, вспыльчив, горд и воинственен; он не раз давал уроки тем, кто не оставлял его в покое...»

Рейхерсдорф:

«Молдавский народ жесток, невежествен, но очень искусен в военном деле...»

Руджиери:

«Эти люди очень храбры, но у них мало оружия, в наступлении они пользуются, главным образом, луком...»

Веранцио:

«Молдаване превосходят мунтян в храбрости, а мунтяне превосходят молдаван в гостеприимстве...»

Бельский:

«Молдавские воины храбры; мастерски владеют копьем и щитом, хотя они и простые крестьяне, взятые прямо от сохи...»

Медзельский:

«У господаря Молдавии 30 тысяч солдат, из которых 15 тысяч — это самые отборные и храбрые воины...»

Горецкий:

«Каждый молдаванин, даже самый бедный, старается иметь свою лошадь, которая служит ему для разбоя и войны...»

Оржеховский:

«Эти люди очень грозны и очень храбры; вряд ли существует на земле другой такой народ, который героизма и воинской славы ради так бы защищал свое маленькое государство от многочисленных врагов, беспрестанно атакуя их или отражая нападения...»

И что особенно делало молдавского воина грозным в глазах врагов, так это была не столько его необыкновенная храбрость, сколько доблесть, унаследованная от древних римских легионеров.

Сципионы, Метеллы и даже наш предок Траян, довольствовались во время войны небольшим куском сала и брынзы.

Бурдюка брынзы и ковриги хлеба хватало молдавскому воину на все время похода.

Господарь, созывая воинов, извещал их заранее, на сколько дней они должны запастись едой; никто из них никогда не брал больше, чем мог привесить к седлу или нести за плечами.

Таким образом, не было случая в истории Молдавии, чтобы молдавские воины страдали от недостатка провизии.

Не зная об этой неприхотливости, трудно объяснить успех знаменитых походов Стефана Великого или Петра Рареша.

Румынская артиллерия, хотя и очень немногочисленная до правления Иона-Воеводы, все-таки заслуживает особого упоминания в истории современного военного искусства.

Известно, что артиллерист, при падении Константинополя руководивший стрельбой из пушек сул-

таиа Магомета, был румыном; мы усматриваем в этом особое национальное призвание, от всего сердца сожалея, что оно проявило себя впервые при таких плачевных обстоятельствах.

Искусные артиллеристы при осаде крепостей, румыны отличались не меньшим искусством в умении использовать полевую артиллерию.

Покойный Бэлческу впервые дал артиллерии высокую оценку, которую мы целиком воспроизводим, считая ее очень характерной для него:

«Артиллерия была у румын в гораздо лучшем состоянии, чем у многих других народов.

Используя пушки большого калибра, военачальники не могли вовремя перемещать их с одной позиции на другую; таким образом, в ходе сражения эти пушки бездействовали.

Вот почему в Европе так пало значение артиллерии, и она, главным образом, использовалась при осаде или защите крепостей. Так продолжалось до XVII века.

Румынские же пушки были малого калибра; поэтому их можно было легче передвигать на поле сражения и использовать с большим эффектом.

На картах, имеющихсЯ в книге Жоржа Томаси, мы видим румынские и молдавские пушки, передвигаемые с помощью двух лошадей, в то время как императорские пушки перевозились четырьмя лошадьми».

Это очень ценное замечание мы дополним словами одного польского автора эпохи Иона-Воеводы, повествующего о событиях, очевидцем которых он был сам:

«Молдавские полевые пушки сделаны из железа.

Они имеют шесть или восемь стволов, помещающихся на двух небольших колесах; когда приходит в действие запал одного из стволов, по очереди начинают стрелять и другие. Таким образом, происходит подряд шесть или восемь выстрелов.

Снаряды обертывают в бумагу.

Заряжаются они с большой легкостью.

Длина стволов немногим больше локтя.

Снаряды делаются железными или свинцовыми, как придется...

Ничего не может быть лучше и нужнее для

нифаинтернии; чем такие пушки; они легко передвигаются с места на место, и поэтому пехота, окруженная ими во время марша, легко отбивает все атаки кавалерии...»

Итак, молдаване еще три века тому иззад знали не то что миниатюрные револьверы, а револьверы-пушки.

Тут наше восхищение превосходит пределы, которые можно выразить словами...

Мы поведали, каков был Ион-Воевода.

Мы описали, каково было молдавское войско.

Представьте себе теперь молдавское войско под предводительством Иона-Воеводы!

Султан Селим забыл, что столетием до этого Стефан Великий с сорока тысячами молдаван разбил войско в 120 тысяч турок, которое возглавлял сам Магомет, и что не так давно знаменитому султану Сулейману понадобилось 300 тысяч турок, чтобы прогнать из Молдавии Петра Рареша.

Нежась на мягких диванах гарема и наслаждаясь кипрским вином, султан вообразил, что войско в 60 тысяч башибузуков сможет осквернить могилы Стефана Великого и Петра Рареша и захватить безрассудного Иона-Воеводу.

Двадцать тысяч турок из Никополя и сорок тысяч секуев трансильванского бея направились в Молдавию под звуки военного турецкого марша во главе с Петром Хромым, которого хотели посадить на престол...

Ион-Воевода обедал.

Были накрыты два больших стола: за одним из них восседал сам господарь, направо от него — великий логофет, налево — гетман, вокруг сотники; за другим столом сидели бояре.

Вдруг гонец приносит весть о приближении врага.

Ион-Воевода поднимается, не закончив трапезы.

У него пока только девять тысяч кавалерии и 12 сотен казаков.

Но Ион-Воевода не растерялся; у него уже готов план.

Он зовет верного ворника Думбраву, известного тем, что тот искусно отразил нашествие поляков «Бери казаков; лети быстрее ветра и захвати врасплох вражеских часовых...»

Сказано — сделано.

Сам герой с остальными отрядами своего маленького войска следует за Думбравой...

В уезде Слам-Рымник, на берегу речки Рымны, на почти равном расстоянии от турецких, трансильванских и молдавских границ расположена деревня Жилиште.

Здесь решили сосредоточить свои силы мунтяне, секуи и турки, дабы затем совместно напасть на Иона-Воеводу.

В тылу у них находилась переправа через Рымну, впереди дорога на Фокшаны, их аванпосты доходили до самых берегов Сирета.

Уверенные в своем численном превосходстве, убежденные в том, что молдаване с их малочисленным войском не окажут сопротивления, зная ненависть бояр и духовенства к Иону-Воеводе, враги надеялись достичь своей цели даже без боя.

Остановившись в Жилиште, Петр Хромой разослал приказ всем боярам Молдавии, чтобы те пришли и поклонились ему, как своему новому господарю, посланцу великой Турецкой империи.

А пока, в ожидании, господарь Мунтении Петр Хромой потягивал Драгошанское вино в честь своего брата; турки затягивались гашишем в честь своего пророка; секуи пили все, что было под рукой, чтобы не отставать от союзников...

Лагерь не был окружен рвом.

Часовые стояли на большом расстоянии один от другого...

Не все ли равно, ведь победа вполне обеспечена!

Ворник Думбрава, продвигаясь без шума в сумерках, захватил врасплох и обезоружил 400 мунтян, которые сторожили подходы к лагерю.

Еще до рассвета прибыл со своим войском и Ион-Воевода.

Узнав о численности и настроении врага, он с гениальной прозорливостью и быстротой разрабатывает дальнейший план действий.

Утро было туманным, как всегда бывает вблизи реки.

Враги спокойно спали, а их лошади мирно паслись.

Ион-Воевода посылает вперед доблестного Думбраву с казаками, чтобы те, переправившись вброд через Рымну, окружили лагерь и ударили по врагу с тыла.

Сам он, придерживая центр и продвигая вперед фланги, разворачивает войско в одну, чуть вогнутую, линию и обрушивается на врагов с трех сторон; нанося центром лобовой удар и атакуя левым крылом правое и правым — левое крыло противника.

Во вражеском лагере по турецкому методу, заимствованному тогда и мунтянами, войска располагались следующим образом: обоз из подвод и верблюдов составлял тыл; поближе к центру лагеря стояли палатки военачальников, окруженные со всех сторон инфантерией, которая находилась под прикрытием пушек, некоторые из них располагались впереди, другие позади.

Кавалерия растянулась двумя перпендикулярными обозу рядами, между которыми, как между двумя параллельными стенами, находился весь лагерь.

Враги спали и видели сны.

Радужные сны о победе, триумфе, трофеях!

Туркам снился рай Магомета на груди прекрасных рабынь-молдаванок.

Мунтяне и секуи, покорные рабы турок, видели во сне то, что не полагалось язычникам: стада свиней!

И вдруг на заре их разбудила адская музыка, отчаянные вопли, стоны, топот лошадей, бряцание оружия...

Ворник Думбрава, разгромив обоз врага, приближается к палаткам главарей; куда не доходила рука ворника Думбравы, там возникал Ион-Воевода; Ион-Воевода спереди, Ион-Воевода справа, Ион-Воевода слева!

Предоставим современникам Иона-Воеводы нарисовать картину этой резни.

«Это было отвратительное зрелище; все поле было усеяно трупами, покрыто оружием, залито кровью;

и только кое-где еще можно было видеть бившегося в предсмертных судорогах раненого, пытавшегося приподняться, чтобы бежать, и вновь падающего...»

Победоносное войско сатаны, уничтоженное божьим гневом, из поэмы Мильтона!

Пятьдесят тысяч врагов отдали богу душу, призывая в агонии кто Христа, а кто Магомета.

Петр Хромой покинул поле боя и бежал в Браилу.

Его брат, господарь Мунтении, бежал во Флочь; своим спасением он был обязан знатной семье, добродетели которой будто бы переходили по наследству от отца к сыну.

За тридцать лет до этого вистерник Раду Голеску прославился своим героизмом.

Его сыновья — ключер Алб и ворник Ивашку Голеску — оказались достойными своего отца.

Эти двое и спасли под Жилиште жизнь господаря Мунтении, о чем он позже сам сообщил в одной из своих официальных записей: «Боярин вел-ключер Алб проявил ко мне больше любви, чем все остальные; он и его брат с радостью согласились бы отдать за меня свою жизнь; если б они с копьями не бросились на молдавское войско, то не сносить бы мне головы; и тогда Ивашку вел-ворник вышел с поля битвы раненым, а Алб вел-ключер положил свою голову возле переправы через брод по имени Рымна, у деревни Жилиште, и этим спас меня...»

Братья Голеску, а не Петр Хромой достойны были сражаться с таким героем, как Ион-Воевода... Но нет! Как была бы счастлива Румыния, если бы именно самые избранные из ее сыновей не поднимали руку на своих братьев.

В то время как мунтянские бояре спасали жизнь своего господаря, молдавский господарь спасал жизнь своих бояр.

Пыркалаб Иеремия Голия, о котором уже упоминалось несколько раз и о котором еще будет речь впереди, дрался с необыкновенной храбростью рядом с Ионом-Воеводой, появляясь именно там, где бой был самым ожесточенным, сопротивление — самым яростным и опасность — самой грозной.

Вражеское оружие нависло над головой доблестного витязя.

В разгаре битвы невозможно отразить все удары. Еще одно мгновение, и пыркалаб был бы мертв. Ион-Воевода предупредил это мгновение: булава господаря раздробила голову смелого врага. Иеремия Голия остался в живых...

Чтобы умалить заслуги нашего героя в блестящей победе у Жилиште, ядовитый критик мог бы представить ее, как результат нерасторопности и халатности военачальника побежденной армии.

Почему они застряли у Жилиште вместо того, чтобы идти прямо на Яссы?

Почему, остановившись в Жилиште, они не укрепили своих позиций?

Вот два обвинения, которые на первый взгляд покажутся вполне обоснованными, но их несостоятельность видна при внимательном рассмотрении целого ряда обстоятельств.

Не было случайностью, что враги остановились именно у Жилиште, но даже если бы это явилось простой случайностью, то из военных соображений им незачем было укреплять свои позиции.

Проанализируем создавшееся положение.

Войско Петра Хромого состояло из трех неравных частей: турок, мунтян и секуев, которые, прибыв с разных сторон, прежде чем напасть на Молдавию, должны были встретиться и сконцентрировать свои силы где-нибудь за ее пределами: село Жилиште по своему месторасположению очень подходило для подобной операции.

Прибытие всех трех отрядов не могло произойти в один и тот же день; они отправлялись из различных мест и должны были пройти неодинаковое расстояние. Таким образом, отряд, прибывший в Жилиште первым, должен был ждать второй, а затем вместе они стали ждать прибытия третьего; для всего этого понадобилось несколько дней.

Турки шли издалека, секуи перешли Карпаты, даже мунтяне, и те были из далеких мест: самые отборные их части прибыли с реки Ольта. Следовательно, после длительного марша в Жилиште всем было необходимо некоторое время отдохнуть.

Вот почему следует отклонить самое тяжкое стратегическое обвинение, которое можно было бы

предъявить войску Петра Хромого: отчего оно не пошло сразу на Яссы?

Кроме того, на переход от Фокшан до Ясс требовалось бы восемнадцать дней, если идти обычным маршем, восемь дней — быстрым маршем по главному тракту, шесть дней — быстрым маршем напрямик; и самое меньшее — пять дней, при благоприятной погоде.

Итак, между войском, расположившимся у Жилиште, и резиденцией Иона-Воеводы было самое меньшее пять дней пути.

К этому соображению прибавлялось другое, более веское: Петр Хромой знал, что молдавский господарь еще не успел собрать войско, в котором он так нуждался, ведь он даже вынужден был прибегнуть к помощи нескольких сотен казаков.

Против кого же войскам Петра Хромого нужно было укреплять свои позиции в Жилиште? Бояться им было некого, и притом они находились на почтительном расстоянии от своего еще не вооруженного противника.

Наконец, если излишняя бдительность не помешала бы, то возведение укреплений могло бы только повредить; оно оказало бы деморализующее действие на войско; создало бы впечатление о большой силе противника и о своей собственной слабости.

Какова же была основная ошибка побежденного? Гений и только гений победителя!

Замечательно выполнив указания Иона-Воеводы, ворник Думбрава явился главным виновником победы у Жилиште.

Обе его задачи: захватить врасплох аванпосты врага и ударить по нему с тыла, — не так легко было выполнить.

Достаточно было спастись хотя бы одному вражескому воину из аванпостов, чтобы противник был предупрежден и вся операция сорвана!

Достаточно было хотя бы на одно мгновение опоздать с ударом по тылу врага, и он смог бы вовремя отступить за Рымну, чтобы там перестроить свои ряды.

Успешное выполнение этих двух операций, требовавших быстроты марша, бесшумного передви-

жения, точного расчета времени и гибкости в нападении, объясняется необыкновенно живым умом и большим хладнокровием их главного исполнителя

Но все великолепие победы состояло в том, как провел атаку на вражеские позиции сам Ион-Воевода.

В военном искусстве атаки подобного рода носят название «вогнутого боевого порядка».

Используя такой порядок, Ганнибал вышел победителем у Канн, Нарсес — у Казилино, Эдуард III — у Креси.

Но, используя тот же порядок, Петр Рареш потерпел поражение у Обертина.

Он имеет, следовательно, и свои преимущества, и свои недостатки, оценить которые в решающий момент битвы могут только настоящие полководцы

Вот что говорит об этом знаменитый Монтекукули:

«Вогнутый боевой порядок следует использовать в особенности тогда, когда поле битвы застилает туман, пыль, дым, или при других подобных обстоятельствах, когда противник не может видеть твоего движения».

Правда, если слишком растянуть передовую линию с целью окружения врага, рискуешь, что противник легко сможет прорвать твои разреженные ряды

Это могло бы случиться и с войском Иона-Воеводы, которое по численности значительно уступало противнику

Вот почему наш герой прибегнул к вогнутому порядку только у Жилиште, имея перед собой врага, не успевшего еще протереть глаза от сна и утренней росы. Ион-Воевода предвосхитил Монтекукули!

Победа у Жилиште дает ключ к разрешению одного из самых актуальных политических вопросов: может ли господарь положиться на немногочисленное войско, состоящее к тому же из рекрутов?..

В настоящее время Румыния имеет под ружьем в три раза большее войско, чем было у Иона-Воеводы при победе над Петром Хромым.

Петр Хромой располагал в шесть раз большим войском, чем Ион-Воевода.

Если тогда десять тысяч молдаван разбили шестьдесят тысяч врагов, так почему же теперь трид-

цать тысяч румын не могли бы победить вражескую армию в сто восемьдесят тысяч?

Тогда, как и сейчас, победители были наспех призваны в армию, слабо дисциплинированы, не нюхали пороха и не имели еще достаточного опыта.

Тогда во главе их стоял великий полководец; великий полководец иужен нам и сейчас.

Битва у Жилиште имела огромные последствия.

Вся Мунтения была подчинена Иону-Воеводе. Подверглась уничтожению одна из самых блестящих вражеских армий.

Молдаване выиграли битву почти без всяких потерь.

Эта победа может быть по праву причислена к самым выдающимся победам современной истории.

Ион-Воевода оставался на поле сражения в течение четырех дней.

Он похоронил павших в бою, среди которых, к своему сожалению, не обнаружил Петра Хромого.

Он поделил между воинами богатую добычу, захваченную во вражеском лагере.

Он дал своей утомленной армии возможность отдохнуть.

Затем он пополнил войско новобранцами из ближайших уездов Молдавии.

После этого он направился к столице Мунтении, сметая, грабя и уничтожая по обычаю того времени все на своем пути; не пришел еще Гуго Гроций, чтобы обуздать эту жажду крови.

Вскоре Ион-Воевода прибыл в Бухарест

Наш герой был вторым молдавским господарем, которого приветствовали берега Дымбовицы.

Сто лет назад жители Бухареста познакомились с его предком — Стефаном Великим, который, победив тогдашнего господаря Мунтении, молниеносно, так же, как теперь Ион-Воевода, двинулся прямо на столицу; этого требовала стратегия.

Но во время Стефана Бухарест был лучше защищен: на возвышенности северного берега Дымбовицы, там, где до наших дней сохранилась

память о «Старом дворце», находился замок под названием «Дымбовицкая крепость», который в течение целых суток отбивал атаки Стефана Великого.

Старые укрепления со временем пришли в негодность, и Ион-Воевода вошел в Бухарест, не встретив ни малейшего сопротивления не только в течение дня, но даже и часа.

При изучении истории мы часто недоумеваем, почему нашим предкам не пришла в голову мысль, хотя случаев для этого было достаточно, об административном объединении двух княжеств, более близких между собой, чем родные братья.

Молдавские стяги не раз развевались над Бухарестом, а мунтянские — над Сучавой и Яссами, но объединения не произошло.

Мирча Великий захватил Молдавию, но вместо того, чтобы навсегда присоединить ее к Мунтении, довольствовался тем, что посадил на ее престол своего ставленника.

Стефан Великий взял с него пример в отношении Мунтении.

Много лет спустя Михаю Храброму удалось подчинить Трансильванию, Мунтению и Молдавию. Но увы! — он оставляет себе только Трансильванию, отдает Мунтению одному из своих сыновей, а Молдавию одному из племянников.

Откуда эта странная укоренившаяся традиция, которую с таким трудом и лишь совсем недавно смог, наконец, победить ропот недовольства, прокатившийся по всей Европе?

Недоброжелатели румын рассматривают это явление, как следствие некоей антипатии, с давних времен разделявшей мунтян и молдаван.

Но если бы это было так, то Мирча и Михай не дали бы самостоятельного господаря Молдавии, а Стефан — Мунтении, наоборот, каждый из них усилил бы свой собственный гнет, иначе как же можно было проявить неприязнь?

Поведение Стефана, Мирчи и Михая основывалось на симпатии, а не на антипатии.

Мунтяне воевали с молдаванами подобно тому, как в древности воевали между собой жители Афин и Беотии, Спарты и Аркадии, всех городов Эллады,

не нарушая подобным «временпрепровождением» братство греков.

Когда дело касалось Гомера, все греки спешили с гордостью воскликнуть: «он наш».

У мунтян и молдаван чувство национальной гордости было развито возможно даже еще сильнее, чем у греков.

Приведем только один пример.

Стефан Великий неоднократно громил мунтян, но своим героизмом он прославил имя всех румын; и мунтяне, забыв то зло, что он им причинил, не только сложили в его честь много песен, но даже оставили нетронутой в Бухарестском княжеском замке фреску на стене, где он изображен во весь рост, с короной на голове и жезлом в руке.

Мунтянские летописцы пошли в этом отношении еще дальше: они утверждают, что этот витязь Молдавии правил Мунтенией в течение целых шестнадцати лет.

Где же тогда антипатия? Разве только в воображении Венского кабинета или в галлюцинациях турок!

Мирча, Стефан и Михай были людьми незаурядными; они не могли не понимать огромного преимущества объединения княжеств, которое удвоило бы их силы и в той же мере уменьшило бы силы их врагов; существовала, должно быть, очень серьезная причина, помешавшая им возвеличить нацию.

В тайнах далекого прошлого мы провидим ту же общественную силу, которая чуть не помешала нам и теперь осуществить объединение княжеств, — аристократию.

Бояре хотели видеть побольше княжеских тронов, побольше логофетов, побольше ворников, побольше вистерников, побольше постельников, побольше «боярских должностей».

Мунтянские бояре боялись соперничества молдавских бояр и наоборот.

Бояре обоих княжеств хотели побольше родства между собой, чтобы стать еще сильнее.

И, наконец, бояре как раньше, так и теперь, всеми силами противились любым попыткам административного объединения княжеств.

В 1859 году оппозиция бояр рухнула, так как они превратились в призрак былого; но в XV и XVI веках

Портрет Иона-Восводы Лютого,
найденный Б. П. Хашдеу в 1862 г. во Львове

Ион-Воевода Лютый
Портрет художника Г. Панаптяну-Бардасаре

Ион-Воевода Лютый
Скульптор Марнус Бутунайку

Обложка издания 1959 г
Рисунок художника Игоря Вилеру

LEONHARDI GORECII,
Equitis Poloni,

Descriptio belli Iuonia, Voiuodæ Valachia, quod anno M D LXXIIII, cum Selymo II, Turcarum imperatore, gessit.

HVIC ACCESSIT

Io. Lasicii historia de ingressu Polonorum in Valachiam cum Bogdano, & cæde Turcarum.

FRANCOFVRTI,
Apud Andream Wechelium.

A. M D LXXVIII.

Книга польского историка Леонарда Горецкого о войне Иона-Воеводы Лютого с Турцией в 1574 г., вышедшая на латинском языке в 1578 г. во Фрайкфурте-на-Майне

Монеты XVI в.

HISTOIRE DE L'EMPIRE OTTOMAN,

Depuis son origine jusqu'à la paix
de Belgrade en 1740.

*Par M. MIGNOT, Abbé de Scellieres,
Conseiller honoraire au Grand Conseil.*

Quidquid delirant Reges, plectuntur Achivi.
HORAT. 1. Epist. 2.

TOME SECOND.

A PARIS,

Chez LE CLERC, Libraire, Quai de
Augustins.

M. DCC. LXXI.

Avec Approbation, & Privilège de l'Académie

Книга французского историка Вийиента Миньо
«История Османской империи»,
вышедшая в Париже в 1771 г.

они еще располагали двумя исключительными преимуществами.

Во-первых, каждый боярин кормил сотни слуг, которые лизали ему пятки и клялись в верности; во-вторых, каждый боярин мог в любую минуту навлечь на свою страну иашествие турок, венгров или поляков.

В 1859 году бояре также захотели прибегнуть к помощи слуг и призвать иноземцев; но слуг стало меньше, они обленились и им надоело прислуживать; а политика Европы закрыла путь для нашествий, нарушающих «равновесие», — понятие, не известное во времена Стефана, Михая и Мирчи.

В вопросе объединения Ион-Воевода сделал все, что позволили обстоятельства.

Он хотел прежде всего, чтобы мунтяне были довольны и сами пошли бы на теснейшее сближение с Молдавией.

Учитывая настроение мунтян, он дал им господаря из их же среды, княжеского происхождения, но, конечно, из рода, смертельно враждовавшего с родом Петра Хромого.

За двадцать лет до этого Мунтенией правил бастард — их было много не только в Молдавии, — известный своим добрым и мирным характером; он был отравлен боярами, хотя они сами дали ему прозвище «Добрый». Он оставил трех сыновей: Петра Черчела, Михая Храброго и Винтилу.

Но ни один из них не получил трона, так как он был захвачен представителем другой династии бастардов — отцом Петра Хромого.

Все три брата искали счастья на чужбине; Петр Черчел путешествовал по Италии и Франции, изучил почти все европейские языки, писал стихи на языке Тассо, обращал на себя внимание образованностью и изысканностью манер, вызывал восхищение самых галантных придворных и самых образованных людей эпохи; Михай Храбрый был еще маленьким, но через тридцать лет он стал гигантом, Винтила нашел себе убежище в Молдавии, и вот Ион-Воевода сделал его теперь господарем Мунтении.

Таким образом, Ион обеспечил себе преданность нового мунтянского князя, которым руково-

дила не столько признательность к своему благодетелю — признательность часто переходит во вражду, — сколько врожденное чувство мести к семье Петра Хромого. Люди становятся друзьями, когда их объединяет общая ненависть.

Все же, учитывая сложность положения, нашему герою не было достаточно одной гарантии. Для полной уверенности он оставил в Бухаресте при Винтиле доблестного ворника Думбраву с группой молдаван, чтоб они защищали нового господаря, служили бы ему... и наблюдали бы за ним.

Это было своего рода полуобъединение.

После четырехдневного отдыха в столице Мунте-нии Ион-Воевода повел свое победоносное войско на Браилу, куда скрылся его соперник Петр Хромой.

Мы сделаем небольшое отступление, чтобы сказать несколько слов о пополнении молдавского войска: иначе нам будет трудно ориентироваться в дальнейшем ходе этой кампании.

Мы уже знаем, что в Жилиште Ион-Воевода имел девять тысяч молдавских всадииков, которые составляли тяжелую кавалерию, и более тысячи казаков, составлявших легкую кавалерию; пехоты у него не было совсем, и вряд ли она ему пригодилась бы при таком стремительном передвижении и чисто кавалерийском характере боя.

Но он с самого начала военных действий придавал большое значение пехоте. Его гонцы, разъезжая из уезда в уезд, из города в город, из деревни в деревню и предлагая хорошее жалованье, вербовали в армию верных князю людей.

Как раз было время полевых работ, но все же нашлось достаточно храбрецов, и их число возрастало с каждым днем.

В те дни, когда Ион-Воевода отдыхал после победы у Жилиште, к нему прибыло несколько тысяч пехотинцев; большинство из них были жителями близлежащего горного района Вранча, славившимися среди молдаван своей исключительной отвагой.

Во время перехода Иона-Воеводы через Мунтению и его пребывания в Бухаресте, молдавская пехота пополнилась большим числом мунтян; одни из них, желая отличиться под знаменами господаря, пришли добровольно, другие — из антипатии к

бывшей династии, часть же из них была мобилизована самим Винтилой-Воеводой во исполнение договора с Ионом.

Таким образом, под стенами Браилы у Иона-Воеводы было уже четырнадцать тысяч пехотинцев.

Столетием раньше византийский историк называл Браилу самым знаменитым рынком румынских княжеств.

В средние века Браила вела до того обширную торговлю, что ее посещали даже испанские суда, прибывавшие с далеких берегов Барселоны.

Захватив Браилу после изгнания грозного Цепеша, турки не только не упразднили ее торговлю, но еще больше стали ее развивать.

Чтобы закрепиться на этих выгодных позициях, они построили на левом берегу Дуная громадную крепость с пятью бастионами.

Ее гарнизон находился под командованием бея.

Ион-Воевода был вторым молдавским господарем, который дошел как до Бухареста, так и до стен Браилы.

Столетием назад она была сожжена Стефаном Великим, по следам которого теперь шагал его доблестный потомок.

Ион-Воевода потребовал выдачи Петра Хромого.

Комендант крепости послал к Иону четырех турок с десятью ядрами, десятью пулями и двумя стрелами; они сообщили молдавскому господарю, что его угостят всем этим, если он не поспешит отойти с миром от Браилы.

Ион-Воевода передал посланцев в руки палачей; им вырезали ноздри, губы и уши, распяли железными гвоздями на шестах головами вниз и в таком виде выставили напоказ испуганным жителям города, как бы говоря этим, что подобная участь ожидает всех язычников.

Затем, не дав опомниться горожанам, ошеломленным этим ужасающим зрелищем, Ион приказал своей пехоте штурмовать городские стены.

Для осады были изготовлены специальные лестницы по типу, распространенному тогда в Германии. Они сохранили до настоящего времени в

молдавской военной терминологии свое немецкое название «лойтре» (от «лейтер»).

Молдавская инфантерия еще не имела случая отличиться в глазах храброго князя.

Воины знали также о богатствах, которые ожидают их в Браиле.

Честолюбие вкупе с жадностью делают чудеса: пехотинцы с большой яростью бросились на стену и с такой быстротой пробили в ней огромную брешь, что у турецкого гарнизона не хватило ни времени, ни храбрости отразить эту бешеную атаку. Те, кто успел, поспешили укрыться в крепости.

Доблесть нашей пехоты при осаде Браилы можно приравнять к доблести нашей кавалерии при ее стремительной атаке у Жилиште.

Стрелок оказался достойным кавалериста, кавалерист — достойным стрелка.

Ион-Воевода предоставил своему войску полную свободу действий в оккупированном городе; воины без всякого удержу убивали, грабили, насиловали.

Разгром Браилы походил на известный разгром Рима, как его описывает итальянский историк:

«После взятия города солдаты разбрелись во все стороны.

Проходя по улицам, они видели отцов и матерей, которые, сидя на порогах своих жилищ, оплакивали убитых в бою детей и скорбели о бедственном положении родины.

Эти несчастные люди, одетые в траурные одежды, предлагали солдатам свои дома, мебель, все свое богатство, умоляя душераздирающими голосами, со слезами на глазах, только не отнимать у них жизнь.

Напрасно!

Вдохновляемые звуками труб и барабанов, озверевшие победители набрасывались на свои жертвы, разрывали их на куски, без различия пола и возраста, тут же на улицах, в домах, у церковных алтарей.

Затем следовали сцены еще более ужасные.

Молодые девушки бросались в объятия несчастных матерей, которые с распущенными волосами хватали солдат за бороды, стараясь удержать их от преступления; но возбужденные сопротивлением воины насиловали женщин и девушек и тут же

убивали их на глазах родителей и мужей, которые со связанными руками застывали в безмолвии при виде этого ужасного зрелища.

Некоторые матери выдавливали себе глаза пальцами, чтобы не быть свидетелями этих сцен!..»

А вот и другая картина разгрома Браилы, хотя и более краткая, но не менее выразительная.

«Ни для кого не было пощады, кровь ручьями стекала в Дунай; не осталось в живых не только ни одного человека, но даже ни одной собаки; не осталось камня на камне: огонь уничтожил все, что не успела уничтожить сабля...»

Таковы были люди того времени.

Если Иона-Воеводу можно назвать варваром за расправу над мусульманами, то тем большим варваром был герцог Бурбонский, бросивший палачей на величественную столицу христианского государства.

Для того, чтобы судить о степени цивилизации какого-нибудь народа, не нужно исходить из современных нам идей, а без всякой предвзятой мысли следует сравнить этот народ с другими народами той же эпохи.

По своему обыкновению, Ион-Воевода дал отдохнуть войску только четыре дня.

Четыре дня в Жилиште.

Четыре дня в Бухаресте.

Четыре дня в Браиле.

Этот четырехдневный отдых после каждой победы был, по-видимому, одним из военных правил Иона-Воеводы.

В подобных случаях Стефан Великий отдыхал всегда только три дня.

Браильская крепость осталась в руках турок.

Ион-Воевода не штурмовал ее из следующих соображений:

Петра Хромого там уже не было: он бежал за Дунай в Константинополь.

Осада крепости намного сократила бы численность молдавского войска.

Великие полководцы, начиная с Александра Македонского и до Наполеона I, никогда не теряли времени на осаду крепостей, они уничтожали противника в открытом поле, и тогда самые сильные крепости, оставшись без надежды на помощь, сдавались сами.

Ион-Воевода обеспечил себя со стороны Мунтении победой у Жилиште, разгромом Браилы и возведением на престол своего друга Винтилы.

Но теперь угроза надвигалась с Востока; турки и татары, готовясь обрушиться на Молдавию, концентрировали свои силы в оттоманских санджаках по левую сторону Прута.

Ион-Воевода снова ведет в поход свое войско, которое по мере продвижения непрерывно растет за счет новых любителей славы и добычи.

В авангарде — княжеский гетман Славила с казаками и восемь тысяч молдавской кавалерии.

За ними следует сам господарь со всей пехотой.

Остатки кавалерии замыкают шествие и охраняют фланги.

Театр военных действий переносится в Бессарабию.

Теперь под этим названием мы понимаем всю территорию между Прутом и Днестром, ноги которой омываются Черным морем, а голова покоится у подножья Карпат.

В старину же только южная часть этой области называлась «Бессарабией», север же составлял одно целое с остальной Молдавией.

Некоторое время, особенно до смерти Мирчи Великого, весь берег Дуная, от Северина до устья Днестра, принадлежал мунтянам, страна которых по прозвищу их княжеской династии называлась «Бессарабией» или «Страной Басарабов».

После того, как молдаване понемногу расширили свои владения, а при Стефане Великом отодвинули границу Мунтении до Милкова, только за территорией между устьем Днестра и Дунаем и сохранилось, как воспоминание, название «Бессарабия».

При Петре Рареше султан Сулейман, отвоевав у Молдавии этот драгоценный кусок земли, создал там два турецких санджака: Четатя Албэ была названа турецким именем — Аккерман, а молдавская Тигина стала Бендерами.

С тех пор коренное румынское население Бессарабии сильно сократилось: ее заполнили турки, а больше всего татары, тысячами переселявшиеся из-за Днестра; они дали ей свое название «Буджак», что значит «угол».

Старинный ров, известный в народе под названием Верхнего Траянова вала, начинавшийся у Прута ниже Фалчиу и заканчивавшийся у Днестра выше Бендер, отделял Молдавию, как таковую, от этой новой мусульманской провинции.

Природа Бессарабии и раньше, как и теперь, отличалась от природы других румынских княжеств.

Вместо величественных лесов и золотистых нив здесь видишь только голую степь, покрытую или искрящимся на солище песком или хилыми кустарниками боярышника и шиповника, дикими травами и бурьяном. Среди этой скудной растительности особенно выделяется перекати-поле, верхушка которого кругла как мяч, колюча как еж, легка как пух; отделяясь осеью от своего прогнившего основания, под самым легким дуновением ветра она катится по степи, пока не тонет в Днестре или Дунае.

Вместо угрюмых Карпат, этих гигантских часовых Молдавии, изредка встречаются здесь едва заметные возвышенности, до того жалкие, что невольно хочется посчитать их деянием рук человека, а не созданием природы, которая не может быть столь скупой.

Вместо полноводных рек с многочисленными притоками здесь можно наткнуться на соленое озеро или на одинокий колодец... и долго придется колесить по степи, пока откроешь другой!

Сегодняшнее мирное хозяйственное развитие Буджака привело к созданию нескольких небольших городков и множества деревень.

Но в XVI веке, при варварском турецко-татарском владычестве, кроме Аккермана и Бендер, расположенных в противоположных концах Буджака, здесь нельзя было встретить ни одного настоящего человеческого жилья.

Люди ютились в землянках, и только дым, выходящий из этих грязных хижин, привлекал запоздалого путника. Изредка можно было увидеть стадо, белевшее у подножья холма...

Если прибавить ко всему этому пестрое общество дроздов, скворцов и иволг..., то вы вполне представите себе природу Буджака.

Выше Бендер, поблизости от Лапушии, уже на молдавской территории, авангард гетмана Ставилы захватил врасплох вражеский отряд турок и татар.

Они были уверены, что Ион-Воевода далеко, в Браиле.

Внезапная атака обескуражила врага; он был почти полностью истреблен.

Только одной тысяче удалось спастись и достичь Бендер.

Ион-Воевода, не теряя ни минуты, следовал за ними по пятам.

На подступах к Бендерам его ожидал другой вражеский отряд, к которому присоединились теперь беглецы из Лапушны.

По ним и ударил на этот раз сам Ион-Воевода.

Преследуя врагов до самых ворот города, победители вошли в Бендеры одновременно с побежденными.

Город был взят; очень немногим удалось скрыться в крепости.

Последовал грабеж, как две капли воды похожий на браильский, с той лишь разницей, что в данном случае добыча была более скромной.

Сражение под Лапушной и взятие Бендер с такой быстротой последовали одно за другим и были осуществлены с такой легкостью, что вряд ли в нашей истории можно найти другой, более подходящий пример для иллюстрации замечательного афоризма Цезаря «Пришел, увидел, победил».

После этого успеха наш герой, отказавшись, как и в Браиле, от штурма крепости, расположился лагерем возле Бендер, лицом к врагу и спиной к границе Молдавии.

Здесь он впервые дал возможность своему войску отдохнуть вдвое больше, то есть восемь дней.

Эта необычайная задержка была вызвана важными политическими соображениями.

Еще в начале войны Ион-Воевода обратился к двум наиболее могущественным представителям польской знати с просьбой помочь ему в случае необходимости, вопреки воле их отуреченного короля.

Одним из них был знаменитый Ласский, о котором уже неоднократно упоминалось.

Другим — князь Острогский, губернатор южной Польши.

Ласский был враждебно настроен к туркам, потому что на место Иона-Воеводы они назначили Петра Хромого, а не его, как он того ни добивался; он был враждебно настроен и к Генриху де Валуа, потому что тот не приложил особых усилий ему в помощь: итак, он был враждебно настроен и против турок, и против Генриха де Валуа, то есть из соперника превратился теперь в преданного друга молдавского господаря.

Острогский, будучи православным, симпатизировал румынам единоверцам и презирал фанатическое преклонение нового польского короля перед папой; с другой стороны, он управлял южными районами Польши, которые беспрерывно подвергались набегам татар; отсюда — его ненависть ко всему мусульманскому. Вот почему просьба Иона-Воеводы затронула в его душе самые сокровенные чувства.

Итак, Ласский и князь Острогский ответили в один голос, что хотя обстоятельства и не разрешают им явиться на помощь дорогому другу, но все-таки они поспешат послать ему войско, боеприпасы, деньги, — все, что будет в их силах.

Оба магната могли поставить под ружье двадцать тысяч отборных вооруженных кавалеристов или пехотинцев в сопровождении артиллерии и под командованием искусных полководцев. В ожидании такого крупного отряда, большего, чем войска короля Сардинии в Крымской кампании, Ион-Восвода мог потерять еще четыре дня.

Позиция у Бендер в данном случае была для него самой подходящей: немного выше, по ту сторону Днестра, начиналась польская территория, до которой было рукой подать.

Узнав о поражении у Лапушны и о сожжении города Бендеры, Аккерманский санджак послал десять тысяч нечестивцев на помощь Бендерской крепости, которая продолжала оставаться в руках турок.

Ион-Восвода вызвал к себе Свирчевского, самого выдающегося из казачьих гетманов.

«Я хочу оказать тебе свое особое доверие, — сказал ему господарь, — возьми своих казаков и три тысячи молдавских всадников; приближается вражеское войско, чтобы отогнать нас отсюда; подсте-

реги его за холмами и разбей; на сей раз слава победителя будет только зв тобой!»

Казак был польщен до глубины души: если он даже не был бы героем, то слова Иона-Воеводы сделали его таковым.

Почему господарь не бросил навстречу врагу все свои силы?

Почему он, выделив для этого особый отряд, не приказал ему двинуться вперед, а заставил ожидать врага, не отходя далеко от Бендер?

Эти два вопроса вполне законны; полководец должен хорошо отдавать себе отчет в своих поступках, ясно понимая, почему он поступает именно так, а не иначе.

Если бы Ион-Воевода двинулся на врага всем своим войском, он дал бы возможность гарнизону Бендерской крепости ударить его с тыла, и тем самым оказался бы меж двух огней.

Если бы отряд Свирчевского отошел слишком далеко, он в случае нужды остался бы без поддержки. Если же этому отряду было бы нанесено поражение, паника охватила б все молдавское войско, бендерский гарнизон соединился с войском Аккерманского санджака, и они вместе атаковали бы молдаван с удвоенной материальной и моральной силой.

Итак, Ион-Воевода был вынужден остаться на месте со своими основными силами, выделив только отряд Свирчевского и наказав ему не отходить слишком далеко от Бендер.

Позиция, занятая Свирчевским, преграждала путь туркам к городу; и в то же время она находилась на таком расстоянии от лагеря Иона-Воеводы, что господарь, взобравшись на один из холмов, имевшихся в изобилии на всем побережье Днестра, мог бы наблюдать за ходом битвы.

Бендерская крепость находилась как раз между тылом отряда Свирчевского и передним краем лагеря Иона-Воеводы.

Это хитроумное расположение молдавского войска обеспечивало ему победу даже до начала битвы.

Ведь если бы турецкий гарнизон вышел из крепости, чтобы с тыла атаковать отряд Свирчевского, Ион-Воевода тотчас же поспешил бы на-

нести туркам сокрушительный удар с их тыла.

Далее. Если бы туркам, прибывшим из Аккермана, удалось расстроить ряды отряда Свирчевского, Ион-Воевода тут же направил бы ему на помощь две или три тысячи своих людей, продолжая держать под угрозой выход из крепости.

В битве у Беидер Свирчевский проявил себя так же, как Думбрава в битве у Жилиште, искусным исполнителем приказов гениального полководца.

Без таких, как они, разве мог бы Ион-Воевода добиться своих блестящих побед?

Мы коснулись вопроса, который вызывал интерес всех народов во все времена и который не сегодня-завтра должен заинтересовать и нас.

Ставить вопрос, на что способен был бы Ион-Воевода без таких, как Думбрава и Свирчевский, — это все равно, что ставить вопрос, на что способен был бы Наполеон без таких, как Ней, Мюрат, Ланн.

Ставить вопрос, на что способен был бы Бонапарт без Нейя, Мюрата, Ланна, — это все равно что ставить вопрос, на что способен был бы Колумб без компаса.

Колумб все равно изобрел бы компас и продвинулся вперед; Бонапарт разыскал бы маршалов во всех уголках Франции; Ион-Воевода создал бы себе другого Свирчевского и другого Думбраву.

Главная и основная черта великих людей, независимо от их специальности, состоит в том, что они всегда находят необходимые инструменты для выполнения своих замыслов; главная же и основная черта маленьких людей любой специальности состоит в том, что они, имея эти инструменты, ищут их в другом месте.

При Людовике XVI Ней умер бы бондарем, Ланн — кучером, Мюрат — владельцем харчевни: нужен был Бонапарт, чтобы открыть в них способности полководцев.

Свирчевский был ничем, пока находился в Польше, Думбрава также ничем не проявил себя до Иона-Воеводы.

Гениальные люди в процессе творчества создают и орудия творчества!

В бочарнях, конюшнях и харчевнях многие неиланнны и мюраты мечтают о том, чтобы лучи солнца проникли и в их беспросветную жизнь.

Свирчевский расположил свой отряд в следующем порядке:

Казаки образовали первую линию.

На левом фланге расположились четыре казачьи сотни с копьями, в центре — четыре сотни с ружьями, на правом фланге — четыре сотни с луками.

За грядой холмов стояли в засаде три тысячи молдавских кавалеристов.

Вначале стрелки осыпали врага стрелами и пулями, чтобы посеять панику в центре и на левом его крыле.

Затем копьеносцы атаковали правое крыло врага.

У турок, естественно, зародилась мысль отрезать атакующие их четыре сотни от остальных, оставшихся на месте.

Осуществив эту операцию, турки решили, что они добились решающего преимущества; беспрепятственно окружив восемьсот казаков-стрелков, оставшихся с открытым флангом, они разгромят выдвинувшийся вперед казачий отряд в четыреста копьеносцев.

В результате всех этих передвижений войска противника разбились на две группы: шесть тысяч турок окружили восемьсот казаков, а в стороне от них три тысячи турок окружили четыреста казаков.

Настал подходящий момент.

В тылу стрелковых казачьих сотен находилась гряда холмов, за которыми в полной готовности стояла молдавская кавалерия.

Когда турецкие части, окружив казаков, приблизились к холмам, молдаване неожиданно с криками накинулись на них справа и слева.

Турки сами очутились в окружении.

Их охватила паника.

Победа была обеспечена.

Битва длилась всего один час.

Все потери молдавского отряда не превышали сотни убитых.

Зато поле битвы было сплошь усеяно трупами турок, около двухсот попало в плен, и лишь очень немногие спаслись бегством.

Ион-Воевода, наблюдая за ходом битвы из своего лагеря возле Бендер, восхищался своими воинами.

Радовался ли этому турецкий гарнизон, который еще лучше мог следить за сражением с крепостной стены?

Заслуга Свирчевского заключается в следующем.

Он дал возможность туркам наяву убедиться в малочисленности казачьего отряда, что и побудило их сгруппироваться не как обычно в две линии с резервом, а только в одну линию, в надежде сократить таким образом длительность боя и молниеносно подавить превосходящим большинством горсточку казаков.

Он поставил под удар одно крыло, специально уменьшив для этого линию фронта и облегчив туркам возможность окружить квзаков; воспользовавшись этой мнимой ошибкой Свирчевского, турки попали в засаду.

Битва у Бендер вдохновила народ на создание легенды, которая носит печать эпохи.

Итальянский философ Вико сказал:

«Когда кто-нибудь становится знаменитостью в хорошем или плохом смысле этого слова, народ спешит создать о нем легенду, которая с точки зрения фактической достоверности является ложью, но в то же время это и есть так называемая идеальная правда, так как народ не создает ничего, что не имело бы аналогии в действительности».

Отряд Свирчевского захватил в плен самого агу — главу турецкой армии, красивого, высокого, обаятельного мужичку и к тому же настолько богатого, что, желая откупиться, он предложил казакам оплатить им один свой вес жемчугом, два веса — золотом и три — серебром...

Драгоценности из жемчуга, общим весом в одного солидного мужчину... Право не знаем, был бы ли в

состоянии Ротшильд выкупить себя подобной ценой, если б попал в рабство к язычникам. Авторы этой легенды не стремились к абсолютной точности, они хотели создать лишь наиболее образное понятие о богатстве тогдашних турецких пашей, и поэтому их ложь походила на правду.

Продолжим наше повествование.

Несмотря на большой соблазн, казаки отвергли предложение аги и доставили его к Иону-Воеводе: клятва, данная князю, была для них превыше всякого богатства...

Трудно представить, чтобы верность клятве поднималась у казаков когда-либо до такой степени благородства. Она кажется невероятной для наемного войска, да еще в XVI веке; авторы легенды имели, следовательно, полное право преувеличить эту исключительную верность, рисуя ее так выпукло и красочно.

Несчастный ага предстал перед Ионом-Воеводой, и тот допрашивал его в течение нескольких дней, стараясь побольше выведать о намерениях Турции; затем агу передали солдатам на растерзание, и они разрезали его косами на мелкие кусочки; не спасло его и то, что он не забыл предложить и Иону-Воеводе те же шесть мер жемчуга, золота и серебра.

Уж очень неаппетитны были язычники нашему герою; с этой точки зрения легенда вполне выражала действительность.

В то время как Свирчевский громил турок, от польских границ по Днестру спускалось двадцать пять лодок. Это было доказательством того, что Ласский и Острогский действительно готовы прийти на помощь Иону-Воеводе; в лодках прибыло шестьсот казаков-пехотинцев под командой старого моряка Покатило.

Несмотря на малочисленность отряда, его ожидали большие дела.

Ион-Воевода приказал прибывшим казакам снова сесть в лодки, по двадцать четыре человека в каждой, и спуститься по Днестру к Аккерману, где после победы под Бендерами, нагнавшей на турок сильный страх, казаки вряд ли могли встретить большое сопротивление.

Сам господарь остался на прежней, очень выгод-

ной для него позиции. С тылу, из Молдавии, к нему поступали провизия и иновбранцы, увеличивавшие численность его войска; из соседней Польши он с часу на час ожидал подкрепления, согласно обещаниям, данным ему Ласским и Острогским.

Если бы он сам двинулся к Аккерману через засушливую песчаную степь, напоминающую африканскую пустыню, изнурительная жара и отсутствие воды заставили бы его многочисленное войско страдать от жажды и болезней.

Казаки на лодках более подходили для выполнения этой задачи.

Неожиданно прибыв в Аккерман, они застгли город врасплох, уничтожили всех мусульман и тех, кто хоть немного походил на мусульман, захватили богатую добычу, подожгли дома, оставив только крепость, которая, словно мрачное видение, вырисовывалась над руинами города.

Здесь будет к месту отметить, что Ион-Воевода был единственным из своих соотечественников, одержавшим победу и на суше, и на воде.

Прошло только два месяца с начала войны.

За это время была одержана замечательная победа у Жилиште, захвачена вся Мунтения, взяты Браила, Бендеры и Аккерман; потерпели поражение также большие вражеские отряды — один раз подле Лапушны и дважды — подле Бендер...

В течение двух месяцев погибло от меча и огня не менее двухсот двадцати тысяч врагов, в то время как молдаване потеряли не больше тысячи человек.

Прошло только два месяца с начала войны!

Мы уже имели случай проанализировать все сражения Иона-Воеводы, подробно описывая каждую из его побед в отдельности, но не связывая их между собой.

Мы узнали о причинах его успеха при самых различных обстоятельствах: в различных условиях местности и времени, с участием различного рода войск, в различном боевом порядке.

Мы познакомились с кавалерией, действующей вогнутым боевым порядком у Жилиште; с инфантерией, штурмующей стены Бранлы, с морской пехотой,

сеюшей замешательство на улицах Аккермана; с отрядом, стремительно атакующим врага из засады на холмистой местности возле Бендер и т. д.

Но мы до сих пор не коснулись еще тех основных принципов ведения войны, которые обеспечивают успех не отдельных битв, что может случиться даже с весьма посредственным военачальником, а целой кампании, который возможен только для полководческого гения с его искусством маневра...

Приведенный выше анализ чудо-побед Иона-Воеводы в Мунтении и Бессарабии говорит о том, что среди многих причин имеются три главных и общих для всех сражений — это организация марша, выбор поля битвы, личные качества полководца.

Ион-Воевода действовал так, что враги никогда не могли захватить его врасплох, их же он атаковал всегда неожиданно.

Находясь на марше, его войско было хорошо защищено с флангов и с тыла небольшими мобильными отрядами, которые, в свою очередь, высылали во все стороны множество разведчиков, рассыпавшихся по холмам и по долинам, по селам, по переправам через реки...

Малейшее движение в стане противника моментально становилось известным Иону-Воеводе; он внезапно бросался на врага, расстраивал его ряды, сеял панику. Гром успевал разрядиться над вражеским войском прежде, чем оно замечало вспышку молнии.

Эта исключительная быстрота действий, сочетавшихся с очень строгими мерами охраны своих войск, приводила к тому, что Ион-Воевода незначительными силами побеждал большие силы врага; противник терял тысячи людей, а молдавское войско оставалось почти невредимым.

Еще большее значение имел выбор места битвы.

Ион-Воевода не позволял врагу вступать на территорию Молдавии, а встречал его в его собственной стране, сначала в Мунтении, затем в Буджаке.

Этим он достигал следующих результатов перво-степенной важности: население Молдавии, избавленное от разрухи и страданий, причиняемых войной, оставалось неиссякаемым источником денежных

средств и живой силы; враг, будучи атакован в своем собственном доме, брал опасность на себя, вместо того, чтобы внушать ее другим, преувеличивал в своем воображении силу противника, терял самообладание; находясь во вражеской стране, воины Иона-Воеводы, служившие в большинстве без всякого жалованья, могли беспрепятственно заниматься грабежом.

Один из старых польских авторов, посчитавший необходимым ввести и румын в свой универсальный трактат о военном искусстве, чего не сделал до этого ни один из французских или немецких авторов, писал:

«Ион-Воевода, господарь Молдавии, Михай Храбрый, господарь Мунтении и Густав-Адольф, король Швеции, умели держать в руках своих многочисленных воинов только силой своего красноречия и дружеским обращением »

Нужно ли говорить, что Ганнибал, Цезарь, Валленштейн, Фридрих Великий, Наполеон I руководствовались теми же принципами. Хотя каждый применял их, сообразуясь с обстоятельствами своей эпохи.

IV

КАТАСТРОФА

«Так иногда в самый солнечный день появляется туча... Господа, который теперь час?»

*Шекспир.
«Генрих IV»*

Турецкие владения в Европе очень походили на цветок мимозы: достаточно тронуть один из лепестков, чтобы весь цветок почувствовал прикосновение и свернулся.

Румыны, болгары, сербы, греки и албанцы представляли собой пять лепестков этого турецкого цветка: любое движение внутри одного из этих народов сейчас же находило судорожный отклик у всех остальных.

Румыны происходят от римлян, сербы и болгары — славяне, греки — потомки Эллады, албанцы — фракийское племя. В жилах этих народов течет различная кровь, но они братья по религии и братья по рабству.

Когда Мирча Великий громил турок, болгары и сербы боролись против общего врага под знаменем румынского полководца, о котором осталось немало песен в их народном творчестве.

Когда Петр Рареш пытался сбросить оттоманское иго, греки самоотверженно помогали ему.

В войсках Михая Храброго было множество сербов, болгар, греков и албанцев...

Итак, эти пять народов объединяло чувство солидарности в противостоянии турецкому владычеству.

Но внутри этой группы издавна и до настоящего времени самые тесные и живые связи существуют между румынами и болгарами.

В средние века они составляли единое государство, протянувшееся от Карпатских до Балканских Альп, под скипетром славной румынской династии, перед которой трепетал Константинополь и заискивал Рим.

В XIII веке эта славная монархия расчленилась на три ветви: начали подниматься Молдавия и Мунтения, начался упадок Болгарии.

Вместо одного императора на сцене появились три самостоятельных господаря. Но традиция бывшего единства не была ими забыта: каждый из трех господарей прибавлял к своему собственному имени священное имя Иоанн, сохраняя этим неумирающую память об императоре Иоанне Асене, некогда сплотившем союз румын и болгар.

В XIV веке Болгария окончательно подпадает под турецкое иго. С тех пор ежегодно тысячи ее несчастных сыновей перебегают на свободную наполовину румынскую территорию, терпеливо ожидая спасения от тех, кто в недалеком прошлом великодушно одарил их династией.

Румыно-болгарская газета «Быдыщность», издававшаяся на гостеприимных берегах Дымбовицы, и, к сожалению, прекратившая год тому назад свое существование, является самым недавним и не последним свидетельством этой постоянной симпатии между двумя народами...

Могли ли оставаться спокойными сердца болгар, когда с шумом царственного Дуная до них донеслось эхо удивительных ратных дел Иона-Воеводы?

Могло ли эхо свободы не всколыхнуть сербов, албанцев и греков?

Ярким пламенем разгорался пожар к северу от Дуная; горящие головешки долетали до самых Балкан, а отдельные искры падали еще дальше: на скалистые горы Крои и на развалины Пантеона!

Турецкую Порту охватил страх при виде надвигавшейся опасности: она боялась потерять в этом всеобщем пожаре все то, что узурпировала к западу от Босфора.

Турки недоумевали: их вассальный князь, простой бей, раб, осмелился подняться против них и возглавить восстание, угрожавшее поразить Оттоманскую империю в самое сердце.

Султан Селим решил, наконец, прибегнуть к трем радикальным мерам: он посетил мечеть святой Софии и вознес молитвы Аллаху и его пророку Магомету; пригрозил польскому правительству и потребовал от него прекратить всякие отношения

с Молдавией; послал против Иона-Воеводы новую армию, которая могла бы привести в смятение самого могущественного монарха тогдашней Европы...

Ахмед-Паша, беглербей Румелии, и Адель-Гирей, брат Крымского хана, получили приказ направить все свои войска в Молдавию, захватить живым или мертвым «этого спятившего с ума разбойника и бродягу», как называли Иона-Воеводу пришедшие в бешенство турки, а на престол Молдавии вернуть Петра Хромого.

Сто тысяч турок отправились к Дунаю; сто тысяч крымских татар — к Днестру...

Узнав о передвижении вражеских сил, Ион-Воевода больше не мог оставаться подле Бендер: он перешел на правый берег Прута и расположился на границе Молдавии, возле города Хуш.

Городок был основан за столетие до этого колонистами-гуситами, изгнанными из Богемии и Венгрии. Стефан Великий за их знание ремесел простил им ересь и разрешил поселиться в Молдавии.

Беженцы избрали себе место, которое более всего напоминало им утраченную родину. И действительно, Хушские леса и возвышенности напоминают путешественнику живописные окрестности Карлсбада.

До наступления подходящего момента эта естественная крепость была для нашего героя наиболее подходящим, если не единственным местом для ожидания.

Месторасположение Хуша имело огромные преимущества:

—здесь удобно было пополнить армию новобранцами, сделать запасы провианта из внутренней Молдавии;

—эти места расположены недалеко от границы с Польшей, откуда Ион-Воевода все еще не терял надежды получить серьезное подкрепление;

—Хуш, защищенный самой природой, исключал внезапное нападение;

—наконец, в нужный момент Ион-Воевода мог направиться либо в сторону Днестра против татар, либо в сторону Дуная против турок...

Ион-Воевода распустил по домам свою ифантирию, состоявшую исключительно из крестьян.

Каждому пехотинцу было дано задание вернуться к себе в село, захватить оттуда брынзы и муки на несколько дней похода, рассказать сельчанам об одержанных уже замечательных победах и привлечь в армию тех, кто пожелал бы разделить славу и трофеи будущих побед.

Он приказал шестистам казакам, которые сожгли Аккерман, патрулировать на лодках по Днестру, Черному морю и Дунаю, между Бендерами и Браилой, следя за передвижением турок и татар.

Остальным конным казацким сотням было поручено прочесать Буджак, уничтожая и сжигая все на своем пути.

Всю молдавскую кавалерию Ион-Воевода послал к Дунаю, чтобы остановить турок, а сам остался в лагере возле Хуша только со своей личной гвардией и придворными.

Действуя совместно с татарами, турки могли переправиться в Молдавию только в одном единственном месте, известном в наших старых песнях под названием «Брод у Облучицы», между Прутом и Черным морем, у крепости Исакча.

Выше по течению Дунай делится на несколько рукавов, и это осложняет переход через него. Ниже по течению в Дунай впадает Прут, и переход реки в этом месте сделал бы невозможным объединение турецких сил с татарскими.

Заняв позицию напротив Исакчи и пользуясь поддержкой 25 лодок казака Покатило, молдавская кавалерия была бы в состоянии без особого труда в течение многих дней задерживать переправу турок через Дунай.

Итак, пока турецкая армия Ахмед-Паши сделала бы вынужденную остановку на правом берегу Дуная, татары под командованием Адель-Гирея беспрепятственно перешли бы Днестр у Бендер или Аккермана под прикрытием крепостной артиллерии.

Сконцентрировав всю свою пехоту, личную гвардию и казацкую конницу, Ион-Воевода бросился бы на татар, разбил их и затем с армией, окрыленной этой победой, молниеносно двинулся бы к Дунаю на турок...

Эта искусная комбинация сходна со сражением, происшедшим столетием позже у Флерюса под

командованием маршала Люксембурга и со сражением у Синтгейма под командованием знаменитого Тюренна.

Предупредить объединение двух вражеских армий, разбив сперва более слабую, а затем более сильную — один из самых блестящих маневров в военном искусстве.

Успех кампании зависел, таким образом, от отряда, посланного к броду у Облучицы.

Его возглавлял пыркалаб Иеремия Голия, отличившийся, как мы видели, своей храбростью в битве при Жилиште.

Он был самым близким другом Иона-Воеводы.

Он сопровождал его во всех походах.

Он плел интриги, чтобы добиться для Иона-Воеводы трона Молдавии.

Ему вверил Ион-Воевода Хотинскую крепость — одно из основных звеньев обороны Молдавии.

Ему, уже во время войны, Ион-Воевода подарил два имения.

В одном из сражений, подвергая опасности свою собственную жизнь, именно его спас от верной гибели Ион-Воевода.

Прежде чем отправиться на Дунай, Иеремия поклялся Иону-Воеводе на святом кресте и евангелии в верности до самой смерти...

Казалось бы, на него можно положиться.

И все же за тридцать кошельков золота второй Иуда, пыркалаб Иеремия Голия, продал свое прошлое, своего друга, родину, религию!

Турки перешли Дунай. Предатель сообщил Иону-Воеводе, что он прибыл слишком поздно и не смог уже остановить их, но что войско врага состоит всего из 30 000 плохо обученных солдат.

Первоначальный план оказался сорванным: теперь господарю нужно было сначала разбить турок, а затем татар.

Была дорога каждая минута.

Он переходит Прут и летит к устью Дуная..

Несмотря на опасность, в рядах его войска царило веселье и уверенность в победе.

За несколько дней до этого, 2 июня, в предгорьях Хуша воины отпраздновали знаменательный для мол-

даван день святого Иона Сучавского, покровителя не только Молдавии, но и самого brave господаря

Войско двинулось на битву с песнями и музыкой. Под звуки барабанов, рожков, сурл и свирелей оно шло на венчание... со смертью.

Приблизившись к турецкому стану, Ион-Воевода послал гетмана Славилу с казаками и несколькими тысячами молдавской кавалерии, чтобы собрать сведения о численности и расположении войск противника.

Они наткнулись на турецкий аванпост численностью в 4000 человек; в погоне за ним им удалось захватить только одного тяжело раненного турка, который скончался, не успев даже ответить на вопросы гетмана.

Тогда сам Ион-Воевода с пятьюстами всадниками из его личной гвардии взобрался на самый высокий холм, надеясь определить силы врага хотя бы по территории, занятой его войсками.

Но ему не удалось ничего увидеть издалека, кроме четырех небольших отрядов, которые сторожили подходы ко вражескому стану.

Таким образом, впервые он был лишен необходимых для подготовки сражения сведений относительно силы, расположения и плана своего противника.

Счастье начало изменять ему.

Но на этот раз судьбе пришлось иметь дело с Прометеем, готовым сразиться со всеми богами Олимпа!

Когда солдаты, обеспокоенные различными слухами, прочли на лицах офицеров замешательство, а в своих сердцах — предчувствие катастрофы, они обратились к Ионе-Воеводе с вопросом о численности противника.

— Мы пересчитаем их в бою, — ответил господарь.

Осталось ждать всего одну ночь!

Утром решится вопрос об освобождении христиан из-под турецкого ига.

Неужели властелин Молдавии, завоеватель Мунтении, освободитель Бессарабии Ион-Воевода погибнет завтра?

Осталось ждать всего одну ночь!

Вздремнем же в ожидании рассвета.

Ион-Воевода завтра форсирует Дунай, жалобный стон которого доносится до молдавского стана; господарь вооружит коренастых болгар и, водрузив на вершину Балкан знамя свободы, бросит клич: «За мной на Константинополь!»

Осталось ждать всего одну ночь!

Когда начало светать, в молдавском стане недосчитались троих крупных бояр.

Мы приведем их имена, чтобы клеймо позора на веки вечные осталось бы на них в памяти потомков.

Это были — ворник Мургу, стольник Билэе и гетман Славилэ.

Под прикрытием ночи они бежали к туркам. Летописец Урке пытается оправдать их тем, что они боялись грозящей им опасности.

Весьма странно!

Только летописец из бояр мог с такой наивностью оправдать других бояр.

Несмотря на всю невыгодность своего положения Ион-Воевода был вынужден поторопиться с началом военных действий, чтобы начать их до прибытия татар Адель-Гирея, а также не дать остыть воодушевлению своих солдат и пресечь дезертирство...

Напротив крепости Исакача, по левую сторону Дуная, перпендикулярно к реке расположено озеро Кагул, восточный берег которого представляет собой возвышенность, пересеченную долинами и оврагами, образующими ряд амфитеатров, закрытых с трех сторон. Тут и должно было произойти сражение...

Прежде чем войти в историю Румынии, эта местность прославилась с незапамятных времен: она привыкла быть свидетельницей катастроф!

Некогда неподалеку от нее находился дакийский город, разрушенный македонцами Александра Великого во время его похода за Дунай.

Здесь персы Дария Истаспа несколько раз переходили Истр во время их неудачной войны с кочевниками-скифами.

Здесь несколько позже потерпел поражение

римский император Валенте, осмелившийся выступить против готов.

Здесь еще и поныне в окрестностях села Картал при раскопках находят в тайниках земли древние греческие или латинские ценности, наследство погибшего мира.

С правой стороны молдавского стана простиралось озеро без единого брода длиной в 2000 сажень; в центре рельеф местности был очень изрезан; палево тянулась степь, сзади — естественная терраса.

Для турок озеро находилось с левой стороны, а справа и в центре — возвышенность, параллельная с фронтом молдаван и постепенно снижающаяся к Дунаю.

Войско молдаван состояло из нескольких тысяч ополченцев и рекрутов, 20 000 пехотинцев, 10 000 кавалеристов, 1000 казаков; оно располагало 80 гаубицами и 60 полевыми молдавскими пушками, уже однажды описанными нами, то есть всего 35 000 человек и 140 артиллерийских орудий.

Турок было 130 000, по преимуществу кавалерия, и 120 орудий.

На каждого молдаванина приходилось четыре турка, но Ион-Воевода, как настоящий современный полководец, учитывая прибрежную пересеченность рельефа, обеспечил себе преимущество в пехоте и артиллерии.

Кроме того, каждый молдавский всадник имел в резерве вторую лошадь на случай, если первая выбьется из сил или будет убита.

В обозе имелось множество стрел для пехоты и копий для кавалерии...

Таковы были средства, которыми располагали обе армии.

О расстановке турецких войск имеется недостаточно сведений; по ним почти невозможно ориентироваться.

Правда, историки восхищаются ею. Следовательно, худшим было положение Иона-Воеводы.

Известно только, что левое крыло первой линии насчитывало 20 000 человек; артиллерия располагалась позади первой линии, за холмами; одна ли-

ния следовала за другой до самого Дуная; батальоны и эскадроны располагались в глубину...

Боевое построение войска Иона-Воеводы может быть описано с большой точностью.

В Румынии, как и во Франции, национальная армия делилась на полки по 1000 человек под командой капитана; каждое подразделение полка в 500 человек находилось под командой хотиога, ватафа или лейтенанта.

Ион-Воевода сохранил это деление для всей своей армии, кроме казаков, которые по своей численности могли быть организованы только в сотни; кроме ополченцев, которые вообще не имели стройной организации; и кроме небольшого отряда личной гвардии господаря.

На этой основе Ион-Воевода разделил молдавскую армию на 30 полков — 20 пехотных и 10 кавалерийских, постарался выделить казакам такие позиции, чтобы каждую их сотню можно было бы приравнять по ударной силе к румынскому полку; ополченцам отводилась вначале роль простых наблюдателей, из расчета, что они постепенно получают закалку для будущих битв, следя издали, как в школе, за ходом сражения.

Из тактических соображений все войско располагалось в три ряда, по три вида войск, в различной пропорции; в каждом: в центре находилась инфантерия, на левом крыле — кавалерия, на правом — казаки.

Все три подразделения имели в поддержку артиллерию.

Вдоль расположения этих трех видов войск были оставлены три равных по ширине коридора: один отделял кавалерию от инфантерии, то есть левое крыло от центра, второй делил инфантерию, то есть центр, на две равные части, третий отделял инфантерию от казаков, то есть центр от правого крыла.

В центральном коридоре среди инфантерии, между первым и вторым рядом, располагался господарь со своей личной гвардией, состоящей из пятисот отборных храбрецов.

Там, на виду у всего войска, реяло знамя Молдавии с головой зубра и звездой на одной стороне и с крестом на обратной.

Один ряд отличался от другого по численности

бойцов и по огневой силе: наибольшее число солдат и пушек находилось в первом ряду, наиболее близком к врагам; во второй ряд входило меньше войска и его строй был более разомкнутым; самым редким и малочисленным был третий ряд.

Итак, в первом ряду находилось 16 000 бойцов, из которых 10 000 было пехотинцев, 5000 кавалеристов, 500 казаков и 500 человек личной гвардии господаря; во втором ряду было 9300 бойцов: 6000 пехотинцев, 3000 кавалеристов и 300 казаков; и, наконец, в третьем ряду — 6200 бойцов, 4000 пехотинцев, 2000 кавалеристов и 200 казаков.

В первом ряду было 30 полевых орудий, во втором — 18, в третьем — 12.

Точное расположение 80 гаубиц осталось неизвестным, можно предположить, что часть их была установлена на прилегающей к берегу озера высоте, то есть на правом фланге молдавской армии, где размещались казаки; остальные были распределены, как и полевые пушки, по две гаубицы на полк в каждом из трех рядов.

Первый ряд должен был начать бой; второй — заменить его в случае отступления или поддержать в случае расстройств его рядов; третий ряд составлял резерв.

Это предназначение каждого из рядов предполагало принятие следующих мер: первый ряд был развернут в ширину, в соответствии с шириной фронта противника; в первом ряду, чтобы придать ему большую плотность, расстояния между полками и сотнями были сведены до минимума; во втором и третьем рядах, готовых в нужный момент двинуться на помощь первому, войска были расположены колоннами; расстояния между полками и сотнями во втором ряду были достаточно велики, чтобы вместить в случае необходимости подразделения первого ряда; расстояния между полками и сотнями третьего ряда были еще больше, чтобы вместить, если потребуется, войска первого и второго; расстояние между первым и вторым рядами было незначительным, чтобы помощь могла подоспеть как можно скорее; расстояние между вторым и третьим рядами было большим, чтобы сохранить резерв от ударов вражеской артиллерии до момента его ввода в действие при крайней необходимости.

Наконец, кроме упомянутых трех рядов, существовал и четвертый, добавочный ряд, расположенный непосредственно в тылу резерва; в него входили обоз, лошади, амуниция и т. д., он был защищен сзади цепью холмов, а с флангов — орудиями.

Подобная исходная расстановка сил кажется нам шедевром военного искусства; нельзя было более выгодно использовать условия местности и соотношение родов войск.

Теперь о местности.

Озеро, делавшее не доступным для врага правое крыло молдавской армии, дало возможность Иону-Воеводе использовать очень старый тактический прием: он сконцентрировал всю кавалерию на левом крыле. Она становилась силой, грозной для врага не только своей численностью, но и благоприятными для кавалерии условиями рельефа: здесь была открытая степь.

На правом фланге, который защищали не только озеро, но и тяжелая артиллерия, установленная на возвышенности, Ион-Воевода счел возможным оставить только небольшую группу преданных ему храбрцов казаков, которые привыкли биться по мере надобности и конными и пешими, и поэтому легко приспосабливались к любым условиям местности.

Зная, что татары могут подоспеть еще во время сражения и ударить с тыла, Ион-Воевода решил заслонить тыл обозом и цепью холмов; открытой оставалась только кавалерия на левом фланге, которой, как будет видно, отводилась важная роль только в начале сражения.

Несколько слов в отношении войска.

Ион-Воевода сумел избежать ошибки, свойственной европейским генералам XVI века и несколько позже даже Густаву Адольфу. Все они смешивали подразделения различных родов войск, создавая некие уродливые пехотно-кавалерийские батальоны; у нашего же героя кавалерия располагалась отдельно, пехота — отдельно, казаки (своего рода драгуны) — тоже отдельно.

Хотя в Европе был еще в силе средневековый феодальный обычай располагать в центре войска кавалерию, которая состояла из гордой знати и для которой мужичье-инфантеристы могли служить

только флангами; и хотя подобная расстановка прочно укоренилась у наших соседей венгров и поляков,— все же полководческий гений Иона-Воеводы помог ему проникнуть в тайны современного военного искусства и применить расстановку войск, прямо противоположную обычной: он поставил пехоту в центр, а кавалерию на фланги.

Подвергая в настоящее время критической оценке всю суть расстановки войск молдавской армии, мы легко можем выделить следующие три основных пункта:

1. Правое крыло — казаки; благодаря озеру и тяжелой артиллерии оно оказалось в обороне.

2. Левое крыло — кавалерия; в открытой степи и большой концентрации сил она была в наступлении.

3. Центр — пехота; в условиях пересеченного рельефа, наиболее подходящего для этого рода войск, она была в состоянии поддержать и в обороне, и в наступлении любой из флангов.

Прежде чем начать сражение, Ион-Воевода вторично поднялся на высокий берег озера и увидел отсюда, как из прилегающих долин в боевом порядке выступают турецкие части.

Их было несметное множество!

Нашему герою все еще не верилось, что пыркалаб Иеремия Голия предал его туркам, тот самый Голия, которому — как говорит мудрое изречение Тацита,— было дано все, что может получить подданный!

Вместо того, чтобы взять под арест преступника, Ион-Воевода ограничился тем, что выслушал его оправдание; вместо того, чтобы отрубить ему голову, он поручил ему самую ответственную боевую операцию во всем сражении.

Так у Ватерлоо Великий Наполеон доверился Груши!

Послышались звуки бучумов.

Раздался грозный клич: «Убей! Убей!», оставшийся нам в наследство от древних римлян, которые кричали, идя в атаку: «Feri! Feri!»

План Иона-Воеводы, как это следует из расстановки его войска, при которой на одном левом фланге были сосредоточены все наступательные силы, состоял в том, чтобы начать сражение наклонным боевым порядком, как это сделал Эпаминонд у Мантиней, Цезарь у Фарсала, Густав-Адольф у Лейпцига, Бонапарт у Маренго.

Этот порядок наступления, вызывавший восхищение в древние времена, нашел себе еще более рьяных поклонников и блестящих исполнителей в более близкое нам время.

Фридрих Великий следующим образом сформулировал ценные преимущества наступления косым боевым порядком: «Малыми силами громишь большое войско. Ударяешь по врагу с того фланга, где чувствуешь себя более сильным. Подвергаешь опасности только часть своей армии, сохраняя силы остальной».

Можно подумать, что прусский полководец своими словами специально поддерживает соображения румынского полководца!

Ион-Воевода взял под свою команду центр. Свирчевский — правый фланг.

Левым флангом командовал Иеремия Голия.

Голия, следовательно, должен был начать наступление.

Пять кавалерийских полков бросились в атаку на правое крыло турок.

Примыкавшие к ним пять пехотных полков выступили вперед, чтобы поддержать наступление, угрожая вражескому центру.

Но, увы!

Ион-Воевода видит, как инфантерия поворачивает назад, кавалерия склоняет знамена, поднимает качулы на остриях копий и переходит на сторону врага.

Во главе этой кавалерии находился, повторим еще раз, маскировавшийся до сих пор предатель, продавший незадолго до этого нечестивцам переправу через Дунай и спешивший теперь получить плату за измену родине, — Иеремия Голия.

XVI век остался известен в истории своей жестокостью: Варфоломеевская ночь, царствование

Иваиа Грозного, бесчинства инквизиции запятнали его, испестрили, как тигровую шкуру.

При мысли о заерских приемах расправы, к которым прибегали тогда почти все народы Европы, стынет в жилах кровь и волосы поднимаются дыбом.

Но не было, нет и не может быть достаточно сурового наказания тому, кто предает свою отчизну!

Ввергнуть миллионы своих братьев на многие века в пропасть рабства — это покушение не на одного человека и не на одно поколение, а на десятки и десятки поколений своего народа.

Преступление до того ужасно, что невозможно придумать для него наказания: самым подходящим приговором было бы превращение преступника в вечного жида, чтобы он миллионы лет слышал бесконечные проклятия потомков.

Каин был бы святым рядом с Иеремией Голия.

Молдаван охватило глубокое отчаяние.

Только один Ион-Воевода сохранял спокойствие: его дух креп по мере того, как разражалась гроза.

Турки выдвинули предателей на передовую линию.

— Вот наши изменники! — воскликнул Ион-Воевода, приказав направить на них силу удара, весь огонь, все снаряды.

Негодяи погибли все до одного; в груди у верных воинов заново запылал огонь мужества.

Ион-Воевода приказал кавалерии из второго ряда занять место полков, перешедших на сторону врага; он подтянул кавалерию из резерва, вернул на место пехоту, во всем восстановил порядок...

Воспользовавшись временным замешательством молдавской пехоты и переступив через трупы изменников, турки начали атакую конусом, то есть, придерживая фланги, они направили свой центр против нашего центра.

Тем самым они надеялись расколоть молдавскую армию надвое.

Но Ион-Воевода был к этому готов.

Так как артиллерия выпустила уже все свои снаряды, он решил взять с боков выдвинувшийся

вражеский копус, приказав казакам стрелять по нему из ружей справа, подоспевшей из второго ряда кавалерии атаковать копьями слева, а инфантерии — засыпать его стрелами из центра.

Турки повернули вспять.

Начав наступление, они надеялись заманить молдаван поближе к своей артиллерии, скрытой за холмами.

Они забыли, что Ион-Воевода, бывший друг визиря Мехмеда-Соколн, хорошо знал все тонкости турецкой тактики.

После короткого преследования турок молдаване получили приказ вернуться и снова сомкнуть свои ряды.

Турки не могли и предположить, что Ион-Воевода готовит им ту же ловушку, в которую им не удалось его завлечь.

Видя, что молдаване начали отступать, турки снова перешли в наступление. Неожиданно для них ряды молдавского войска разомкнулись, дав возможность артиллерии открыть по врагу сокрушительный огонь и обратить его в бегство.

Таким образом, две атаки турок были отбиты.

Не зная, что предпринять дальше, турки пошли в атаку в третий раз, всем фронтом, стараясь окружить сравнительно небольшое вражеское войско...

Топоры летят со звоном,
А тугие луки стонут,
И скрывают солнце тучей
В небе стаи стрел летучих.
Закипает бой горячий,
Кони ржут, храпят и скачут
Басурманы в поле бьются,
Смерти лютой предаются.
Десять ляжет, чтоб не астать,
Сотня вырастет опять.
Тыщи в чистом поле мрут,
Тыщи с саблями встают.
Рубит витязь влево, вправо —
По тропе идет кровавой.
Пролетают стрелы мимо —
Семь ведь жизней у румына!
Рыщут-свищут в поле стрелы,
Напрягает гидра тело,
Понапрасну стонет-воет,
Обвиняет стаи героя,
Бьет хаостом своим упругим —
Как кольцо сомкнулись руки,
Витязь яростное тело
В прах затаптывает смело

После того как обе стороны пролили много крови, турки, отбитые в третий раз, обратились в такое беспорядочное бегство, что турецкий гарнизон, находившийся невдалеке от поля битвы, в Исакче, по ту сторону Дуная, при виде их отступления считал сражение окончательно проигранным и пустился наутек...

При более подробном анализе передвижения молдавских войск на поле битвы нас особенно восхищает точность и своевременность перегруппировки, когда после второй атаки турок ряды молдавского войска, как уже отмечалось, разомкнулись и дали возможность действовать артиллерии. Это была очень сложная операция, особенно во время отступления кавалерии.

До этого турки только себя считали способными осуществить этот артистический маневр, применявшийся ими с древнейших времен; для них он был одним из важнейших тактических приемов, который обеспечил им ряд блестящих побед над христианами, включая и известную победу под Мохачем.

Молдаване под руководством Иона-Воеводы превзошли турок и в этом отношении.

После последней атаки и беспорядочного бегства нечестивцев нашему герою достаточно было иметь свежую кавалерию, то есть пять кавалерийских полков, которые он потерял в начале битвы благодаря предательству пыркалаба Иеремиа Голия, и его победа над турками была бы полной.

Как только турки пустились в бегство, их нужно было преследовать по пятам: их первая линия, отступавшая в замешательстве под неослабевающими ударами молдаван, смяла бы последующие линии, охваченные уже общей паникой; Дунай преградил бы туркам последний путь к спасению, и их армия погибла бы частью под ударами молдаван, частью утонул в реке.

Но, потеряв лучшие свои полки и оставшись с сильно поредевшими рядами уже утомленных войск, что мог сделать даже этот великий полководец Молдавии?

Однако несмотря на все это, независимо от окончательного результата сражения, военные историки

должны с большим почтением отметить того, кто, располагая в три раза меньшей армией и будучи трижды предан, выглядел как победитель после трех ожесточенных атак противника.

Устав от длительной и напряженной битвы, турки остановились; молдаване так же отдыхали под прикрытием пушек.

«И пока они стояли так,— отмечает летописец Уреке,— прошел проливной дождь и подмочил порох, на который молдаване возлагали свои надежды».

Ион-Воевода имел некоторое преимущество перед турками в отношении инфантерии и, в особенности, артиллерии, что в определенной степени уравнивало огромное численное превосходство турок.

Но инфантерия была до крайней степени утомлена, а артиллерия неожиданно вынуждена была замолчать.

Природа заключила союз с предателями!

После того как дождь прибил пыль, поднятую во время сражения лошадьми и пехотой, и развеял пушечный дым, расстилавшийся над полем боя, турки смогли легко убедиться, что войско Иона-Воеводы весьма малочисленно.

На правом фланге они увидели всего лишь несколько казацких сотен, которых до этого защищала первоклассная артиллерия, но после дождя они остались без защиты.

И вот 20 000 турок, составлявших левое крыло армии нечестивцев, поспешили броситься с остервенением на доблестных соратников Иона-Воеводы.

Этому потоку вооруженных всадников противостояли 300 казаков: остальные 900 погибли во время боя.

На каждого казака приходилось 70 турок.

И вдруг, как бы по предрешению злого рока, появляется Адель-Гирей со своими 100 000 татар: Иону-Воеводе не удастся избежать несчастья, для предупреждения которого он поспешил начать сражение с турками.

В тот момент, когда правое крыло турецкой армии бросилось на наше левое крыло, на остатки молдавской кавалерии, татары перешли грядущему хол-

мов и ударили по ней с тыла.

5000 молдавских всадников оказались в тисках, причем над головой каждого из них нависло по сотне шашек!

Казачи были вооружены ружьями, защищены справа озером, а слева инфантерией; их атаквали только спереди, и они устояли против натиска левого крыла турок.

Молдавская же кавалерия, не располагавшая огнестрельным оружием, открытая с одного из флангов, подверглась нападению одновременно спереди и с тыла татарами и правым крылом турок и была не в силах устоять.

Инфантерия Иона-Воеводы сохраняла пока свои позиции по трем причинам. Занимая центральное положение, она не могла быть разбита, пока оставались нетронутыми ее фланги; с тыла от удара татар ее защищал обоз; кроме того, по своему характеру она куда более устойчива, чем кавалерия.

Ополченцы спаслись от татар, спрятавшись среди повозок...

Итак, Ион-Воевода, потеряв все левое крыло, остался только с инфантерией, ополченцами и казаками. Была утрачена всякая надежда на победу! Что же господарь мог предпринять теперь?

В этот трагический момент проявилось исключительное величие его духа.

Он мог бы, несомненно, спасти еще свою жизнь.

Переодевшись в крестьянина и оседлав лучшего своего скакуна, он легко ускользнул бы через обоз и, обогнув озеро Кагул, мог направиться в сторону Прута, куда еще не добрались его враги, пересечь Молдавию и бежать в Польшу, где ему не отказали бы в убежище Ласский или князь Острогский.

Кто знает, со временем он, возможно, помирился бы с Турецкой Портой!

Может статься, ему удалось бы вернуться из Польши, как это сделали Лэпушняну и Деспот, во главе новой армии, при помощи которой он отвоевал бы Молдавию...

Но нет! Подобные эгоистические побуждения, которыми некогда руководствовался Помпей, а за-

тем-Карл XII, не нашли себе места в сердце Иона-Воеводы.

Меньше всего он думал о самом себе. Спасти прежде всего остатки молдавской армии, а если нет, то славно погибнуть вместе с любимой отчизной... только один из этих путей и мог бы избрать пра-правнук матери Стефана Великого, которая учила своих сыновей, что птица погибает в своем гнезде!

Татары, движимые алчностью, пустились в погоню за рассеянной по степи кавалерией, состоявшей из боярских сыновей; гнались они за собольими мехами, золотыми цепочками, за саблями, украшенными драгоценными камнями.

Эта неосторожность, временно освободившая тыл молдавской армии, дала возможность Иону-Воеводе, сохранявшему ясность ума при самых сложных обстоятельствах, воспользоваться ошибкой противника.

Он сходит с коня, спешивает казаков, вливает ополченцев в ряды пехоты и, обратившись к остаткам своей героической армии с возгласом: «Братья, пусть падет моя голова там, где падут ваши головы!» — ведет их в атаку до того стремительную, что захватывает вражескую артиллерию, выводит ее из строя, заставив турок застыть в замешательстве и замереть от восхищения!

Охваченный неистовством, он в эту минуту исключительного напряжения один, своими руками выкатил из вражеского стана огромную пушку: до того колоссальной была физическая сила этого румынского Геркулеса.

Затем, тесно сомкнув ряды, молдаване отошли в полном порядке на ближайшую возвышенность, где еще дымились руины села Рошканы, разгромленного татарской ордой.

Последняя атака перед отступлением, как и все остальные маневры этой достопамятной битвы, является блестящим свидетельством военного искусства Иона-Воеводы.

В более поздние времена знаменитый Монтекули советовал:

«Старайся атаковать врага с необычайной сви-

репостью, в особенности, если думаешь после этого отступать».

Преклонимся поэтому перед Ионом-Воеводой, который понял это еще в 1574 году, в самый критический момент уже проигранного для него сражения, лишенный возможности руководствоваться наставлениями Монтекукули, который изучал военное искусство столетием позже в тиши кабинета!

Из 35 000 войска у нашего героя осталось едва 7000.

Не менее 20 000 солдат погибло в течение полусуток, защищая трех идолов, провозглашенных однажды Великим Стефаном в его военных инструкциях: крест, родину и знамя!..

Я пишу эти строки ночью, в полном уединении. Окружающая таинственная тишина и гробовое молчание разжигают мое воображение; я уношусь мысленно далеко-далеко — к тому, чего уже нет и что еще не наступило, забывая о настоящем, сравнивая прошлое с будущим; сердце бьется учащенно, и в голове разгорается пламя; по жилам разливается чувство необычайной бодрости; меня вдохновляет упорная мысль, навеянная мне, не знаю сам, извне или изнутри: «Вот на что способен мой соотечественник»!

Но вдруг доносится шум катящейся по мостовой коляски; я бросаюсь к окну; при свете луны я вижу молдавского шеголя с моноклем, в белых перчатках и с сигарой в зубах, он возвращается бледный и томный с ночной пирушки...

Обосновавшись среди развалин села Рошканы, Ион-Воевода приказал окружить возвышенность рвом; поставил вдоль так называемого военного гребня, то есть верхнего края склона лучших стрелков из луков и ружей, усилил их вторым рядом и, наконец, оставил резерв для оказания помощи в самых горячих точках обороны.

К вечеру турки и татары, пришедшие в себя после временного замешательства и погони за молдавскими кавалеристами, окружили новый стан Иона-Воеводы.

Французские воины в Алжире показали со всей убедительностью, как тяжело атаковать даже не-

укрепленные возвышенности, защищаемые немногими бедуинами. Тем более непреступной была позиция отряда молдаван численностью в несколько тысяч опытных бойцов, окопавшихся на возвышенности, обороноспособности которых способствовали и руины села. «Атака деревни всегда стоит жизни многих солдат», — говорил Фридрих Великий.

Во время последней своей атаки Ион-Воевода привел в негодность большую часть турецкой артиллерии. Снариды оставшихся в действии турецких пушек падали среди развалин, не поражая молдаван, в то время как последние, сиди спокойно в укрытии, посылали нечестивцам каждым своим выстрелом уведомление о смерти.

Историки обвиняют Иона-Воеводу в том, что он выбрал позицию, лишенную воды, и не принял мер для создания искусственных источников. Такое обвинение может исходить только от людей, не знающих местных условий.

На всем протяжении Буджакской степи вода встречается так же редко, как и в центре Африки. В поисках источников на вершине холма нужно было бы копать очень глубокие колодцы, но даже если такая рискованная и очень тяжелая операция увенчалась бы успехом, разве одного колодца хватило бы для 7000 людей?

В течение трех дней и трех ночей Ион-Воевода отбил все атаки 200 000 язычников.

Не имея ни капли воды, молдаване ожидали с нетерпением наступления ночи, чтобы расстелить на траве куски полотна: они освежали губы росой.

Не раз небольшие отряды молдаван во главе с Ионом-Воеводой переходили ров, с иростью бросались на ближайшие наиболее уязвимые вражеские посты, резали, убивали, уничтожали все и вся и после, пьяные от пролитой крови, возвращались обратно, удовлетворенные, подобно Уголино из Дантова ада, пожирающего голову своего противника Руджиери.

В течение этих трех дней и ночей, достойных времен Горация Коклеса, Ион-Воевода мог бы спасти себя, если бы он хоть раз подумал об этом.

Зная турецкий язык, он мог бы под покровом ночи пробраться через стаи врагов, как это сделал, например, Цепеш.

Но все его поведение показывает, что он был грозой только для нечестивцев, для бояр, для духовенства, но свой народ он любил больше, нежели самого себя.

На четвертый день турки начали переговоры. Ион-Воевода показал посланцам свои позиции и численность своих храбрецов.

«Вы сами видите,— говорил он им,— что я в состоянии продолжать битву».

Затем он предложил им следующие три условия:

Отпустить по домам всех солдат-молдаван, и чтобы к ним не прикасалась рука противника, и не преследовал их когда-либо за прошлое будущий господарь Молдавии; разрешить казакам вернуться к себе на родину; самого господаря отправить в полном здравии непосредственно к султану Селиму...

Язычники приняли эти предложения.

Беглербей Ахмед-Паша и Петр Хромой, ставший, таким образом, снова господарем Молдавии, поклялись семь раз каждый в точности выполнить эти условия.

Ахмед-Паша повторил семь раз клятву на Книге Магомета.

Петр Хромой повторил семь раз клятву на Книге Христа...

Со слезами на глазах, не в силах произнести ни слова, Ион-Воевода расстался со своими верными товарищами.

Казакам, пришедшим со стороны, чтобы служить ему за плату, он оставил все имевшееся при них оружие.

Молдаванам, своим братьям, которые сражались за свободу родины, он оставил память о себе как о великом господаре, и неясную надежду на свое возвращение к власти...

Наш герой был уверен, что ему при помощи искусной дипломатии удастся вернуть расположение султана Селима, подобно тому, как в аналогич-

ной ситуации Петру Рареску своим мужеством и красноречием удалось смягчить гнев султана Сулеймана.

Великие люди не впадают в отчаяние даже на острове Эльба!

Но пока что наступило расставание.

Казак плакал; молдаване же не в состоянии были даже плакать; большое горе высушило их слезы.

Капитуляция при Рошканах напоминает другую капитуляцию, также заключенную с турками за три года до этого, когда Ион-Воевода находился еще в Константинополе.

После героической защиты крепости Фамагуста на Кипре, ее комендант Брагадино, которого выпудили к перемирию не силой оружия, а измором, добился у нечестивцев согласия на свободный вывод гарнизона.

Турецкий главнокомандующий с большой легкостью подписал предложенные ему условия и с такой же легкостью нарушил свое слово: открыв ворота крепости, доблестный Брагадино и цвет венецианской молодежи погибли в страшных пытках.

Зная турецкое вероломство, Ион-Воевода не ограничился подписями вражеских генералов: он потребовал в качестве гарантии, чтобы Ахмед-Паша и Петр Хромой, то есть главный его противник и соперник, повторили каждый по семь раз магометанскую и христианскую клятвы...

И что же, придало ли все это святость договору?

Мы рассказали о предательстве, расскажем теперь и о клятвопреступлении.

К Петру Хромому, чтобы возвести его на трон Молдавии по турецкому фирману — небывалое новшество в истории Молдавии, — был приставлен первый ключник Оттоманской Порты, важный сановник, ставший затем визирем, зятем и кумом султана...

Речь идет о Сципионе-Цигале, выходеце из неаполитанской аристократической семьи, получившем после отступничества имя Джигала-заде, о молодом, холемом баловне, обжоре и пьянице... но тем более

вссильном при дворе такого султана, как Белим II.

Когда Ион-Воевода вошел в палатку беглербея, Ахмет-Паша находился там в окружении янычар, аг, баев, санджаков, которые собрались все как один, чтобы увидеть своими глазами грозного победителя у Жилиште, Браилы, Лапушны, Бендер...

Турецкий главнокомандующий начал с упреков, но Ион-Воевода ответил ему с достоинством господаря, что по условиям капитуляции он будет отвечать только на вопросы самого султана.

Гордость нашего героя возмутила мусульман, но его величие, казалось, сковало им руки: они в недоумении переглядывались, как бы подбодряя друг друга нанести первый удар; но никто не решался... Для этого требовался вероотступник; требовался кто-то, потерявший человеческий облик, зверь, одурманенный опиумом; требовалось настоящее чудовище, способное пойти против чести и против клятвы.

Этим чудовищем и оказался главный ключник Джигала-заде.

Мунтян Петр Хромой призвал турок поднять оружие против героя Молдавии.

Итальянец Сципион-Цигала вонзил ему нож в сердце.

Мунтян, итальянец, молдаванин...

Когда герой пал под предательским ударом кинжала неаполитанца Джигала, янычары, воодушевленные его примером, набросились на жертву, отрубили и водрузили на копье его величественную голову, которая еще соасем недавно вселяла в их души страх даже во сне.

Затем, как бы боясь, чтобы на обезображенном туловище не выросла вторая голова, они привязали его труп к хвостам двух верблюдов и погнали их в разные стороны: тело господаря было разорвано на куски.

После того, как это финальное зрелище охладило головы нечестивцев, они не могли не почувствовать своего ничтожества по сравнению с необычайным мужеством усопшего.

Считая, как видно, что доблести Иона-Воеводы

покоятся в костях, из которых он был сложен, и в крови, которая текла в его жилах, они разделили между собой, как мощи, обломки его костей и смочили свои сабли его кровью, обращая молитву к Аллаху, чтобы тот дал им всем сердце этого господаря.

Палачи завидовали своей жертве.

При жизни Иона-Воеводы турки, бояре и монахи питали к нему глубокую ненависть.

После его смерти враги-чужеземцы показали себя более благородными, чем враги-соотечественники.

В то время как янычары обоготворили останки вятзя, чокои, одетые в боярские кафтаны и церковные рясы, решили, что пришел момент надругаться над тем, на кого они до последнего времени боялись даже взглянуть.

Чтобы подорвать славу господаря после его смерти, они распространяли в народе злостный анекдот, что будто бы Ион-Воевода в тот момент, когда его раздирали верблюды, воскликнул: «Во многих ужасных убийствах повинен я, но до такого не додумался!»

Но кто, собственно, мог произнести эту дикую и зверскую шутку: обезглавленное туловище или голова, лишенная туловища?

Не в первый и не в последний раз беспомощная ненависть прибегла к нелепым выдумкам!

Летописец Уреке, как мы уже говорили однажды, был эхом аристократической партии.

Он не только оскверняет последние моменты жизни Иона-Воеводы, но пытается также оправдать подлое предательство пыркалаба Иеремии Голии.

Когда речь идет о продаже туркам переправы через Дунай, барин-историк с преступным простодушием заявляет: «Трудио тем, которых мало, остановить тех, которых много, слабым остановить сильных; вначале перешли вооруженные ружьями янычары и пехота, чтобы защитить корабли, а затем прибыло сюда и все остальное турецкое войско, пыркалаб Иеремиа, видя, что не может остановить их, повернул обратно...»

Когда же Уреке доходит до описания предатель-

ства пяти кавалерийских полков, он даже не упоминает имени пыркалаба Иеремии Голии, мимоходом обронив следующую туманиую и небрежную фразу: «Говорят, что в начале сражения группа молдаван перешла к туркам...»

Даже турецкие летописцы и те в большей степени оказались румынами.

После битвы при Рошканах Петр Хромой поспешил послать в Яссы каймакана оберегать для него трон Молдавии. Это был один из подлых предателей Иона-Воеводы, стольник Билэе, возведенный теперь в чин великого ворника Нижней Молдавии, вместо доблестного Думбравы.

Не только храбрецов Кагульской битвы, не только «братьев по кресту» Иона-Воеводы, которых обезоружили с помощью клятвы, и затем, нарушив ее, истребили, постигла участь обычных преступников, осужденных на смерть и лишенных возможности защищаться; не только на берегах Кагульского озера и на руинах села Рошканы лилась самая чистая кровь и пали самые благородные головы Молдавии, нет! «Татары так разграбили всю страну,— говорит молдавская хроника,— что она опустела, как никогда прежде, мирное население было застигнуто врасплох у себя в домах, и с тех пор между Прутом и Диестром оно так поредело, что до сих пор не может пополниться».

Петр Хромой, во главе языческой орды, с кошунственным безразличием наблюдал за тем, как враги христиан обагрjali его дорогу в Яссы к княжескому престолу потоками крови и сооружали ему триумфальные арки из отрубленных голов молдаван.

Смерть Иона-Воеводы послужила знаменiem для трех его министров, до конца верных зарнице национального освобождения: Винтилы-Воеводы, ворника Думбравы, епископа Исая Радоуцянского.

Бывший мунтянский господарь, изгнанный одновременно со своим братом Петром Хромым, направил теперь против Бухареста турецкую армию.

Хотя Винтила-Воевода имел при себе только

ворника Думбраву и горстку молдаван, все же сражение, разразившееся там, где теперь стоит монастырь Раду-Воеводы, было до того ожесточенным, что победитель решил увековечить его память, построив церковь на месте, где произошла битва, и учредив там же ежегодную ярмарку, проводящуюся и по сей день.

Победа, храм и новый народный праздник напоминают нам о позорных распрях среди румын!

Ворнику Думбраве удалось бежать в Трансильванию. Он рассчитывал на то, что бывший его противник по сражению при Жилиште окажется достаточно великодушным и предоставит ему убежище.

В Трансильванию был послан герой из мунтян, чтобы потребовать смерти героя из молдаван: Ивашку Голеску добился выдачи ворника Думбравы.

Какая подлость, какие времена, о господи!

Нарушая общепринятые священные правила, трансильванский бей Стефан Баторий передал мунтянскому послу ворника Думбраву, связанного по рукам и ногам.

Как только достойного товарища Иона-Воеводы доставили в Бухарест, ему отрубили голову.

Владыка Исаия Радоуцянский сразу же был снят Петром Хромым с поста епископа, и с тех пор имя этого искусного дипломата, ведшего переговоры с Польшей и Москвой, окончательно исчезает из анналов Молдавии...

В этом горестном перечне мы не можем не упомянуть доблестного Свирчевского.

Не будучи румыном, он все же заслуживает того, чтобы быть причисленным к святым: эпитет, который наш народ в древние времена давал не лицемерным аскетам, а только защитникам родины.

После Кагульской битвы Свирчевский, выдвинутый гением Иона-Воеводы, больше не появляется на арене истории; он исчезает одновременно со своим покровителем...

Другой казак, матрос Покотило, победитель в битве при Аккермане, увидев, что он сам не в состоянии помешать переправе через Дунай колос-

сального турецкого войска, покинул Галацкий порт, где он стоял в засаде, и... исчез для потомков!

Безвременно погибло тогда и нежное создание, о котором мы не упомянули ни слова в этой трагедии, разыгранной характерами либо чересчур великими, либо чересчур низменными, но только мужскими; мы оставили для него финал, полный пафоса.

Речь идет о женщине, которая так горячо любила Иона-Воеводу, что сопровождала его во всех сражениях с грудным ребенком на руках...

Только не возгордитесь, румынки; она была другой нации, белокурая, меланхоличная саксонка из Трансильвании.

В разгар последнего сражения ее охватило пророческое предчувствие, возможное только при исключительно сильной и чистой любви — будь то любовь к мужчине, к родине или к самому господу богу! «Боясь предательства среди бояр, она не разрешала Иону-Воеводе, — как говорит молдавская хроника, — оставаться в рядах кавалерии».

Попав в плен и утратив свое счастье, она была отправлена в Константинополь, где след ее растаял навеки. Уместно вспомнить при этом слова поэта Болиитиняиу:

«Как милый призрак, явленный во сне,
Скользя среди могил, ты шепчешь: я жива!...»

Ее ребенок, рожденный на поле битвы, был воспитан при гареме одного паши.

Двадцать пять лет спустя Турция, считая, что этот отпрыск славного молдавского господаря, выросший и воспитанный на чужбине, не унаследовал темперамента своих доблестных родителей, сделала его господарем Муитении.

Он правил немногим более года, не совершив ровно ничего, и только хроника запечатлела его под прозвищем «Стефана Глухого».

И действительно, он был глух к зову своего высокого происхождения, он был глух — этот презренный сын героя-отца и героини-матери, иосивший к тому же, как бы в насмешку, славное имя великого Стефана!

Иней рабства заставляет блекнуть даже самые прекрасные цветы!

От незаконной, но страстной и поэтической любви молодой иемки перейдем к прозаической же-
нитьбе Иона-Воеводы на дочери крупного боярина
Лупя Хуру.

Жена господаря со своим сыном Петром, кото-
рого народ избрал наследником молдавского пре-
стола, укрылась от опасностей войны, как уже упо-
миналось, в неприступную Хотинскую крепость,
расположенную на границе с Польшей.

Тесть господаря как человек, кровно заинтере-
сованный в спасении своей дочери и своего коро-
нованного внука, сам командовал крепостью.

Семьи наиболее видных бояр также нашли се-
бе убежище подле семьи господаря.

Когда до них дошла печальная весть о пораже-
нии у Кагульского озера, все они перешли Днестр,
захватив с собой княжескую казну; их сопровождали
двести польских шляхтичей, составивших личную
гвардию несчастной вдовы; семья господаря посели-
лась в имении польского магната, старого друга
Иона-Воеводы.

Турция несколько раз безрезультатно настаивала
на выдаче ей беглецов, в особенности жеиы гос-
подаря с сыном и имуществом Иона-Воеводы; го-
степриимный магнат, верный памяти своей дружбы,
каждый раз отклонял требования как Оттоманской
Порты, так и самого польского короля, пока, чтобы
положить конец угрозам, не женился сам на вдо-
ве молдавского героя и, таким образом, спас ее от
языческого рабства.

Княгиня Молдавии стала женой Кристофа
Струса.

Новый муж вдовы Иона-Воеводы был дорог ей не
только потому, что спас ее; он обладал еще одним
качеством, делавшим его достойным такой же-
нитьбы: его предки отличались исключительным
героизмом, и в Польше вошло в поговорку, что
каждый из Струсов обязательно погибает на поле
битвы.

Двадцать четыре члена этого семейства погибли
в сражениях с иноверцами.

Тридцать лет спустя, когда тогдашний госпо-
дарь Молдавии Арои-Воевода находился в Кон-
стантинополе, приемный сын Кристофа Струса,
наследник Иона-Воеводы, собрав небольшой от-

ряд казаков, вторгся в Молдавию, чтобы захватить родительский трон. Он княжил всего лишь два месяца. Не в состоянии противостоять армии, в сто раз превосходящей его собственную, он вернулся в Польшу, где был арестован и сослан в Мариенбургскую крепость.

Странное стечение обстоятельств: он попал как раз туда, где провел молодость его прадед и тезка, знаменитый Петр Рареш.

Так закончили свою жизнь обе жены и оба сына Иона-Воеводы.

Делая последнюю запись в этом погребальном реестре, я чувствую, как у меня дрожат руки, как будто меня, а не настоящих убийц должны мучить угрызения совести!

Вскоре после сражения у Кагульского озера один иностранец посетил Бухарест.

У входа в княжеский дворец он увидел головы двух господарей.

Одна из них была отрублена совсем недавно и сохраняла еще следы чего-то живого, подобно волне, на которой возникает тень движения, когда птица в полете задевает ее крылом.

Другая голова, скошенная уже давно и привезенная издалека, застыла в мертвой синеве и пугала своей убийственной гримасой иронии, но не обычной земной, а какой-то сверхъестественной, которую можно встретить только на картинах Караваджо с изображением мертвой головы.

Этими ужасными трофеями были голова мушкетерского господаря Винтилы-Воеводы и голова молдавского господаря Иона Лютого...

Братья при жизни, братья после смерти: удивительный символ объединения княжеств!

V

ПОСЛЕ НЕГО...

Так струны лютни, под ударом грубым
Прорвавшись, отдадут всю силу звука,—
Началу песни добрая порука;
Конца ж ее вовеки не узнают

*Мицкевич,
Конрад Валленрод*

Наступил год 1577; после трагической смерти Иона-Воеводы прошло целых три года.

Заплатив султану двойной выкуп и пролив потоки народной крови, Петр Хромой спокойно восседал на троне Молдавии среди наступившей гробовой тишины. Князя окружали бояре, считавшие его «маткой без жала», и монахи, восхищавшиеся его познаниями в астрономии и музыке.

Крестьяне голодали.

Государственная казна опустела.

Янычары, составлявшие княжескую гвардию, полновластно хозяйничали в городах и селах.

И вдруг распространилась весть, что казаки во главе с братом Иона-Воеводы готовятся перейти Днестр.

Есть имена, обладающие магической силой!

В древнем Риме достаточно было любому Коммоду или Элиогабару назвать себя Антонием, чтобы вся империя, вспоминая счастливые времена при Антонии Пие и Марке-Аврелии Антонине, с энтузиазмом приветствовали его!

Для французов главным достоинством Наполеона III было то, что он являлся племянником Наполеона I.

Можно представить себе чувства молдаван при вести о возможном прибытии брата легендарного героя-мученика Кагульской битвы!

Новым претендентом на трон Молдавии был сын армянки, матери Иона-Воеводы, но сын от другого отца, иноверца и даже не княжеской крови.

Если бояре и монахи считали позором армян-

ское происхождение Иона Воеводы по материнской линии, то тем более понятна их ~~ненависть к его бра-~~ту, который не принадлежал к дворянскому роду и был армянином как по матери, так и по отцу!

Армяне начали селиться в Молдавии еще до появления здесь легендарного Драгоша-Воеводы. Но за три столетия их небольшая колония не слилась с местным населением: они продолжали держаться обособлено по своей религии, языку, обычаям, занятиям, родственным связям.

Поэтому молдаване с глубоким презрением относились к трудолюбивым армянам, занимавшимся исключительно торговым ремеслом, называя их **з з ч н и к а м и**, а их церковь — **к а п и щ е м**.

И вот армянина, парию молдавского общества, принимали теперь с распростертыми объятиями лишь потому, что его мать была также матерью легендарного национального героя!

Карабиед Сербег — так звали его армяне — известен в молдавских летописях под названием Иона Курчавого, из-за своих выющихся волос, а в казацких грамотах — как Иван Подкова, способный разгибать своими могучими руками железные конские **подковы**.

Высокий, статный, обладавший огромной физической силой, отважный до безрассудства, этот князь, ~~достойный брат~~ Иона-Воеводы, спасаясь после Кагульской катастрофы, нашел убежище за Днестром.

Им руководили те же чувства, что и казаками: ~~ненависть к нечестивцам~~ и жажда мести.

Вскоре Подкова завоевал себе славу бесстрашного и непреклонного полководца; имя его прогремело от самых глухих уголков Московского государства до гаремов Стамбула; беспримерные подвиги Подковы в сражениях против Буджакских турок и Крымских татар сделали его грозой магометан и Роландом восточно-славянской поэзии!

Рожденный и воспитанный в Молдавии, этот брат великого молдавского господаря не признавал своего армянского происхождения по матери, но гордился румынским происхождением по отцу, на том основании, что румыном становится любой, кто чувствует по-румынски так у наших предков два наиболее известных императора, Траян и Александр Север, ~~были иноземцами, один — из Испании;~~ другой — из Сирии.

Ореол, окружавший Подкову, льстил самолюбию молдаван, которые не прочь были приписать себе доблесть славного воина, жившего последние годы за пределами родины. Издалека личные качества Подковы представляли перед ними в преувеличенном виде по сравнению с Петром Хромым, казавшимся вблизи карикатурой на господаря.

После рокового сражения при Кагуле к себе на родину бежал казачий атаман Копыцкий, сохранив в душе чувство глубокого благоговения к памяти Иона-Воеводы.

Тогда же, спасаясь от преследования Петра Хромого, перешел Днестр и бывший рóманский пыркалаб Цопа. Он купил себе небольшой участок земли на границе с Молдавией, женился на казачке и, обозревая с левого берега реки родные просторы, с горечью вздыхал о прошлом и с надеждой мечтал о будущем.

Эти двое, Копыцкий и Цопа, решили добыть Подкове княжескую корону его брата Иона-Воеводы, которая уже три года покоилась на голове бездеятельного приспешника Турецкой Порты.

Из приверженцев бывшего господаря они создали в стране сильную партию; в то же время, пустив в ход деньги и обещания, они сколотили несколько казачьих сотен. Наконец, показав Подкове ряд посланий из Молдавии, в которых его настойчиво просили занять трон брата, они убедили его не упускать благоприятный для этого момент.

Узнав о действиях опасного соперника, Петр Хромой начал собирать армию; он обратился к командующим польских воинских частей, расположенных на границах Молдавии, с просьбой не допустить нарушения со стороны казаков мирного договора между Польшей и Турецкой империей.

Подкова, Копыцкий и Цопа, имея в своем распоряжении только 300 воинов, решили отложить начатое ими дело до более благоприятного случая, они отошли от границы Молдавии и разошлись, чтобы мобилизовать более крупные силы: Копыцкий направился к крепости Бар, Цопа — в город Брацлав, а сам Подкова осел с казаками в городе Немирове.

В это время польское правительство, уступая просьбе Петра Хромого, переданной ему через ту

рецкого курьера, решило арестовать заговорщиков: три эскадрона были направлены в Немиров, чтобы схватить Подкову.

Доблестный воин имел при себе только 50 казаков-пехотинцев, вооруженных ружьями. Но в его груди билось сердце брата, Иона-Воеводы: он не испугался и, решив сразиться с поляками на их же территории, выступил с казаками навстречу вражескому отряду, превосходящему его отряд более, чем в шесть раз.

Чтобы подойти к Немирову, полякам нужно было пересечь реку. Выйдя на середину реки, вооруженные казаки преградили им дорогу.

Воинская слава Подковы и преимущество занятой им позиции испугали посланца польского короля; командир повернул назад три свои эскадрона, не сделав ни одного выстрела. Подкова спокойно вернулся к себе в Немиров.

Но ему уже нельзя было оставаться на территории Польши.

Как раз в этот момент казачий атаман Шах предложил ему свои услуги. Вместе с силами Цопы и Копыцкого Подкова мог теперь рассчитывать на тысячу опытных воинов.

Для раздумий не было времени!

Прозвучал трубный сигнал; Подкова перешел Днестр, позади осталось готовившееся к мести польское правительство, впереди была армия Петра Хромого.

Казаки начали свое нашествие на Молдавию с Сорокского уезда.

Население этого края, происходившее от смешения корейных жителей с татарами-печенегам в XIII веке и с колонистами-генуэзцами в XIV веке, отличалось большой воинственностью.

Занимая пограничные земли, они успешно защищали Молдавию от нападений то со стороны поляков, то со стороны татар; как только враг вступал на святой для них берег Днестра, сорочане мгновенно поднимались все как один и отбрасывали вражеские части, иногда преследуя их даже по ту сторону реки.

Самим казакам не раз приходилось испробовать на себе удары этих гынсаров — как называли тогда окружное ополчение, которым командовал сорокский пыркалаб

Поэтому, если бы Петр Хромой пользовался любовью или хотя бы уважением народа, Подкове с его тысячько ратников вряд ли удалось бы преодолеть воинственные берега Днестра.

Но сорочане, как и весь народ Молдавии, ненавидели и презирали своего бездарного господаря; поэтому казаки были встречены ими, как друзья, а Подкова — как освободитель.

«Там многие поклонились ему», — отмечает летописец Уреке.

На подступах к Яссам Подкову встретило войско Петра Хромого, выдвинувшего на первую линию 500 турок и приказавшего им начать бой стрельбою из пушек, а затем броситься врукопашную.

Но Подкова унаследовал искру полководческого гения своего брата Иона-Воеводы: ему удалось предугадать и разрушить планы своих противников.

Поняв мысль Петра Хромого, он приказал казакам лечь на землю и переждать, пока пушечные снаряды пролетят над их головами.

Как только замолкли вражеские пушки, казаки неожиданно начали массированный обстрел турок; триста басурман было убито.

Петр Хромой решил, что все кончено, и пустился наутек.

Победа, преследование, резня.

Молдаване даже не приняли участия в битве.

Вся перепалка произошла между пятьюстами турок из первой линии и казаками.

Как только турки были разбиты, молдавское войско Петра Хромого в полном составе перешло на сторону Подковы, которого оно с нетерпением ожидало.

Одной этой победы было достаточно, чтобы Подкова получил трон Молдавии, который Петр Хромой, пользуясь поддержкой турецко-венгерско-мунтянской армии, смог захватить три года назад только в результате гнусного предательства, после того, как в течение непрерывных трехмесячных боёв он потерпел десяток поражений. До него трон Молдавии перешел к Ионе-Воеводе от Богдана-Воеводы без малейшего кровопролития!

Эта хронология включает в себе глубокий философский смысл, над которым следует серьезно

призадуматься всем властелинам мира сего: троны легко получают и с трудом теряют те, которых желает народ; те же, которых народ не желает, получают троны с большим трудом, а теряют их с большой легкостью.

Так было, так есть, так будет всегда.

Вступив в Яссы, Подкова был помазан в господари под славным именем Иона-Воеводы.

Но его царствование оказалось до того коротким, что мы затрудняемся дать оценку административным и дипломатическим способностям этого даровитого полководца.

Прежде всего он направил послов в Константинополь, чтобы добиться от султана согласия на утверждение его господарем Молдавии.

Затем он освободил множество пленников-христиан, попавших прежде в руки басурман и брошенных в ясские тюрьмы турецким приспешником Петром Хромым.

Наконец, он назначил своих людей на руководящие посты: Цопа стал великим ворником Нижней Молдавии, Копыцкий — Хотинским пыркалабом, а Шах — гетманом.

Но прошло немного времени, и вечный скиталец Петр Хромой вернулся в Молдавию с большой армией, собранной по имперскому фирману Мурада III из мунтян, буджакских татар и турок из Добруджи. Султана Селима II уже не было: он умер от пьянства в том же году, когда Ион-Воевода погиб смертью героя.

Некоторые из молдаван, вернее горе-молдаван, подобных пыркалабу Иеремии Голия, перешли в стан вражеской армии, до того многочисленной, что ее испугался бы любой полководец, кроме Подковы.

Следуя примеру своего брата, он не стал ждать нападения врага, а, собрав всех, кто был ему верен, храбро выступил против приближавшейся к Яссам армии Петра Хромого.

Покойный Бэлческу описал битву у реки Доколина с предельной ясностью и точностью, свойственными этому бессмертному историку:

«В 1578 году Петр Хромой прибегнул к той же тактике, что и великий карфагенец Ганнибал в битве при Заме.

Не имея в своем распоряжении слонов, он приказал гнать впереди своего наступающего войска стада коров и табуны лошадей, чтобы раздавить пехоту Подковы.

Но его постигло то же несчастье, что и знаменитого победителя при Каннах; казаки не тронулись с места и, подпустив к себе поближе войска Петра Хромого, неожиданно открыли по ним губительный огонь.

Напуганные выстрелами, табуны лошадей и стада коров повернули назад и, хлынув на войско Петра Хромого, расстроили его ряды.

Используя это замешательство, казаки ударили одновременно справа и слева и легко добились победы».

Удивительно!

Петр Хромой, хорошо знавший греческий язык, прочитал Полибия как видно только для того, чтобы повторить ошибку Ганнибала и дать возможность Подкове, подобно Сципиону Старшему, одержать победу.

Настоящих полководцев создает сама природа, а не научные трактаты; подобно поэтам, и к тому же зачастую исключительно талантливым, они отличаются богатством и глубиной мысли, стройностью замысла, красотой и гармонией исполнения, динамичным финалом и исключительной способностью к импровизации.

После поражения при Даколине одна мысль о возможном воскрешении из мертвых грозного Иона-Воеводы приводила Турецкую Порту в ужас; из Стамбула были направлены новые указания мунтянам, трансильванцам, татарам и беглербею Румелии, чтобы все они послали войска в Молдавию и объединенными силами восстановили на ее троне Петра Хромого.

В характере Подковы были сильно выражены черты средневекового рыцарства: пренебрежение к материальным интересам и страсть к славе.

Он показал миру, что с горсткой казаков может завоевать княжеский трон.

Он показал миру, что с небольшой группой казаков может уничтожить любого врага.

В течение четырех лет сражений с нечестивцами он не потерпел ни одного поражения

И теперь, не желая рисковать репутацией, завоеванной его исключительной храбростью, он предпочел, после месяца княжения и после двух замечательных побед, добровольно отказаться от короны брата, теряя, таким образом, трон, но сохраняя славу.

После того как Петр Хромо́й постыдно бежал с поля битвы при Доколине, Подкова созывает боярский совет и с достоинством победителя сообщает ему, что он «не хочет больше править страной».

Он забирает захваченные им в сражении у Ясс 14 пушек, которые вполне заслуженно считал своими трофеями, и спокойно уходит за Днестр.

По иронии судьбы польское правительство поручило арестовать Подкову генералу Мелецкому, который, как говорилось выше, за пять лет до этого сделал неудачную попытку вернуть на трон Богдана-Воеводу, но был изгнан за пределы Молдавии ворником Думбравой.

Мелецкий знал Иона-Воеводу, слышал о Подкове и, потерпев однажды неудачу с одним, боялся потерпеть ее вторично с другим; имея в своем распоряжении воинские силы целого королевства против одного человека, он все же предпочел схватить его путем предательства.

Обманутый обещаниями о прощении и даже о награде за свои победы над врагами христианской веры, Подкова сдался без боя со всеми своими пушками и боеприпасами; попав в руки коварного врага, он был закован и брошен в тюрьму.

Казаки и молдаване встретили весть об этом с глубоким возмущением; особо сильное впечатление она произвела на Копыцкого и Цопу, у которых неугасимая любовь к семье Иона-Воеводы была тесно связана со смертельной ненавистью к Петру Хромо́му.

Гетман Шах и на этот раз был на их стороне.

У Подковы был младший брат Александр, как и Подкова, армянин по происхождению и патриот Молдавии по убеждениям; как и он, бежавший за Днестр; как и он, сходный по характеру с Ионом-Воеводой.

«Мы потеряли подкову, но у нас осталась подошва!» — заявили казаки, выдвигая нового пре-

тендента на трон Молдавии.

Петр Хромой, но ~~обыкновенно~~ предпочел спастись бегством, нежели встретиться с противником.

Александр-Воевода вступил в Яссы и получил корону Молдавии.

Но, как и Подкова, он не продержался у власти более одного месяца.

Не успел новый господарь создать войско, как на Молдавию напала многочисленная ~~армия~~ армия, состоявшая из турок, трансильванцев и мунтян.

Александр-Воевода с небольшим отрядом казаков заперся в княжеском дворце и решил выдержать осаду.

Для Иона-Воеводы достаточно было одного дня или одной ночи, чтобы взять такие крепости, как Бранла и Бендеры.

Петр Хромой напрасно потерял несколько дней и ночей подряд, но не захватил ни одного дома.

«Он кружил вокруг княжеского двора с самой масленицы до середины великого поста», — говорится в хронике.

Александр-Воеводе не хватало пороху, пищи, но он не сдавался.

Под прикрытием ночной темноты он вместе с казаками вышел из замка, пробрался мимо вражеских постов и бежал в направлении озера, расположенного на окраине столицы.

Здесь его настигла погоня.

После жестокой битвы молодой герой был схвачен и — о ужас! — тяжело раненный и истекающий кровью посажен на кол.

Неподалеку от поля сражения Петр Хромой воздвиг монастырь Галата, подобно тому, как его брат, господарь Мунтении, построил церковь на месте сражения с ворником Думбравой.

И церковь одного, и монастырь другого вскоре попали в руки греков, прикрывавшихся монашескими одеждами.

Вот кто пользовался румынскими междоусобицами.

В то время, как Александр-Воевода погибает в Яссах от руки турецкого палача, что происходит с грозным Подковой, которого мы оставили в тюремных казематах?

Умрет и он, сомнений нет; и умрет тоже от руки

дуренного палача так было предначертано в книге судеб всем трем братьям, которых объединяло общее происхождение, героизм и мученичество

Георгие де Валуа давно уже не правил Польшей

В год гибели Иона-Воеводы он покинул трон Польши, который ничем не заслужил, и выбрал остававшийся свободным трон Франции; но вскоре оказался не достойным и этого трона.

Вместо него, опять-таки по совету Турции, поляки избрали королем Стефана Батория, этого трансильванского бея, который посылал войска против Иона-Воеводы и выдал мунтянам ворника Думбраву.

За несколько дней до ужасной смерти Александра-Воеводы польский король получил от султана следующее письмо, которое приводим дословно:

«От победителя, не знавшего поражений, Мурад-Хана, сына Селим-Хана и внука Сулейман-Хана.

Самому прославленному из всех монархов христианского мира! Руководителю народов, верующих во Христа! Тому, кто своим удивительным благородством завоевал всеобщее признание, всеми уважаемому его величеству господину всех земель польских, королю Стефану Баторию! — жизнь которого должна по велению Аллаха получить счастливое завершение!

Как только настоящее послание попадет тебе в руки, прочти его с большим вниманием

Не так давно известный нам нарушитель общественного спокойствия стал во главе чудовищного сборища казаков из Манкертмана, Черкаска, Канева, Браилова, завоевал Молдавию и после того как ограбил ее, снова вернулся в твоё королевство.

И хотя твоему гетману удалось захватить мятежников, он не казнил их, а отправил под стражей вместе с главным виновником в различные крепости.

Узнав обо всем этом, мы уже были готовы настойчиво потребовать выдать нам живым или мертвым зачинщика этого нашествия; но как раз в это время, к нашему великому удивлению, мы узнали от законного молдавского бея и от почтенного Дауд-бея, Силистрского сенджака, что другой

негодяй, якобы брат первого, напал на Молдавию с двумя тысячами казацкой пехоты и конницы, предав ее огню и мечу и угрожая самой столице, Яссам.

Ты хорошо знаешь, что еще со времен наших славных и уважаемых предков, могилы которых по воле Аллаха да возгорятся вечным светом,— и по сей день оба наши народа, строго соблюдая мирные условия, всегда считали связывающий нас договор залогом могущества и основой расцвета обеих наших стран.

И вот теперь, когда презренный грабитель, вступивший с территории Польши во главе дикой банды разбойников и бродяг, осмеливается захватить Молдавию, входящую в число наших богом освященных владений, когда этот грабитель, совершив свои темные дела, снова возвращается в Польшу, где его не ждет наказание за преступления, не является ли все это нарушением нашего мирного договора?

Более того, твой гетман, схватив первого из этих грабителей, оставил его в покое и не переслал его живым или мертвым к нам в Счастливую Порту; не есть ли это поощрение для всех бродяг и бездельников, проживающих в Польше, которые могут подумать, что подобные грабежи и вмешательства в чужие дела не только не будут наказываться, но даже, наоборот, найдут себе поддержку и вознаграждение?

Твое безразличие и твоя мягкость являются, по сути дела, единственной причиной дерзости первого мятежника и нападения второго.

Ты должен помнить, что, получив трон Польши только благодаря нашему особому расположению к тебе, ты, в свою очередь, обещал быть безгранично преданным нашим интересам; и неужели последние события, происшедшие при твоём правлении и по твоей оплошности, являются осуществлением твоих торжественных обещаний?

Как только настоящее письмо попадет тебе в руки, твое благоразумие и чувство дружбы, которые нас связывают, должны заставить тебя немедленно отправить в нашу Счастливую Порту, живым или мертвым, мятежника, посягнувшего на трон Молдавии, который нашел себе убежище в Польше и находится, следовательно, в твоём распоряжении.

Что касается второго мятежника, то тебе следует безотлагательно пойти против него во главе своего войска, взять в плен и наказать его и всех его приспешников; но если из-за твоих врагов и твоей слабости, или по какой-либо другой причине, ты не сможешь этого сделать, то сообщи, что снова нуждаешься в помощи, и тогда мы дадим тебе многочисленную армию.

Если же предводителю этих негодяев удастся спастись от наших войск и удрать в Польшу, ты обязан будешь любым способом поймать его и выдать нам живым или мертвым.

Мы ни в коем случае не сможем простить тебе, если ты нам не выдашь живым или мертвым предводителя первого мятежа и если будешь так или иначе поддерживать второго мятежника; в этом случае мир между нами окажется несоблюденным в самых сокровенных своих основах, и война нарушит мир и счастье народов!

Итак, мы советуем тебе еще раз безотлагательно предпринять самые энергичные меры, какие только подскажет тебе твой рассудок, чтобы сохранить на благо обеих наших стран все выгоды мира и добрососедских отношений.

Написано в последние дни священного месяца Зи л'хи джи в год хнджры девятьсот восемьдесят пятый* в столичном городе Константинополе».

Это странное послание, вернее, этот высокомерный наказ, приведенный нами слово в слово, свидетельствует о полной вассальной зависимости перед Турецкой Портой, до которой дошла гордая Польша в результате тупоумия Генриха де Валуа, прислужничества и угодничества Стефана Батория.

Сама судьба, без участия польского короля, ускорила гибель Александра-Воеводы.

Но оставался еще Подкова; и это давало возможность Стефану Баторию, бывшему противнику Иона-Воеводы и ворника Думбравы, доказать теперь, после того как он стал королем Польши, свои верноподданнические чувства Мураду III, подобно тому как он, будучи трансильванским беем, доказывал их Селнму II.

* Письмо датировано по магометавскому летоисчислению. Соответствует началу марта 1578 года.

Событие, которое мы хотим описать, произошло в Леополе, древней столице Галиции, процветавшей при любой власти: русинской, польской и австрийской.

Этот город всегда поддерживал самые тесные связи с Молдавией и даже с Мунтеа-Я, выступая то их другом, то недругом.

В результате союза с Александром Добрым и Мирчей Великим Леополь пользовался в XIV и XV веках большими коммерческими привилегиями в этих княжествах, от Днестра до Северина.

Несколько позже, во время войны с Польшей, Стефан Великий огнем и мечом пробивался к стенам этого города, с небывалой жестокостью опустошив все окружающие села и даже предместья. Имеются сведения, правда, не слишком верные, что при разграблении замка одного галицийского магната там была найдена древняя молдавская летопись, которая известна теперь под названием «Хроника Хуру».

Следуя примеру своего отца, Богдан Кривой также штурмовал с многочисленной армией стены Леополя и вернулся из похода с большими трофеями.

Будучи самым древним и единственным польским городом, где имелись склады молдавских товаров, он стал постепенно заселяться торговцами из Молдавии. При помощи господаря Александра Лэпушняна, самого набожного из всех тиранов, эти торговцы основали здесь, в середине XVI века, красивую православную церковь, известную до настоящего времени под названием «молдавская церковь».

В 1578 году Леополь проездом посетил итальянец Филипп Талдучи из Флоренции.

Он оставил в рукописи краткое повествование, хранящееся до настоящего времени в Медицинском архиве. Ниже приводим его перевод, сделанный слово в слово, подобно тому, как на суде фиксируются без всяких поправок показания свидетелей.

«Уезжая из Варшавы, король приказал заключить бывшего молдавского господаря Подкову в замок Рава в провинции Мазовия и установить за ним строжайший надзор.

Затем он распорядился перевести его в Леополь,

куда приехал турецкий курьер с тайным поручением добиться головы Подковы.

С той же целью прибыл в Польшу и посланец Петра Хромого, привезя с собой в подарок королю 50 волов, 4 бочонка первоклассного вина, 3 бочки мелких засоленных лимонов и красного жеребца.

В понедельник утром 16-го июня король под предлогом охоты на два дня покинул город, приказав перед отъездом держать в состоянии боевой готовности всю полицию и королевскую гвардию и закрыть все городские ворота.

Турецкому курьеру также посоветовали покинуть Леополь, чтобы спастись от грозившей ему опасности, а также чтобы скрыть от народа позор вассальной зависимости польского правительства от Турции.

Все эти меры были приняты ввиду необычайного стечения вооруженных людей, прибывших в Леополь якобы для чествования короля, но на самом деле, как ходили слухи, в первую очередь для того, чтобы заступиться за Подкову.

После отъезда короля из города, во исполнение его приказа, пленный господарь был доставлен к полудню на центральную площадь. Узнав о вынесенном ему смертном приговоре, Подкова попросил, чтобы ему разрешили самому пойти на место казни. Это последнее желание осужденного было исполнено.

Площадь гудела от возгласов людей и боя барабанов.

Подкова два раза прошелся перед толпой, поглаживая бороду и без малейшего страха разглядывая собравшихся; потом попросил, чтобы народ выслушал его последнее слово. Когда наступила тишина, он обратился к присутствующим на польском языке:

«Господа ляхи! Иду на смерть, не зная за что; никак не могу понять, чем я заслужил такой конец».

Знаю одно, что я всегда храбро и решительно воевал против врагов христианства, защищая интересы родины и не пуская нечестивцев вторгаться в ее пределы со стороны Дуная.

Господу богу хорошо известно, почему мне это не удалось; виноват в этом предатель, обманом до-

ведший меня до теперешнего состояния.

Но бог справедлив! и продажная собака получит заслуженное наказание за мою невинную кровь.

Вот все, что я знаю; знаю я также, что должен теперь умереть от руки палача-христианина, слепо выполняющего приказ вашего короля, который, в свою очередь, выполняет приказ своего турецкого господина, проклятого язычника!

Меня мало волнует моя смерть, но имейте в виду, что пройдет немного времени и вас постигнет та же участь: достаточно будет проклятому нечестивцу захотеть этого, и ваши головы со всем вашим состоянием, как и головы и состояние ваших королей, будут отправлены в Царьград!»

Мы считаем уместным сделать по этому поводу короткое отступление.

Последние слова, сказанные Подковой с большим воодушевлением, оказались не только пророчеством, но и явствовало о его особом даре ясно-видения; почти тогда же, когда он произносил их, польский дворянин, личный друг Стефана Батория, посланный им в Турцию для покупки племенных лошадей, был убит по приказу султана, а все имевшиеся при нем деньги были сданы в турецкую казну.

Узнав об этом бесстыдном нарушении международного права, о начале осуществления предсказания Подковы, Польша пришла в ярость... но промолчала.

Вернемся к рассказу Талдучи:

«Затем, после краткой паузы, показывая на восьмерых казаков, которые следовали за ним, Подкова сказал:

«Эти служивые люди — мои товарищи, такие же вояки, как и я, люди честные и достойные, имеют большие заслуги перед нашим королевством, поэтому прошу после моей смерти не только не преследовать их, а наоборот, отплатить им как подобает за их доблесть».

Подумав немного, он добавил, показывая на палача:

«А этому лишенному совести человеку, недостойному прикасаться ко мне, пока я еще жив, не разрешайте осквернять мое тело своим прикосновением после моей смерти. Разрешите, чтобы меня похоронили мои люди, которые следовали за мной

до сих пор, чтобы сослужить мне эту последнюю службу».

Подкова смолк.

Вся толпа плакала; горше всех плакали воины, во множестве прибывшие в Леополь на помощь Подкове. Но польское правительство заранее приняло необходимые меры и помешало им.

Их лица выражали глубокое страдание.

Говорят, что кто-то из толпы по просьбе Подковы поднес ему большой кубок вина.

Господарь поблагодарил его, взял кубок, выпил его залпом и, глядя человеку прямо в глаза, сказал, как того требовал обычай, что пьет за его здоровье и за здоровье всех его товарищей.

Затем Подкова еще два раза прошелся вдоль площади и, увидев в последний момент охапку соломы, на которую ему предстояло склонить колени, воскликнул с возмущением:

«О, господи! неужели я не достоин преклонить колени ни на что, лучше соломы!»

И, обращаясь к своим людям, сказал:

«Принесите ковер, который остался в моих вещах».

Когда ковер был постелен, Подкова с достоинством опустился на колени, прочел молитву, перекрестился по-православному и закрыл глаза, в ожидании смертного удара; но видя, что палач не трогается с места, он обернулся к нему с вопросом:

«Чего ты ждешь?»

«Господни! нужно отвернуть ворот, чтобы он мне не мешал».

«Хорошо», — сказал князь.

Он сам отвернул ворот рубахи, воззвал к имени господа и, приказав палачу не мешкать больше, отдал богу душу в полном сознании и спокойствии.

Представитель власти, желая показать толпе, что все уже кончено, трижды поднял вверх отсеченную голову героя.

Ропот боли и негодования прошел по толпе.

Возмущение было настолько сильным, что королевская гвардия, боясь мятежа, направила против народа ружья...

За 14 лет двух молдавских господарей казнили в Леополе.

В 1564 году здесь по приказу польского короля

Сигизмунда-Августа был обезглавлен бежавший от Александра Лэпушняну Стефан-Воевода Томша; его завешание и лоскуток от его бархатного княжеского кафтана по сей день хранятся в столице Галиции.

Но между Стефаном Томшей и Подковой, между Сигизмундом-Августом и Баторием, между 1564 и 1578 годом — огромная разница.

Во время своего правления, длившегося всего лишь несколько месяцев, Стефан Томша не упускал случая доказать свою глубокую симпатию к Польше. В своих причудах он доходил до того, что заставлял своих стражников топить в реке купцов из Галиции, случайно попадавших в Сучаву. Понятно, что, отсекая голову этому заядлому врагу всего польского, Сигизмунд-Август совершил акт национальной мести.

Но было ли у Батория хотя бы малейшее оправдание на убийство Подковы?

Католическим архиепископом в Леополе в то время, или лет пять спустя, был учёный Салниковский, оставивший очень интересное повествование о современных ему событиях.

Будучи открытым врагом всех православных народов, а следовательно и всех румынов, он не побоялся все же высказать во всеуслышание глубокое возмущение убийством Подковы.

«Почти все жители города, — пишет он, — оплакивали гибель этого отважного молдаванина; польский же король много потерял в глазах других народов...»

Подобное свидетельство представляет особую ценность.

Гроб с телом Подковы, украшенный венками роз, был погребен в православной церкви.

Что стало с Копыцким, не известно до сих пор; Цопа только 15 лет спустя решился вернуться в Молдавию; Шах ушел в монахи и умер в монастыре.

Петр Хромой, после небольшого перерыва, продолжал свое сонное правление в Молдавии до 1591 года.

В это время в Константинополе подросток младший брат ~~Виттих~~, делившего в горе и радости судьбу Иона-Воеводы; это был знаменитый Михай, известный ~~вначале~~ под именем «Великого бана» и ставший затем легендарным господарем Михаем Храбрым.

Как сын Петричейки Доброго и брат несчастного Винтилы-Воеводы, этот княжеский отпрыск от всей души ненавидел семейство Петра Хромого и предлагал все усилia, чтобы скомпрометировать его в глазах турок, пока не добился того, что на трон Молдавии был возведен другой господарь.

Последовал ли Петр Хромой примеру своего предшественника, бессмертного Иона-Воеводы, когда султан поставил и его в то же положение? Призвал ли он к оружию всех сынов родины? Возглавил ли он их ряды? Поспешил ли защитить своей грудью границы Молдавии? Прославил ли себя необычайными победами и стал ли грозой для врагов? Нет, он сложил вещи и удрал в Германию!

Малодушный и ограниченный, рожденный не для того, чтобы блистать, а для того, чтобы слепо подчиняться,— сегодня туркам, а завтра иезуитам, которых он первый хотел привлечь в Молдавию,— этот раболепствующий князь вскоре умер в изгнании по дороге в Рим, куда, приняв католическую веру, направлялся на поклонение папе.

На этом заходит век Иона Лютого и восходит век Михая Храброго; две эпохи торжества нации, столь родственные, что древние историки, описывая одну из них, считали своим долгом описать и другую.

ЭПИЛОГ

Запоздалый путник, ложась спать
в степи,

Счастлив, если может склонить
голову на цветок...

Болитиняну

В румынских летописях Иону-Воеводе уделялось мало внимания; период его правления был пробелом и во всемирной истории.

Речь идет не о первом периоде его жизни, совсем не известном или ошибочно представленном Энгелем, Вольфом, Шинкаем, Фотино, Вайяном, Лаурианом и многими другими, считавшими, что достаточно одной-двух страниц, чтобы дать оценку человеку, которого не в состоянии была оценить целая нация; мы считали необходимым сосредоточить внимание на других сторонах жизни Иона-Воеводы, благодаря которым его личная судьба сливается с судьбой всех соотечественников и получает мировое звучание.

Его деятельность как господаря Молдавии оценивалась до сих пор по наполненным ядом свидетельствам его врагов: бояр, фарисеев или иноземцев.

Точно так же один из величайших императоров Римской империи в период ее упадка, Юлиан Отступник, оставался очерненным в течение многих столетий, пока, наконец, не появились Бейль и Вольтер, которые вернули Цезарю то, что полагалось Цезарю.

Заслуги Иона-Воеводы как полководца умышленно принижались поляками, которые выступали то его беспомощными противниками, то его вероломными союзниками, пытаясь и в том и в другом случае приписать себе, если не полностью, то в значительной мере, его славу и не в меру кичась заимствованными павлиньими перьями.

Разве венгры не приписывали себе, к удивлению всей Европы, самые замечательные и законные победы господарей Мирчи, Цепеша, Стефана и Михая?

Такая судьба постигла, увы, всех героев Румынии.

Только настоящий демократ может понять заслуги Иона-Воеводы как администратора, реформы которого предвосхитили учение Сен-Симона:

«Не допускайте, чтобы бедняки, отдавая последнее, увеличивали излишества богатых;

не допускайте, чтобы крупные мошенники становились судьями мелким проступкам;

не допускайте, чтобы невежество, суеверие, лень и разврат, рождаемые в великосветских салонах, попирали бы мораль и таланты, выходящие из темноты хижин».

Только настоящий солдат может разобраться в войнах Иона-Воеводы, о которых рассказывали до сих пор всякие небылицы, но в которых истинные знатоки военного искусства с удивлением находят изумительное разнообразие тактических приемов, сплоченных каждый раз единым замыслом.

Правда, как господарь, Ион-Воевода прибегал иногда к весьма крутым мерам; но разве Мирча, Стефан и Михай были милосерднее? Разве весь шестнадцатый век не был одним из самых суровых столетий во всех странах мира, в Испании, Франции, Англии? Ведь даже главы церкви, даже проповедники мира во Христе, даже Лютер и папа Пий V кричали тогда в неистовстве: «убивайте, убивайте не переставая!»

Правда, как полководец, Ион-Воевода после замечательных побед потерпел поражение; но вспомните слова Фридриха: «Ни один военный гений не сможет устоять против предательства»; вспомните гибель Цезаря, Генриха IV, Густава Адольфа и даже гибель Михая; вспомните Ватерлоо!

Не всегда успех является уделом великих людей; очень часто великими бывают несчастливцы; умирая, они оставляют после себя посев, урожай которого, заложенный с таким трудом, пожинают очень посредственные наследники.

Мирча правил почти 40 лет.

Стефан — столько же.

Михай также, с грехом пополам, растянул свое славное правление до девяти лет.

Мирча, Стефан, Михай, имея могущественных врагов, имели все же и сильных друзей, королей и императоров.

Поищите со свечой, как Дноген, и не только в Румынии, но и во всей мировой истории, хотя бы одного правителя, который со столь малыми средствами

всего лишь за двадцать восемь месяцев добился бы в мирное время и во время войны более внушительных административных реформ и побед на поле брани, чем Иои-Воевода.

Любое историческое событие есть урок для определенного момента в будущем, подобно тому, как в стихотворении Гейне кедр Ливана связал своими мыслями с далекой сосной из лесов Скандинавии.

В наши дни особенно знаменателен урок Иои-Воеводы: мы слабы и неорганизованны, у нас нет друзей, враги же окружают нас, угрожают нам, давят нас со всех сторон.

Но следует ли нам впадать в отчаяние? Если у нас не найдется пыркалаба Иереми Голия, не найдется таких ворников, как Бэлае и Мургу, не найдется гетмана, похожего на Славилэ, не найдется черной стаи жадных предателей, тогда при новом Иои-Воеводе, нам понадобится два, всего лишь два года, чтобы превратить нашу дорогую малую страну в рай, охраняемый сонмом ангелов с огненными мечами.

Кто хочет по-настоящему, тот в короткий срок и из ничего может сотворить многое и великое.

ПРИМЕЧАНИЯ

- I. Происхождение Иона-Воеводы
- II. Ион-Воевода в Люблине
- III. Ион-Воевода в 1564—1565 гг.
- IV. К главе I
- V. Важный документ
- VI. Портрет Иона-Воеводы
- VII. Военная история Иона-Воеводы, по Папроцкому
- VIII. Ионашку Збисери, Иосиф Веверицэ,
Лупя Хуру
- IX. Летописец Уреке
- X. Винтила-Воевода
- XI. Неизвестная история Иона-Воеводы
- XII. Перенесение столицы из Сучавы в Яссы

I. Происхождение Иона-Воеводы

Энгель пишет: «Кем же был этот Ивония? Сам он выдавал себя за незаконнорожденного сына Воеводы Стефана. По распространенной в Польше легенде, он был видным поляком из Мазовии. Молдавский летописец Уреке называет его армянином. Фредро считает его выходцем из Галиции».

Высказывание Энгеля охватывает все существующие мнения о происхождении Иона-Воеводы: 1. внебрачный сын некоего Стефана-Воеводы; 2. поляк из Мазовии; 3. поляк из Галиции; 4. армянин.

Проанализируем все эти четыре предположения.

Все исследователи: Форгач, Горецкий, Ласицкий, Папроцкий, Де Ту, Бельский, Иштванфи, Уреке и др., признают, что молдаване сделали господарем Иона-Воеводу по той причине, что его предшественник Богдан очень любил поляков, которых наши предки не могли выносить.

Можно ли, следовательно, предположить, что, изгнав одного полякофила, молдаване могли бы обратиться к другому, да еще поляку по происхождению?

Посмотрим все же, откуда исходит это абсурдное утверждение.

1. О том, что Ион-Воевода был поляком из Мазовии.

Всё, абсолютно всё, что было сказано в этом смысле, исходит из следующих слов Горецкого, который сам признает, что не верит в их достоверность: «Ивония, которого некоторые считают поляком, рожденным в Мазовии, был родом молдаванин».

Очень слабое основание, чтобы ополячить нашего героя! Но откуда все же исходит это мнение, как таковое? Его источник мы находим у Ласицкого, когда он утверждает, что в 1561 году Ион-Воевода находился в Люблине при магнате Ионе Фирлее. Город Люблин расположен в Мазовии; вот отсюда

и родились смехотворные толки о мнимой родине Иона-Воеводы, как будто становится турком тот, кто живет в Константинополе, или немцем тот, кто живет в Вене.

2. О том, что Ион-Воевода был поляком из Галиции, говорит только Фредро, неправильно истолковывая одно из высказываний Бельского, где польский летописец называет Покутье *вотчиной* — но отнюдь не *отчиной* (*patrie*) — Иона-Воеводы. Покутия входила в состав Галиции; вот откуда исходят смехотворные толки о его галицийском происхождении.

Обе эти сказки воспринимались некоторыми за истину еще и по той причине, что Ион-Воевода говорил по-польски, как настоящий поляк; но он говорил и по-турецки, как настоящий турок...

Следовательно, польское происхождение нашего князя, будь оно мазовецким или галицийским, — это слепость, лишенная каких-либо оснований; подобные фантазии не заслуживают права фигурировать в истории; несмотря на это, такого мнения придерживаются Мирон Кости, Вольф, Шинкай, Палаузов и др.

Остаются еще два утверждения: 1. Ион-Воевода был внебрачным сыном некоего Стефана-Воеводы; 2. он был армянином.

Молдавское происхождение Иона-Воеводы подтверждают турецкие летописи у Миньо и у Рико, Иштванфи, казацкие летописи, Форгач, Булеингер, Горецкий и др.; Ласицкий и Ловенклавий добавляют к этому, что он был внебрачным сыном Стефана-Воеводы; так величал он себя во всех своих посланиях и приказах; таковым признавали его и все молдаване, когда призывали его на престол, что имеет особый вес.

Но внебрачным сыном какого именно Стефана он был? Со времени Стефана Великого и до 1564 года в Молдавии известны четыре князя с этим именем: 1. Стефан Младой, сын Богдана Кривого; 2. Стефан Саранча, сын Александра-Воеводы; 3. Стефан, сын Петра Рареша; 4. Стефан Томша.

Кто же из них был отцом Иона-Воеводы? До сих пор историки не сумели высказать свое суждение по этому вопросу; я сам, четыре года тому назад, в одной статье, написанной вкратце и больше по па-

мяти для газеты «Румынская трибуна», ошибся, назвав его внебрачным сыном Стефана Рареша.

Недавно мне удалось найти в Государственном архиве в «Молдавской кондике» № 1015, с. 132—134, следующий документ монастыря Голия от 6 марта 1573 года:

«Милостью божію Іон Воевода, сын Стефана Воеводы, господарь Земли Молдавской. Оже прийдоша пред нами и пред нашими молдавскими боярами Софійка дочка Юрія, и внуки ея Іон Цогое и брат его Алекса, и сестры их Аннушка и Федя и Настя дети Марины, и племянники их Ілья сын Кобаку тож внук Юрій... и просили от нас себе урик на их правую отчину деднину и дание, что был дал дед их Юрій от деда нашего Богдана Воеводы на одно место от пустыни на Великом Чулуке, что сее теперь именуется село Кобичаны; и привилегию, что имел дед их Юрій на дание от Богдана Воеводы того вышеписанного села по имени Кобичаны у Великого Чулука, он закопал в землю коли пришли татары в Землю с Александром Воеводой, и та погнила там... мы и с нашими боярами искахом и обретехом с нашими душами что есть им правая отчина и деднина.. и дадохом им и утвердихом им нашим знаменитым листом, како да есть им и от нас урик яко и прежде со всем доходом, им и детям их и внучатам и правнучатам и пражчорятам и всему роду их, что сие изберет им наближнее, непорашено, николи на веки; а хотар того предреченного села по имени Кобичаны да есть со всех сторон по старому хотару, покуда из века проживали; а на то есть вера господарства вышеписанного Иона Воеводы, сына Стефана Воеводы, вера превозлюбленного сына господарства нашего Петра Воеводы, вера бояр наших: вера пана Думбравы дворника Долней Земли, вера пана Пакуария дворника Горней Земли, вера пана Козьмы Мургу, вера пана Иона Карагюзе и пана Лупе Хуру пыркалабов Хотинских, вера пана Максима и пана Ромашку пыркалабов Нямцских, вера пана Тоадера... пыркалаба Ромаиского, вера пана Гирле портара Сучавского, вера пана Криту и пана Данчула пыркалабов Орхеевских, вера пана Малая... вера пана Григория спатаря, вера пана Яни..., вера пана Бучума чашника, вера пана Билэе стольника, вера пана Некоары коми-

са, вера всех бояр наших великих и малых; а по нашим животье кто будет господарем из детей наших или от нашего рода или как изберут господарем нашей Молдавской Земли, тот будет за нашего даяния и подтверждения, чтобы дал и укрепил заново и дал и подтвердил: есть им право деднино; а на большую крепость и подтверждение тому всему вышеписанному, велел нашему верному и почтенному боярину пану Иону Голие логофету писать, что та вышеписанная печать от деда нашего Богдана Воеводы, привесить нашу печать к сему истинному листу нашему. Писал Крестя Михайлескул».

Как видите, в этом ценном документе Ион-Воевода дважды со всей ясностью называет себя «сыном Стефана-Воеводы, сына Богдана-Воеводы», то есть сыном Стефана Младого, и, следовательно, правнуком Стефана Великого.

Почему же летописец Уреке называет его «армянином»? И не только летописец Уреке, но также и другой его современник, француз Ланге, дипломат, очень хорошо информированный о событиях в Молдавии? Как совместить эти два столь авторитетных свидетельства с фактом княжеского происхождения Иона-Воеводы?

Думаю, что мне удалось найти ключ к этой загадке.

Сожительница Стефана Младого, которая родила вне брака нашего героя, имела и законного мужа; у них было два сына: Подкова и Александр, два родных брата, которых историки того времени Бельский, Пашковский и др. называют братьями Иона-Воеводы только по матери.

В казацкой национальной поэзии самый знаменитый из этих двух братьев, храбрец Подкова, называется Серпегой, то есть именем не славянским, не татарским, не румынским, а чисто армянским, в котором наиболее характерным является гортанное окончание ег или аг, часто встречающееся в армянских названиях: Какег, Арменаг, Арпег, Хаванаг, Вашдаг, Хайгаг, Ампег, Архнег, Корхег, Ендсаг, Келаг, Пацуг, Хусег, Фарнаг, Горнхаг, Нерсех, Зарех, Санадруг, Сахаг, Васаг и др. Подобные имена встречаются на каждом шагу в «Армянской истории» Серпоса, само имя которого яснее, чем что-либо другое, доказывает армянское происхождение фамилии *Серпега*.

Следовательно, ясно и несомненно, что мать Иона-Воеводы была армянкой.

Прочтите теперь для проверки то, что пишется о внешности этого князя, изучите и его портрет; ибо в истории превыше всего необходима согласованность доводов.

II. Ион-Воевода в Люблине

У Ласицкого мы встречаем следующую фразу: «Ivonía... anno salutiferi partus 1561, rege Sigismunde Auguste comitia Lublini agente, Iohannis Firlei... minister fuit».

Папиу переводит так: «Ион... в 1561 году от Рождества, когда король Сигизмунд Август праздновал комиции в Люблине, был *слугой* Иона Фирлея...»

Следовательно, для Папиу «minister» значит «слуга». Энгель в том же духе переводит это слово, как «Diener». Но могущественный Ласский и, в особенности, знаменитый князь Константин Острогский, «самый богатый и самый могущественный принц Королевства», могли ли они, цвет Польши, стать личными друзьями бывшего польского слуги?

А Богдан-Воевода, изгнанный из Молдавии, разве не упустил бы случая заметить своему счастливому сопернику, что он был простым чокоем, прежде чем претендовать на княжество?

Ясно, что minister Ласицкого не означает ни *слугу* Папиу, ни Diener Энгеля; их ошибка объясняется незнанием организации польских боярских дворов в XVI веке.

Каждый из этих дворов состоял из юношей самых благородных семейств, которые или обеднели, или искали поддержки у влиятельных патронов, которые и сами иногда начинали карьеру таким же образом. Они были «подопечными», а не «слугами», не Diener...

В отношении этой особой национальной организации польских дворов польским историком Голэмбёвским написана отдельная книга, без которой трудно понять истинное положение Иона-Воеводы при магнате Фирлее.

III. Ион-Воевода в 1564—1565 г.

До сих пор было известно только то, что Ион-Воевода переехал из Польши в Турцию, а отсюда на остров Родос: о переезде из Польши в Турцию говорят почти все авторы, о переезде на остров Родос — только летописец Уреке.

Дипломатические документы французского посольства в Константинополе, опубликованные Шаррьером по официальным рукописям, по-новому освещают жизнь Иона-Воеводы в этот период; приводим соответствующие выдержки.

1. 29 июля 1564 года агент Петремол сообщает из Константинополя: «Ходят слухи о том, что брат Томши, год тому назад захватившего Молдавию, готовится с армией в семь или восемь тысяч человек, с помощью и под покровительством Максимилиана, короля румын, вступить в упомянутую Молдавию и отомстить за смерть своего брата...»

2. 23 января 1565 года он снова пишет: «Молдаване жалуются на императора (Максимилиана) за то, что брат некоего Думитрашко, год тому назад казненного в этом городе, под его покровительством готов силой оружия захватить Молдавию и свергнуть Александра, которого Великий Господин посадил на трон после бегства и смерти Томши...»

3. В другом письме от 7 апреля 1565 года говорится: «Курьеры, прибывшие с новостями из Буды, привезли с собою брата Деспота, правившего ранее Молдавией, но покинувшего трон и бежавшего от войск Максимилиана, и постарались создать ему благоприятные условия для пребывания здесь, в ожидании, что ему удастся ознакомить Великого Господина со своим делом...»

4. И наконец, в письме от 23 мая 1565 года: «Брат Деспота был отправлен Великим Господином под стражей на остров Родос всего лишь с двенадцатью аспрами, моиетами этой страны, что означает десять или одиннадцать французских су; не оправдались надежды несчастного, который думал, что Великий Господин озолотит его, передаст ему трон Молдавии и выгонит Александра...»

Ясно, что Петремол во всех четырех письмах говорит об одном и том же человеке, хотя называет его то братом Томши, то — Вишневецкого, то — Деспота.

Томша был молдаванином, Вишневецкий — поляком, Деспот — сербом; Томша убил Деспота и отослал Вишневецкого на гибель в Константинополь... можете себе представить, какую генеалогическую галиматью разводит французский дипломат, делая одного и того же человека родным братом трех до того различных персонажей!

Тому, что речь идет именно о Ионе-Воеводе, служат следующие доказательства:

1. Хронология, на основании которой можно восстановить следующую последовательность событий: в 1561 году Ион-Воевода находится в Мазовии; в 1562 переезжает в Крым; в 1563 возвращается в Польшу; в 1564 появляется в Австрии; в 1565 бежит в Константинополь, откуда его ссылают на остров Родос.

2. Обстоятельство ссылки на Родос, о котором одинаково говорят Петремол и Уреке и которое, судя по дате, совпадает с биографией только Иона-Воеводы, так как турки, из политических соображений, никогда не ссылали в одно и то же место сразу двух молдавских князей, естественно, соперников.

3. У Деспота не было братьев, как утверждает он сам в своей генеалогии, опубликованной Соммером; у Вишневецкого также не было братьев, как пишет Несецкий; если Томша имел бы брата, то он вместе с ним бежал бы в Польшу от Александра Лэпушняну, но этого не было.

IV. К главе I, § 12.

Фотино пишет: «Историк Гуанини в Хронологии Польши, книга XXI, уверяет, что Ион-Воевода родом поляк и что он даже служил у Краковского воеводы. Зная много языков, он был направлен в Константинополь переводчиком при польском поселе. Пробыв там долгое время, он постепенно завоевал симпатию влиятельных лиц и стал даже главным переводчиком Оттоманской Порты. Но будучи интриганом и вмешиваясь в дела, касающиеся Молдавии, он был сослан на остров Родос...»

Все это — цепь небылиц.

1. Нам хорошо известны труды Гуанини, в них нельзя найти ничего похожего на вышеупомянутое,

но имеются как раз противоположные утверждения, а именно: «Все, что я пишу об Ионе-Воеводе,— говорит Гуанини,— я заимствовал из других летописей, так как в то время я находился далеко от рубежей Молдавии, на самой границе Московского княжества, состоя в течение 18 лет на службе в Витебском гарнизоне».

2. Все главные переводчики Оттоманской Порты в период 1560—1572 гг. хорошо известны из работ Гаммера; об Ионе-Воеводе там не упоминается, не имеется ни малейшего намека на это и в других работах.

Откуда же появились эти странные утверждения у Фотино?

Во всяком случае не из Гуанини.

У Кантемира мы встречаем нечто еще более странное: он смешивает Иона-Воеводу с Деспотом, цитируя, вместо того, чтобы исправить, соответствующее место в «Турко-Греции» Круциуса, как мы уже писали об этом в другой нашей работе.

Не вызывает никакого сомнения, что Ион-Воевода знал несколько языков: выросший среди армян, он говорил по-турецки и, возможно, по-татарски; в Польше он научился по-польски и, общаясь с аристократами Фирлеем, Ласским, Острогским, конечно, должен был разбираться и в латыни... Но несмотря на все это, он не был никогда главным переводчиком при Оттоманской Порте, как хотелось бы Фотино, ни учеником Ласкариса, как уверяют Круциус и Кантемир.

Итак, придерживаясь нашей системы, мы старались не допускать никаких неточностей, ограничиваясь лишь фактами, не вызывающими даже малейших подозрений: так, например, что наш герой торговал в Константинополе драгоценными камнями и стал магометанином.

Возможно, он и состоял на государственной службе; но мы этого не знаем.

V. Важный документ

Среди документов, хранящихся в монастыре Голия в Яссах, находится оригинал следующей грамоты, которая была напечатана в «Записках Одесского

общества истории и древностей», но с некоторыми непростительными ошибками, например: «10 мая» вместо «10 марта» и др. Более точная ее копия включена в «Молдавскую кондику» № 1015 из Государственного архива:

«Милостью божію Іон Воевода, сын Стефана Воеводы, господарь Земли Молдавской. Оже тот истинный наш верный и почтенный боярин пан Іон Голия, великий логофет, и слуга наш верный Еремия пыркалаб и жена его Тудора, дали и подтвердили им от нас в нашей Земле Молдавской два места пустые, один на Нистру, где сие именуется Оксентия между Маловатою и между Мокшею и с местом на четыре млыни от той стороны Нистра у потока Устья Ягорлыка, где впадает в Нистру, а другое место у конца пещер повыше Старого Орgeeва, где впадает дорога Старого Орgeeва в Реут у брода повыше Кишинева, под стенку по ту сторону Реута к Нистру и с двумя млынями у Реута; яко да усадят соби там два села, почто они соби купили от самого господарства моего и дали нам восемь коней добрых и чetyреста злот татарских, пинязи готовых в нашем вистнаре; и дадохом им и утвердихом с сим нашим знаменитым листом, како да есть им от нас урик и отчина и выкупление со всем доходом, им и детям их и виучатам и правнучатам и пражчорятam и всему роду их, что сие изберет им наближнее, непорушено николи на веки; а хотар тем вышеписанным двум местам пустым по имени Оксентия между Маловатою и между Мокшею и с местом на четыре млыни от той стороны Нистра у Устья Ягорлыка, где впадает в Нистру; и другое место у конца пещер повыше Старого Орgeeва, где впадает дорога Старого Орgeeва в Реут у брода повыше Кишинева, под стенку по ту сторону Реута, да есть к Нистру абы сий досягал хотар обоих местов, и да есть елико может оживать два села досыта. А на то есть вера нашего господарства Иона Воеводы, сына Стефана Воеводы, и вера превозлюбленного сына господарства нашего Петра Воеводы, и вера всех бояр наших молдавских: вера пана Козьмы Мургу, вера пана Лупе Хуру пыркалаба Хотинского, вера пана Тоадера пыркалаба Нямцского, вера пана Карагюзе пыркалаба Новоградского, вера пана Еремия портара Сучавского, вера пана Данчула пыркалаба Орgeeвского, вера

пана Малая Петра постельника, вера пана Глигория спатаря, вера пана Яни вистерника, вера пана Бучума чашника, вера пана Билэе стольника, вера пана Некоары комиса, и вера всех бояр наших молдавских великих и малых; а по нашем животьє кто будет господарем от нашего роду или как кого Бог изберет господарем быти нашей Молдавской Земли, тот бы им непорушил» и т. д. «Писал Кристя Михайлескул в Яссах летом 7082 года месяца марта 10 дня. Я Иои Воевода и сын наш Петру».

Этот документ, данный уже после объявления войны и только за две недели до начала сражений, разъясняет следующие интересные вопросы из истории Иона-Воеводы:

1. Предатель пыркалаб Иеремия, известный до сих пор только под прозвищем Чернэуцянул, по названию области, где, кажется, его род сохраняется до сих пор среди мошнянов, был младшим братом великого логофета Иона Голия, следовательно, его настоящее имя — Иеремия Голия. Это открытие приводит нас и к другому, а именно, что Ион-Воевода сделал много хорошего не только для Иеремии, но и для его брата, которого назначил великим логофетом, первым сановником в стране; но и этот, в свою очередь, предал его, перейдя на сторону Петра Хромого.

2. Накануне сражения с турками страна признала, что сын Иона-Воеводы не только является его наследником, но уже сейчас восседает рядом с ним на престоле: «Я Ион-Воевода и сын мой Петру» — такого никогда не бывало в грамотах других господарей и даже в предыдущих грамотах самого Иона-Воеводы, в которых имя княжеского сына фигурирует лишь среди «свидетелей» перед списком бояр.

3. Наконец этот документ показывает также состав княжеского совета в решающий момент.

VI. Портрет Иона-Воеводы

Первый известный нам портрет Иона-Воеводы был найден и куплен мною в 1862 году за 25 флоринов в Лемберге у букиниста Игеля старшего, среди многих других старинных рисунков; изображение этого князя на медной монете было до того стертым

на всех опубликованных до сих пор экземплярах, что его могла дополнить только чистая фантазия издателей, что и подтверждается разницей между факсимиле, выполненным Сзулеску, и другим, выпущенным Папиу, между которыми нет никакого сходства.

Портрет Иона-Воеводы исполнен гуашью на листе пергамента длиной 15 и шириной 11 сантиметров; костюм и перья на шапке голубые, плащ красный. По мнению известного нашего художника К. Стэнческу, это, по всей вероятности, копия, снятая примерно в 1800 году с оригинала, написанного с натуры. Дата установлена на основании того факта, что синий цвет перьев и костюма, а также белый цвет горносталя совершенно не пожелтели, что не могло не произойти у более старой картины. Что это копия рисунка с натуры, доказывает сама манера изображения, в которой не чувствуется никакой искусственности.

Но является ли в действительности этот портрет портретом Иона-Воеводы, а не кого-нибудь другого? Отвечаем следующими аргументами: 1. Надпись *Ио. В.*, выполненная с краю золотыми буквами, и которую можно прочесть как *Ион Воевода*; 2. Соответствующий эпохе костюм, если судить по его сходству с одеянием Александру Лэпушняна на портрете, хранящемся в монастыре Слатина; 3. Высказывания Горецкого и Папроцкого о выражении лица и особенно глаз Иона-Воеводы; 4. Армянский тип носа и лба...

Поза князя, с сильно приподнятым плечом, на первый взгляд, кажется немного странной; но это недоумение сразу исчезает, если представить себе князя во весь рост, повернувшегося на три четверти с вынесенной вперед правой ногой, то есть в положении человека, выхватывающего саблю, чтобы идти в атаку. Я совершенно уверен в том, что этот портрет представляет собой поясную копию с оригинала, написанного во весь рост; иначе нельзя объяснить, почему портретист выбрал для бюста такую позу. На том же основании мы осмеливаемся предположить, что Ион-Воевода представлен здесь в момент последней атаки Кагульского сражения; тем более, что он, как известно, ни в одном другом сражении не ходил пешим в атаку.

Где же сейчас находится оригинал, если он во-

обще еще существует? Кем он написан? По какому случаю? Об этом нам ничего не известно. Мы можем только предположить, что тайна этого портрета связана с замужеством вдовы Иона-Воеводы с поляком Кристофом Струсом. Не в этой ли семье надо искать происхождение портрета? Но прошло уже два столетия, как угас род Струсов.

VII. Военная история Иона-Воеводы, по Папроцкому

Папроцкий родился в 1543 году в дворянской семье поляков из Мазовии. Учился в Краковском университете. В 1573 году посетил Молдавию и лично познакомился с Ионом-Воеводой. Из многочисленных его работ нам знакомы в оригинале следующие: 1. «Гнездо добродетели», из которого берутся гербы героического польского королевства; 2. «Польские дворянские гербы», в пяти книгах; 3. «Королевский сад», в котором говорится о поколении римских императоров, об австрийских принцах, польских королях и т. д.; 4. «Гетман», или о ведении войн.

В первой из этих книг, опубликованной в Кракове всего лишь четыре года спустя после смерти Иона-Воеводы, Папроцкий уведомляет нас, что он опубликовал уже специальную работу, на польском и латинском языках, о сражениях нашего героя. Так, говоря о битве Иона-Воеводы с поляками в 1572 году, он спешит добавить: «Хотя об этом уже рассказано в Истории, ранее написанной на польском и латинском языках». Далее, говоря о войне Иона-Воеводы с турками в 1574 году, он снова пишет: «об этом, впрочем, тоже кратко рассказано в Истории, написанной на польском и латинском языках». Где же находится эта столь ценная военная история Иона-Воеводы?

Польский оригинал бесследно исчез. Латинское издание, подготовленное двумя польскими дворянами Горецким и Ласицким, из которых первый перевел и расширил текст о турецкой войне 1574 года, а второй — текст, касающийся польского нашествия 1572 года, — было впервые опубликовано во Франкфурте в 1578 году. Немецкий перевод, напечатанный без указания места в 1576 году, включает только историю 1574 года, но он весьма ценен с литературной

точки зрения, а также и тем, что является самым древним и, кроме того, единственным источником, ссылающимся на публикацию польского оригинала в Кракове в 1575 году. С этим редчайшим изданием первым познакомился Гебхарди; затем Энгель сравнил его с латинским оригиналом.

Итак, опираясь на Горецкого, Ласицкого, на упомянутое немецкое издание и на остальные четыре работы Папроцкого, попытаемся теперь проанализировать утверждения этого автора, которому наши предшественники имели привычку слепо доверять, принимая все его слова и все его запятые почти как религиозные догмы.

Но прежде всего установим следующие три критерия, которыми мы будем руководствоваться в последующем критическом анализе:

1. Папроцкий был поляком, то есть принадлежал к той нации, которую наши летописцы, близко ее зная, всегда называют «хвастливой»;

2. Папроцкий продавал свое перо за деньги; так, например, оплачиваемый австрийским правительством, он с бешенством нападал на знаменитого Иона Замойского и на других польских магнатов, которые, как предполагалось, были настроены против Венского двора; он даже не стыдился называть себя «цезаре-королевским стипендиатом»;

3. Папроцкий совершенно не был знаком с военным искусством, как это доказывает, лучше всего, сама его работа о «Гетмане», в которой он довольствуется тем, что перефразирует «Стратега» Оносандера, не внося ни одного нового акцента.

Он был поляком; он продался, не был военным... эти три личных недостатка объясняют все объективные недостатки его монографии о Ионе-Воеводе; остановимся теперь только на самых значительных из них.

Папроцкий пишет, что Ион-Воевода якобы вступил в Молдавию, располагая против Богдана войском в 20 000 турок. Но при этом он не забывает сказать, что султан заверил польское правительство в том, что он послал Иона-Воеводу не для захвата Молдавии, а только по некоторым торговым вопросам. В этих двух утверждениях кроется, мы думаем, непростительное противоречие. Конвой одного коммерсанта, будь он даже Фуггером, то есть Ротшиль-

дом того века, разве мог состоять из 20 000 вооруженных людей?

Чтобы раскрыть истину, можно прибегнуть к аналогии. В 1541 году, посылая Петра Рареша на престол Молдавии, где княжил тогда Александр Корня, султан дал ему, вместо войска, конвой в 200 всадников, татар, греков, валахов... Неужели конвой Иона-Воеводы, простого коммерсанта, мог быть многочисленнее? Мы остановимся на цифре в 4000, или 5000... и то, как нам кажется, преувеличенной; но, как бы то ни было, от нашего преувеличения очень далеко до 20 000 Папроцкого!

С 4 или 5 тысячами всякого сброда Ион-Воевода завоевывает Молдавию и выгоняет Богдана в Польшу. Беглец собирает там польское войско и возвращается в страну, чтобы вернуть себе престол. Ион-Воевода обращается за помощью к Аккерманскому санджаку, наспех сколачивает молдавское войско и заставляет вторгшихся поляков с позором отступить. Если бегство полякофила Богдана ущемляло патриотизм Папроцкого, то тем более его не устраивало унижение генерала Мелецкого, которому наш автор посвящал свои книги и от которого, называя его чуть ли не вторым Александром Македонским, получал в знак признательности... деньги! Итак, чтобы оправдать своих, Папроцкий и здесь прибегает к своему излюбленному маневру: он увеличивает армию Иона-Воеводы до баснословных размеров и уменьшает польское войско до смехотворного минимума.

Сколько же было поляков? Папроцкий отвечает: только 1300. Сколько же было молдаван и тех турок Аккерманского санджака? Число турок Папроцкий обходит молчанием, а в отношении молдаван отвечает по-разному в двух своих работах: первый раз в прозе он пишет, что молдаван было более 60 000; второй раз в стихах — что их было более 100 000!..

Но каково было положение в действительности? О нем мы можем судить по работам самого же Папроцкого, которого, на наше счастье, не смущали противоречия. Читая текст его повествования в латинском переводе Ласицкого, мы узнаем, что молдаван под командою Думбравы было всего 6 000. Из документов известно, что Думбрава после казни Ионашки Збьеря был назначен великим ворином Нижней Молдавии. Известно также, что Ясский уезд, на

который наступали поляки, входил в состав Нижней Молдавии. Следовательно, Думбрава командовал не отдельным отрядом, не каким-то аванпостом, а всей армией Нижней Молдавии. Эта армия, находившаяся под командой Думбравы, состояла, согласно Папроцкому, и мы повторяем это, из 6 000 человек. На этот раз мы ему доверяем и, на основании этого, приходим к заключению, что все молдавское войско, при помощи которого Ион-Воевода отразил польское нашествие, состояло из 6 000 человек. Действительно, после двух лет княжения, в 1574 году, будучи уже достаточно подготовленным, Ион-Воевода смог на-спех собрать против мунтянского нашествия Петра Хромого всего лишь 9—10 тысяч молдаван; как же он мог собрать более 6 000 в начале своего правления, когда у него не было еще достаточно времени укрепиться на престоле?

Что касается отряда Аккерманского санджака, то он мог состоять не более чем из 3 000 человек, если ворник Думбрава держал его все время в авангарде, то есть придавал ему значение одной трети всей армии.

Итак, войско Иона-Воеводы в целом, состоящее из молдаван и турок, насчитывало 9 000. Скажем, даже 10 000... и все же, как это далеко от 60 000 в прозе и 100 000 в стихах Папроцкого!

Перейдем теперь к численности польского войска, которую Папроцкий сокращает до 1300 человек. Достаточно сказать, что эта цифра показалась смешной даже переводчику Горецкому, который вместо 1300 поставил: «плюс-минус четыре тысячи кавалеристов».

Мы усредняем упомянутые две цифры и останавливаемся на 3000. Было 3000 «кавалеристов», то есть дворян; но в Польше каждый дворянин брал с собой на войну не менее одного-двух слуг, так что армия в целом могла достичь 6 000, а то и 10 000 человек. Даже по свидетельству самого Папроцкого в его прозаическом польском тексте говорится, что Ион-Воевода на основании, конечно, сообщений своих разведчиков, оценивал численность поляков до 10 000. Это и есть истинное положение.

Папроцкий в своей работе представляет в искаженном виде весь польский поход на Молдавию; поход очень странный, о котором венгр Форгач, не

только современник, но и беспристрастный историк, так как не был ни поляком, ни молдаванином, пишет: «Никоим образом не хотели ввязываться в мелкие сражения, которые причиняли им большие потери, особенно когда в отступлении их прижимали к воде»...

В заключение можно сказать, что Папроцкий является абсолютно необходимым источником для истории военных действий Иона-Воеводы. Его работу недавно отпечатал по-немецки и в обоих латинских переводах неутомимый наш библиоман Папиу. При всем том работа Папроцкого, представляющая большой интерес для историков, не может иметь никакой ценности для неподготовленного читателя, который никогда не будет в состоянии отыскать истину в чудовищных наносах лжи.

VIII. Ионашку Збиеря, Иосиф Веверицэ, Луля Хуру.

В этом примечании мы сгруппировали некоторые сведения об этих трех боярах, связанных с историей Иона-Воеводы.

1. Летописец Уреке упоминает лишь о том, что Ионашку Збиеря был казнен в пасхальный день сейчас же после восшествия на престол Иона-Воеводы. Но кто был этот Ионашку Збиеря? — об этом Уреке умалчивает. Из документов Богдана, предшественника Иона-Воеводы, три из которых зарегистрированы в «Молдавской кондике» № 1015, находящейся в Государственном архиве, мы узнаем, что этот персонаж занимал самую высокую военную должность в Молдавии, будучи «великим ворником Нижней Молдавии». Из документов Иона-Воеводы, находящихся в той же кондике, следует, что сразу же после казни Збиери его заменил в этой должности Думбрава. Ставится вопрос: по какой причине Ион-Воевода отстранил и казнил такого могущественного аристократа? Ответ частично находим у Форгача, который говорит, что Ион-Воевода «более знатных и авторитетных бояр, особенно близких Богдану, казнил всех по местному обычаю». Следовательно, Збиеря был настолько предан сверженному с престола Богдану, что Ион-Воевода, естественно, не мог оставить в его руках самый высокий военный пост в стране, который

полагалось занять человеку, верному новым порядкам, каким был, например, Думбрава. Но разве недостаточно было отстранения от должности? Зачем потребовалась казнь? Эта крайняя мера объясняется обстоятельствами польского нашествия на Молдавию. Разве Мелецкий с несколькими тысячами человек осмелился бы перейти Днестр, если бы у него не было определенных надежд? В противном случае, почему же, перейдя Днестр, он не направился прямо на Сучаву, а начал спускаться вдоль Прута в направлении Нижней Молдавии, где правил Збиеря? Ясно, что польский генерал, не зная еще о казни Збиери, и о замене его верным Думбравой, рассчитывал на обещания, данные, как видно, ему бывшим великим ворником, объединить армию Нижней Молдавии с вторгшимся польским войском...

2. Из документов следует, что Иосиф Веверицэ был вначале крупным боярином при дворе сыновей Петра Рареша; потом проданся Александру Лэпушияну, затем проданся Деспоту, чтобы предать и его в пользу Стефана Томши. В летописи Уреке написано, что, убежав с Томшей в Леополь, он был там казнен. Но это не соответствует действительности, вернее, это ошибка переписчика летописи, который после фразы: «Томша-Воевода перешел в Польскую Землю со своими приближенными, с ворником Моцоком, спатарем Спанчоком, с постельником Веверицей», добавил имя Веверицы несколькими строчками ниже к фразе: «отрубил голову Томше, ворнику Моцоку и спатарю Спанчоку». На самом деле, из официальных документов точно известно, что казнены на плахе были только Томша, Моцок и Спанчок; а одна из грамот польского короля Сигизмунда-Августа, зарегистрированная в *Acta Castrensia Leopoliensia*, MS и находящаяся в Архиве монастыря Бернардинов в Леополе, том 334, с. 179—180, свидетельствует о том, что Веверицэ, бежав из Молдавии в Польшу, в течение ряда лет был главарем воровской шайки:

«Сигизмунд-Август божьей милостью король Польши и т.д. Всем присутствующим и каждому в отдельности, как к духовному, так и к светскому званию принадлежащим, воеводам, кастелянам, старостам, подстаростам, бургграфам, бургомистрам, князьям, ватаманам и каждому из наших подданных, преданных и верным нам, под нашим правлением и

повелением, наша королевская милость. Преданные и верные нам. Нам сообщает воевода Молдавии в письме и через посла своего, что его подданные, удравшие из Молдавии, а именно Мальчи (?), Веверицз и Хуру, которые при правлении его отца предали господаря, а теперь, скитаясь по венгерской границе и в наших украинских землях, замышляют против воеводы и даже чинят беспорядки и волнения на его земле; зная все это, он просит нас избавить его от этой опасности, а этих беглецов выгнать с нашей земли и не разрешить им самовольничать и предавать своего господина, упомянутого воеводу Молдавии, что, как мы видим, является нашим долгом согласно договору нашему с Воеводой и его Молдавской Землею, и мы приказываем вам как нашим подданным усердно и рьяно разыскивать этих беглецов, и если что узнаете о них, отдавайте распоряжение выгнать их из нашей земли... так, чтобы Воевода не имел бы никаких неприятностей и трудностей с их стороны на нашей земле. И так, чтобы им никакой милости от нас не было».

Выгнанный из Польши, Веверицз возвращается в Молдавию и, чтобы избежать опалы со стороны Богдана-Воеводы, постригается в монахи.

3. В послании визиря Мехмеда-Соколи о молдаванах, бежавших за Днестр после гибели Иона-Воеводы, говорится: «Как только в Польшу дошла весть, что Ион был взят в плен и обезглавлен, сразу же были посланы воины, чтобы перевести в Польшу тестя Иона Хотинского пыркалаба, жену Иона, драгоценности и все добро не только жены господаря, но и семи бояр, нагруженное в двадцать семь повозок». Следовательно, тесть Иона-Воеводы был Хотинским пыркалабом, бежавшим затем в Польшу. Из документов следует, что один из двух Хотинских пыркалабов 1574 года, Иеремия, сопровождал Иона-Воеводу в войне и погиб в Кагульском сражении, так что только другой пыркалаб, а именно Лупя Хуру, оставшийся в Хотине, мог быть тестем господаря и бежать за Днестр.

От внимания Когэлничану и других, писавших до сих пор так или иначе об истории нашей литературы, ускользнул следующий отрывок из «Хроники стародавности романо-молдо-влахов» (Кантемир, том I, с. 103): «Уреке пережил и описал времена Арона-Воеводы Тирана, правлением которого он и заканчивает свою историю». Кто другой мог знать это лучше Кантемира, который жил менее чем сто лет после Уреке, то есть в довольно близкий от него период, и который как господарь имел в своем распоряжении подлинные манускрипты летописей?

Значит, автором летописи был именно Нистор Уреке, великий логофет при Ароне-Воеводе, пониженный затем до должности великого ворника при следовавших один за другим господарях из семьи Мовилэ, как следует из документа, опубликованного мною в «Румынском историческом архиве», том I, № 28.

Как видно, он не успел окончательно отредактировать свой труд, оставив только отдельные отрывки и заметки, которые другой летописец, вероятно, сын его, Григорие Уреке, привел несколько позже в полный порядок. Тому, что летопись была отредактирована уже после смерти Нистора, можно привести следующее веское доказательство. В летописи говорится о нашествии из-за Днестра казацких гетманов Лободы и Наливайко во время правления Стефана Великого. Но в то время, когда жил Стефан Великий, казаков еще не было. Все же, как известно из Гейденштейна, Бельского, Папроцкого, всех польских историков и из всех казацких летописей, Наливайко и Лобода, два казацких гетмана, действительно совершили поход в Молдавию, но... в 1596 году. Ясно, что редактор летописи Нистора, которому попала заметка об этом событии без указания даты, наугад приписал его времени Стефана Великого.

Тому, что Нистор Уреке был в молодости писарем при дворе Иона-Воеводы, я привел в доказательство документ, опубликованный в «Румынском историческом архиве», том I, № 164. Этот факт имеет особую ценность для той части летописи, где говорится о правлении нашего героя.

Заметим все же, что здесь, как и во всей летописи, текст не принадлежит руке Нистора, так как он позднее был откорректирован и дополнен редактором, на основании польской летописи Пашковского. Следовательно, настоящую ценность могут представлять для нас лишь те места в рукописи, которых нет у Пашковского и которые, несомненно, принадлежат самому Уреке, а именно, места, относящиеся к острову Родосу, к Ионашке Збиеря, к селу Рошканы и др.

Х. Винтила-Воевода

Через несколько дней после гибели Иона-Воеводы известный дипломат Лангюе, родом француз, находившийся с политической миссией в Вене, отправил какому-то англичанину не известное нашим предшественникам письмо, из которого следует, между прочим, насколько живо интересовалась вся Европа тем, что происходило на северных берегах Дуная.

В этом документе, прежде всего, имеются две очень интересные и никем не отмеченные детали: 1. Турки скрывали возмутительное убийство Иона-Воеводы, происшедшее в нарушение условий капитуляции, которые гарантировали его отправку в Константинополь; 2. Оттоманская Порта, по опыту зная бездарность Петра Хромого, почти была готова послать в Молдавию другого господаря, старика по имени Александр, не упомянутого в молдавских летописях, но который в действительности правил страной несколько дней в результате восстания как раз во время Стефана Младого, отца Иона-Воеводы, как ясно указывает на это один из документов Александра Лэпушняну от 21 марта 1560 года, находящийся в «Молдавской кондике» № 1015 в Государственном архиве, с. 122.

Но, несомненно, самым интересным в письме Лангюе является описание захвата Бухареста и назначение на престол Мунтении Винтилы-Воеводы. Об этих двух фактах ничего не говорится у Папроцкого, Иштваифи, в турецкой летописи, у Горецкого и у всех других, но о них упоминается — что очень знаменательно — в самих мунтянских летописях следующим образом: «На четвертый год правления Александра-Воеводы, когда его брат Петр получил

престол Молдавии, было приказано ворнику Думбраве и всему боярству Молдавии встретить его в Фокшанах. Тогда Александр-Воевода также вышел навстречу своему брату Петру-Воеводе и устроил пир в Сэпэтеях; а ворник Думбрава со всем Молдавским двором отправились поклониться Петру-Воеводе, но как только приблизились они, неожиданно напали на Петра-Воеводу и на его брата Александра, преследовали Петра-Воеводу до Браилы, в то время как Александр-Воевода бежал в город Флочь; молдаване, добившись этого успеха, вернулись к Ионашке-Воеводе. Отсюда Ионашку-Воевода послал Винтилу-Воеводу с множеством грабителей, чтобы быть ему господарем Мунтении; и вошел (Ионашку-Воевода) в Бухарестскую крепость, пробыв там около четырех дней. Александр-Воевода послал также многих своих бояр с войском, а именно ворника Драгомира, и комиса Митрю, и пахарника Братула, и пахарника Иона; они неожиданно напали на Винтилу-Воеводу и на тех грабителей, и тогда погиб Винтила-Воевода и все те грабители; и вернулся Александр-Воевода на престол в Бухаресте, и ввел в стране такую подать, что его называли прожорливой овцой...» (См. «Magazin istoric», том 4, с. 275).

XI. Неизвестная история Иона-Воеводы

Польский историк Старовольский в § LXXI «Сарматский воин» говорит: «...Великий Ивония, палатин Валахи, военные деяния которого во времена Сигизмунда Первого в четырех книгах основательно описаны». Он написал, следовательно, биографию Иона-Воеводы, которую включил в виде приложения в свой труд о короле Сигизмунде I. И действительно существует произведение Старовольского под заглавием: *De Rebus Sigismundi Primi Poloniarum Regis Invictissimi virtute et auspicio, gestis, libri quator*, изданное в Кракове в 1616 году. Так цитирует его Вишиевский, том 8, с. 152. Но книга эта стала такой редкостью, что я ее не смог найти даже в самых больших библиотеках Польши. Нам кажется, что Фредро основывается как раз на Старовольском в тех местах, где его повествование отличается от Папроцкого.

XII. Перенос столицы из Сучавы в Яссы

Гейденштейн и Стрыковский утверждают, что престол был переведен из Сучавы в Яссы Александром Лэпушияну в 1564 году по той причине, что старая столица напоминала мрачному князю узурпатора Деспота. Но Гейденштейн и Стрыковский были плохо осведомлены. Почти все грамоты Лэпушияну после 1564 и до 1568, года его смерти, датированы в Сучаве. То, что сам Ион-Воевода застал столицу именно там, ясно доказывает Иштванфи и Форгач. Но если даже отказаться от всех остальных свидетельств, то два документа, хранящиеся в оригинале в Государственном архиве, позволяют нам даже точно определить месяц перевода столицы из Сучавы в Яссы. Вот они:

1. «... Ион-Воевода и др., что дал и возвратил нашему монастырю Тазловскому село его по имени Татеши на Соленом Тозлове, что то село правильно куплено было Петром-Воеводой и дано выше-названному монастырю и неправильно порушено было кем-то, а Мое господарство, разобравшись по истине, снова помиловало его святому храму на владение вечное, как оно есть со всем доходом ненарушенным и т. д. Написано в Сучаве в год 7080(1572) августа 8. Господин приказал. Логофет Берхечь распорядился. Уреке».

2. «... Ион-Воевода и др. дал этому цыгану по имени Никола третью часть села Болотешты, и брод с мельницей у Путны, что он себе купил за 120 злот татарских еще при Александре-Воеводе от Тома и сестры его Станы, и непота его Думитру, так же как заплатил Тома сам, и да будет оно ему со всем доходом, и да сие не иарушится пред сим листом нашим. Написано в Яссах в год 7081(1573) октября 5. Сам господарь. Великий логофет Голия распорядился. Попа писал».

Считается, что год, по исчислению от сотворения мира, начинается в сентябре. Из этих двух документов следует, что столица была еще в Сучаве в августе 7080 года и уже перенесена в Яссы в октябре 7081 года. Следовательно, перевод был произведен в сентябре, чтобы встретить начало года в новой резиденции. В сентябре 1572 года Яссы стали столицей Молдавии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо царя Ивана IV молдавскому господарю Иоанну Воде Лютому, май 1574 год

Милостью всемогущего бога мы, Иоанн Васильевич, царь и великий князь всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Псковский, великий князь Смоленский, Тверской, Югорской, Пермский, Вятский, болгарский и прочай, государь и великий князь Новгорода, Низовский земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский и всея Северные страны, повелитель и наследник вновь приобретенной Исландской земли Иоанну Богдану Стефановичу, господарю Молдавии, добро здравствовать!

Послал ты нам служителя божия епископа твоего Исаию с грамотой, в которой известил нас, и повелел ему известить нас изустно, чтобы мы знали, что по воле божией была тебе дана турецким султаном земля Молдавская, чтобы ты служил там ему и был бы его данником. Бог так восхотел, что ты побывал в нашем царстве. Ибо ты знаешь, что мы желали, чтобы ты был под законом и вступил в брак, и по искренней любви нашей мы дали в жены дочь князя Симеона Ростовского, нарицаемую Марией. И затем ты удалился, от нее родился сын, нарицаемый Петр, которому исполнилось два года, когда ты еще был здесь, и которому теперь исполнилось семнадцать лет. И нам было очень досадно, что супруга твоя и сын твой лишены твоего присутствия. И как скоро услышали мы о том, чтобы разыскать супругу твою и сына твоего, которые неизвестно где находились в царстве нашем, и отправить их к тебе вместе с достойным и верным слугою нашим, и об этом мы хотели известить тебя; ибо имеем любовь к тебе, а ты можешь требовать от нас все.

И когда мы размышляли об этом, пришло к нам письмо твое вместе с епископом Исаиею, из которого мы узнали, что по воле божией ты был пожалован турецким султаном быть господарем Молдавии, и поставил он тебя по милости своей и по своему благому решению управителем страны той, чтобы ты все делал, жил под страхом султанским, как поставлен-

ный его рукою. И хотя тебе не следует вызывать его гнева,— не предавай забвению и нашу любовь и милость нашу, которая тебе была оказана обильно, в то время, когда был здесь и когда не был здесь, и вспомни также, что мы не задерживали тебя, когда ты не захотел больше остаться у нас, но отпустили тебя со всею любовью и благоволением, так что ты довольным покинул наше царство. Ты прислал сюда посланца своего, чтобы мы отправили к тебе благополучно супругу твою и сына твоего. Мы поручили разыскать, где они. И после того как спросили почти во всем царстве нашем, было сказано следующее: по воле божией умерли от чумы и супруга княгиня Мария и сын твой Петр. Если же ты будешь просить от нас прежней милости и любви, знай, что таковой дар не будет отказан тебе с нашей стороны, и даже можешь считать себя первым в милости нашей. И мы хотели бы сделать тебя сыном нашим, дав тебе в жены одну из ближайших наших родственниц, а именно дочь одного из бояр наших Феодора, князя Мстиславского и Заславского, которая в ближайшем и кровном родстве с нашим царским величеством. Наш приснопамятный родитель великий князь Василий был женом на сестре светлейшего князя Петра, сына царского, а дочь последнего была матерью Иоанна и супругою вышеназванного Феодора, князя Мстиславского и Заславского, дочь которого будет дана тебе в супруги. Итак, если попросишь сего, то, несомненно, будет дано тебе с нашей стороны. Поэтому обдумай хорошо в совести твоей и пошли одного из верных слуг твоих, который мог точно обсудить сие вместе с нами, и с помощью божией все будет улажено до конца.

Сенат Польши и Великого княжества Литовского прислал в это время просьбу к нам, чтобы мы сооблаговолили быть приемником и государем их. Но это еще не решено у них окончательно, и тотчас, как это будет установлено окончательно, мы переговорим с благороднейшим мужем Иоанном Феодоровичем, князем Мстиславским, и с внучкою его, будущей супругой твоей, и затем отправим ее к тебе вместе с послом твоим и слугами моими с положенной честью и без промедления.

Дано в царственном и славном граде нашем Москве 7082 года, май.

Н. Костомаров

ИВАН СВИРГОВСКИЙ

Украинский казачий гетман XVI века

В жизни народов являются побуждения, которые не привиты извне, не внушены массе ее двигателями, но образовались долговременным, постепенным ходом обстоятельств, и бессознательно управляют народным чувством и волею. Так, в XVI веке в русском народе, связанном в продолжение семи веков с восточным христианством духовными и племенными узами, возникло воннственное противодействие разливающемуся потоку оттоманского могущества и стремление подать руку помощи христианским народам православного исповедания, поработенным мусульманами. Выражением этой национальной идеи было казачество на Днестре и на Дону. Несомненно, что другие причины, которые надобно искать в социальном и политическом положении тогдашнего славянского севера, способствовали образованию казачества; но верно и то, что главною задачею деятельности этого русского рыцарства была борьба с Турцией и вообще с мусульманским миром и охранение восточного православия. В XVI веке и в первой четверти XVII история казачества состоит из непрерывных нападений на Турцию на суше и на море, которые сопровождались неоднократно вмешательствами в дела Молдавии и Валахии, и имели всегдашнюю целью освобождение поработенных и пленных христиан. Борьба эта была тяжела и часто неудачна, но вообще шла прогрессивно, и кто знает, к каким следствиям могла бы она привести, если бы с одной стороны, польская политика, управляемая иезуитами, а с другой — нерешительность Ивана Грозного и слабость Московской державы после него не образовали такого стечения обстоятельств, что казаки должны были остановиться в своем стремлении на Востоке, и обратить свои силы к защите православия против

римского католичества. Эта история борьбы русского казачества с Турцией столь же достойна внимания, сколь темна и сбивчива по недостатку источников. Только в последнее время, благодаря просвещенным любителям старины, мы начинаем знакомиться с источниками этой эпохи, до нашего времени скрытыми в неизвестных рукописях или старопечатных книгах, драгоценном достоянии немногих библиотек. К любопытным современным сочинениям об этом предмете принадлежат переведенные с латинского Г. Сырокомлю и изданные на польском языке сочинения Ласицкого, Горецкого и Фредро, сообщающие известия о вмешательстве казаков в дела Молдавии, и представляют нам в подробностях поход Ивана Свирговского, о котором мы до издания этого сочинения имели очень слабые сведения.

Ласицкий, шляхтич XVI века, реформат верою, есть тот самый, который написал известное в ученом мире сочинение о литовских богах и брошюру о современной ему борьбе Ивана Грозного с Стефаном Баторием. В 1855 году открыто и издано еще одно его сочинение: «О вторжении Поляков на Волощину в 1572 году». Это сочинение не относится непосредственно к истории казачества, но важно для нее потому, что излагает дела Молдавии, предуготовившие и даже вызвавшие вмешательство казаков, описанное у Горецкого и Фредро. Из последних — Леонард Горецкий был шляхтич, также реформат верою. Он описал современное ему событие — войну молдавского господаря Ивана с Турками и подвиги союзников его, украинских казаков. Книга его была издана в 1578 году во Франкфурте. Пастор в своей польской истории перепечатал целиком латинский оригинал этого сочинения. С этого издания перевел его г. Сырокомля. Подробности жизни Горецкого неизвестны. Книга его начинается краткой географией Волощипы, которую автор, согласно принятому в то время обычаю, разделяет на Закарпатскую (Валахию) и Мультаны (Молдавию), очень кратко рассказывает историю Молдавии со времени покорения Турками Балканского полуострова и приходит к истории Ивана, которая составляет предмет его сочинения. В середине он допускает пространный эпизод о

происхождении Турков и о развитии их могущества. Рассказ его жив, полон драматических картин, характеры обрисовываются ярко; он, по обычаю историков своего времени, любит вставлять современные речи и разговоры. Фредро не был уже современником описываемых им событий: Андрей Максимилиан Фредро был одним из государственных людей в несчастное царствование Яна Казимира. Г. Сырокомля издал в свете его историю народа польского под правлением Генриха Валуа, которая, по мнению издателя, должна быть частию недоконченной, а может быть, затерянной, истории пяти королей польских. В авторе повсюду видны дипломат и политик; он вставляет часто рассуждения и собственные взгляды, касающиеся вообще до политических связей и управления государством, судит поступки правителей и военачальников, отгадывает побуждения, выводит последствия и вообще в своей истории более мыслитель и моралист, чем простой повествователь: с этой точки зрения его история имеет большое достоинство, как выражение современных ему взглядов. Фредро католик и горячий патриот. Война молдавская внесена в его историю как современное событие царствования Генриха: отрываясь от прямого изложения истории польского народа, автор говорит, что приступил к описанию молдавских дел потому, что здесь просияло мужество поляков. В большей части описание его, в отношении фактов, сходно с описанием у Горецкого, хотя Фредро не упоминает о некоторых событиях, описываемых последним, и вообще, картины его сжатые, но речи и разговоры пространные, носят на себе более печать риторики и удаляются от простоты и правдоподобия рассказа Горецкого.

Со времени завоевания турками Византийской империи, Придунайские княжества оставались под управлением собственных владетелей, называемых господарями. Харач (дань), наложенный на них султанами, в начале простирался на каждое княжество до 2 000 червонцев, но в половине XVI века он достигал уже 60 000 червонцев. Молдавия, находясь между Турцией и Польшей, во влиянии последней искала средства освободиться от власти и насилия первой, к этому побуждала ее духовная

связь с Южной Русью, которая находилась тогда в политическом соединении с Польшей. В половине XVI в. в Молдавии произошли замешательства, во время которых Альберт Ласский, богатый и воинственный магнат, распоряжался в Молдавии с толпой дворян и, поставляя по желанию господарей, предлагал Сигизмунду Августу дать ему войско и присоединить к Польше оба княжества. Во время этих смут и междоусобий в Молдавии на короткое время сделался господарем Димитрий Вишневецкий, предводитель днепровских казаков, но преданный изменой в руки туркам, погиб мучительной смертью. На господарский трон был посажен Александр, из туземных князей, с помощью поляков и Южно-Русов, а через то развилась и укрепилась в Молдавии партия польско-русская, составлявшая оппозицию против турецкой партии. По смерти Александра вступил на господарский престол сын его, Богдан, еще более сблизившийся с Польшей, или лучше сказать, с Русью. Проведший молодость в Южной Руси, он завел родственные и дружественные связи с южно-русскими владельцами: сестра его была за Русином — Поневским; сам он посватался на дочери русского магната Ивана Тарлы; сверх того он готовился купить на Руси имения, чтобы в случае изгнания из отечества, мог найти приют и средства к возвращению. Ненавидя турецкое владычество, он хотел втянуть Польшу в войну с Турцией и сделать ее орудием освобождения своего отечества. Он с радостью готов был присоединить Молдавию к Речи Посполитой, где так много было его единоверцев, где Южная Русь еще цвела православием. Поэтому, располагая Поляков и Русинов в свою пользу, Богдан, в 1572 году разъезжавший по Руси, под предлогом искательства невесты, заключил с Сигизмундом-Августом оборонительный союз, по которому обязывался в случае нужды выставить двадцать тысяч конницы для польского войска. Такие поступки сделались известны турецкому правительству. Диван увидел необходимость назначить другого господаря. Это было тем удобнее, что в самой Молдавии составила́сь против Богдана сильная партия: многие Волохи боялись Поляков. «Этот народ, — замечает Горецкий, — непостоянен и вероломен; по ничтожным побуждениям они состав-

ляют заговоры, свергают своих господарей и, не обращая большого внимания на знатность рода, готовы посадить на престол человека низкого происхождения, если только он богат».

Скоро нашелся охотник заступить место Богдана. Он назывался Ивон, у малороссийских летописцев Ивония. По-русски, говорит Фредро, его называли Иван. Ласицкий говорит, что он был побочный сын прежнего воеводы молдавского Стефана, и в 1561 г. служил в Польше у коронного маршала Фирлея. По известию Горецкого, он только сам себя выдавал за потомка древних правителей Молдавии, а другие почитали его родом из Мазовии; Фредро говорит, что его признавали по происхождению Русином. Достоверно только то, что происхождение его неизвестно. Еще при жизни турецкого султана Селимана, он пытался сделаться господарем, но неудачно; — удалился в Русь, где пребывал несколько лет с другом своим Иеремеем Черновичем, впоследствии погубившим его, потом ушел в Турцию, и там, по единогласному уверению польских историков, принял магометанство. Фредро прибавляет, что он занялся торговлею в обширном размере и нажил себе большое состояние. Когда в Молдавии возникло неудовольствие против Богдана, Ивон воспользовался им, явился в Константинополь, окружил себя блеском и великолепием, заметным не только для Пашей, но для самого султана, и подкупил членов дивана в свою пользу: у Турков, по замечанию Фредро, все достоинства продавались. Подкупленные члены дивана представили султану, что Богдан, находя опору в Польше, замышляет свергнуть с себя турецкое иго. Надежда видеть в Молдавии господарем ренегата льстила религиозному магометанскому самолюбию. По свидетельству Ласицкого, недовольная Богданом партия обратилась тогда к Ивону, упрашивая его с помощью Турков явиться в Молдавию и низвергнуть Богдана, овладеть его престолом. Таким образом Ивон вторгнулся в Молдавию с 20 000 Турков, Греков, Сербов. Богдан убежал в Русь, и вскоре русские паны явились со своими отрядами на выручку его трона. Предприятие не удалось. Русины отступали пред огромною турецкою силою; Ивон остался господарем, и, по известию Ласицкого, сдирал с живых

кожи, сажал на кол, лишал зрения людей противной партии и чрез это приобрел к себе уважение от народа. Автор приписывает это особенной дикости Волохов, которые тем безропотнее повинуются, чем строже кара ожидает их за неповиновение; но вероятно казни, которые производил Ивон, постигали лиц, не заслуживших народного сочувствия.

Недолго наслаждался Ивон господарством; у него отняли таким же образом, каким он похитил его у Богдана. Ивон только для вида принял было магометанство. Сделавшись господарем, он снова стал христианином и выказывался пред народом ревностным защитником православной веры. Это не могло не вооружить против него дивана, и таким настроением воспользовался господарь Валахии: он в Константинополе начал искать молдавского престола для своего брата, которого не столько любил, сколько хотел сбить с рук. Соперник обвинял Ивона пред турецким правительством в отступничестве от магометанства и в сношении с Поляками; в самом деле Ивон, по вступлении на престол, посылал в Польшу посольство с целью утвердить дружественные сношения между двумя народами. Наконец валахский господарь предложил, что если брата его, Петра, возведут на господство, то последний обязывается платить Турции двойной харах 120 000 червонцев, вместо 60 000. Последнее предложение было сильнее всех представлений и убеждений; к этому содействовали много в пользу господаря Валахии подарки, которыми он осыпал членов дивана.

В Яссах явился посол от султана Селима и потребовал от Ивона двойного хараха, прибавляя, что если Ивон на это не согласится, то найдется другой, который даст требуемую сумму, и что, во всяком случае, Ивон должен следовать в Константинополь для подачи отчета в управлении Молдавией.

Ивон созвал сенат и представил боярам, что опасность угрожает не одному ему, но всему народу. «Если бы я сам, — говорил он, — пожертвовал собою, это бы не спасло моих подданных. У султана есть в запасе другой господарь, который готов платить 120 000 червонцев в год, а плата такой суммы должна разорить Молдавию; при том же если теперь, без всякого повода с нашей стороны, потребовали двойной харах, то после могут потребовать и тройной, и

четвертной». Слова Ивона казались очевидною (!) истиной. «Сенаторы, — говорит Горецкий, — как будто пробудились от тяжелого сна». «Лучше смерть, чем поношение!» — восклицали они; и все поклялись защищать оружием свои права и свою собственность. Посол селимов отправлен был хотя с просьбой о сохранении спокойствия, но без подарков, как следовало по молдавскому обычаю. Зная, что жребий брошен, Ивон начал вооружаться и отправил в Польшу посольство просить помощи.

Оно не имело успеха: король Генрих и чины Речи Посполитой не только отказали в помощи господарю, но объявили, что никому из польских подданных не позволено участвовать в войне с Турцией. При этом Фредро, как человек государственный, поместил рассуждение, очень любопытное, как выражение понятий о политике, с какими Поляки хотели выказываться в его время. Сознывая выгоды, какие имела бы Польша от вмешательства в дело Ивона, Фредро оправдывает своих соотечественников в том, что они не подали ему помощи; причиной этому он полагает то, будто Поляки, сообразно со старинным правилом предков, не привыкли насильственно расширять свои владения и хотели жить в мире с соседями. В другом месте автор противоречит себе; он укоряет Поляков за то, что упустили из виду возможность присоединить к своему королевству Чехию и Венгрию, попавших под власть немецкого императора, к прискорбю Фредро, везде показывающего нерасположение к Немцам.

Ивон обратился тогда к украинским казакам. Он пригласил, — говорит Горецкий, — легкую и малую горсть тех Поляков, которые по берегам Днепра и Черного моря приобретали добычу и назывались в Польше казаками. Фредро не употребил вовсе имени казаков, он называет их легкой польскою конницею, охотниками, жившими над Днепром и по берегам Черного моря для добычи, которую отнимали у Турков и Татар. Главным предводителем этой толпы Горецкий и Фредро называют Сверчовского. В другом месте Фредро говорит, что они были римско-католического вероисповедания. Таким образом, можно бы подумать, что здесь дело идет не о наших украинских казаках, а о каких-то охотниках из природных Поляков, если б малороссийские ле-

тописи не указывали прямо, что на помощь Ивону приходили не Поляки, а Русские, под предводительством своего гетмана Свирговского или Сверговского, однозвучного с именем Сверчовского, упоминаемого у польских писателей. До сих пор имя Свирговского и его поход в Молдавию прославляются в народной южнорусской поэзии, а этого бы не могло быть, если бы Свирговский и его сподвижники были Поляки, и притом римско-католического исповедания. Одна неизданная малороссийская летопись, упоминая очень кратко о походе казаков в Молдавию на помощь Ивону, называет предводителя их Дружко Сверховский.

К этому-то Свирговскому (или Сверчовскому) Ивон послал посольство, когда казаки возвращались из похода против Турков. Воевать с неверными, по понятию казака, была его обязанность, и потому нетрудно было уговорить Свирговского с товарищами. Одна народная песня выражает просьбу Молдаван таким образом:

Ой мы Волохи, мы християне,
Та не милуют нас бусурмане,
Вы козаченьки, за веру дбайте,
Волохом-християнам на помощь прибуйте!»

Конисский говорит, что Свирговский согласился помогать Ивону с разрешения польского правительства, но Горецкий и Фредро говорят, что казаки пошли в поход, несмотря на запрещение правительства. В народной песне о Свирговском упоминается о каких-то ляшских комиссарах, приходивших к гетману пред походом. Это не может доказывать справедливости Конисского: могли приходиться с дозволением и запрещением, и, кажется, последнее справедливее, потому что польское правительство старалось всегда соблюдать мир с Турцией по возможности, и беспрерывные походы казаков против мусульман навлекали постоянное негодование этого правительства.

Горецкий насчитывает 1200 человек под начальством Свирговского при отправлении его в Молдавию, Фредро — 1300. В Летописях Грабянки и Ригельмана (переписывавшего Грабянку и других летописцев), Свирговский отправился в Молдавию с 1400 человек. Конисский не говорит, сколько было у Свирговского войска, а выражается только, что он

пошел в Молдавию с войском малороссийским; во всяком случае Конисский полагает у Свирговского число войска несравненно значительнее того, какое ему дают другие летописцы, ибо до вступления в Молдавию он разделил его на два отряда, из которых половину под начальством Ганжи к Букаресту, а другую половину сам повел к Галацу, и в то же время отправил кошевого Покотилу на лодках к устью Дуная, чтобы не пропускать турецких десантов. Но все более старые и достоверные источники полагают у Свирговского небольшой отряд, и поэтому сказание Конисского не может быть принято. Но в таком случае, если у Свирговского было не более 1300—1400 человек, то что такое сам Свирговский? Из польских историков не видно, чтобы Свирговский был гетман в том значении этого слова, какое мы привыкли придавать ему и какое дают ему летописцы. При Сигизмунде-Августе и Генрихе Валуа число казаков было так велико, что странно покажется, каким образом гетман отправляется в чужую землю с таким малым количеством подчиненных. Однако все историки малороссийские — Самовидец, Грабянка, Ригельман, Миллер и другие, не известные по имени, утвердительно говорят, что Свирговский был гетман, и между тем дают ему отряд войска менее полуторы тысячи человек. Народная песня также называет его гетманом. Недоумение легко разрешается: польские историки не могли назвать его гетманом, потому что признавали гетманами только тех, которые были утверждены в этом звании правительством, а такие гетманы возникли в Украине уже позже; что же касается до небольшого числа, ходившего с Свирговским, то в тот воинственный век казацкие предводители часто предпринимали дальние походы с малым войском без больших приготовлений. Свирговский не мог брать с собою большого числа воинов, ибо пределы Украины требовали защиты от непрерывных нападений Крымцев. Кажется, народная песня, в которой оплакивается смерть Свирговского, намекает на то, что масса казаков оставалась в Украине во время его похода и даже мало знала, куда ушел ее главный предводитель; в этой песне Украина, тоскующая по своему гетману, или казаки спрашивают у бурных ветров, кречетов и жаворонков, что случилось с гетманом и где он простился с жизнью?

Приглашенные молдавскими послами казаки направились к границам Молдавии. Передовые гонцы от господаря поздравляли их с прибытием в страну и привезли им съестных припасов. Сам Ивон с боярами и войском стояли в поле, готовясь сделать им торжественный и достойный воинов прием. Когда ему дали знать, что казаки приближаются, он с отборною конницею, в кругу избранных сенаторов, выехал навстречу. Он приветствовал Свирговского речью и не кончил ее, заплакавши, как говорит Горецкий, и взяв за руку вождя, пригласил в обоз на походную пирушку; казаки последовали за ними, а когда въезжали в молдавский обоз, их приветствовали выстрелы пушечные. Мгновенно явилось столько певших молдаван, сколько было конных казаков (а весь отряд казаков состоял из конницы), — взяли лошадей и угощали овсом, в то же время самих всадников позвали на роскошный обед. Свирговский и сотники обедали в просторном шатре Ивона; простые казаки — в других шатрах. После пира, по приказанию господаря, казацким старшинам поднесли серебряные мисы, наполненные золотой монетою. «После долгого пути, — было им сказано, — вам надобно денег на баню и на подкрепление изнуренных своих сил». — «Не словами, а делами желаем вам доказать, — отвечали казаки, — что не боимся смерти: ценим выше всего рыцарскую славу, и прибыли в ваш обоз не с надеждою получить жалованье, а единственно для того, чтобы доказать вам доблесть нашу, когда явится драгоценный случай сражаться за христианство против неверных». Только после усиленных просьб Ивона и молдавских сенаторов казаки согласились принять денежный подарок. По окончании пира, они отправились в приготовленные для них шатры, и тогда новые посланцы Ивона принесли им шестьсот талеров и превосходного вина в шести стогвах, в которых обыкновенно Волохи хранили воду во время переходов через степи. «Это господарь присылает вам выпить за его здоровье», — сказали им.

На другой день утром господарь сам посетил Свирговского и сотников и пригласил их на совет. Когда казаки пришли в его шатер, он проговорил им речь, которую Горецкий передаст в таком виде.

«Если бы я, храбрые, мужественные рыцари, не был убежден в вашей верности, доблести и непоко-

лебимости, никогда бы я не призывал вас из вашей далекой отчизны для трудного и опасного дела. Но побуждаемый несомнительными свидетельствами, я пригласил вас помочь мне вашими трудами и рыцарскою опытностью в войне с Селимом, жестоким врагом моим. Назначая вам плату, я страшился, чтобы она не была ниже заслуг ваших, но каков бы ни был исход нашей войны с злобным неприятелем, я доставлю вам, рыцари, в изобилии припасов, конского корму, денег. Помня старинные доблести ваши, вы, конечно, поддержите в этой войне славу, которая гремит о вас в свете. Искренно благодарю вас, что будучи сами христианами, прибыли ко мне, христианину; обещаю всегда быть благодарным за ваше ко мне участие. Хотя число ваше незначительно в сравнении с моей опасностью, но один вид ваш так ободряет меня, как будто бы мне прислали откуда-нибудь двадцать тысяч. Не скажу, чтобы силы Турков были непобедимы, но должен сознаться, что счастье удивительно служит им. Некогда они были ничтожны, но возросли не столько чрез мужество, сколько чрез злодеяния и коварства. Верно, бессмертный Бог позволяет злодеям так долго и безнаказанно свирепствовать, приготовляя им тем жесточайшую кару, чем более накопится их грехов. Итак, если Турки были до сих пор счастливы, то это происходило по предведению и по воле Бога, дабы тем тяжелее было их падение, чем выше они вознеслись. Не могу более говорить от слез: сами можете отгадать и уразуметь, как расположено мое сердце к вам, а что даст нам судьба — разделю с вами пополам!»

Речь эта,— говорит Горецкий,— произнесена была по-польски. Всего вернее, речь эта сложена была автором по старому обычаю подражать древним писателям; впрочем, Ивон мог и должен был говорить в таком тоне. В ответ на нее Свирговский, по известию того же историка, говорил господарю так: «Не плата твоя, Ивон, привела нас сюда,— плату мы считаем последним делом; а привел нас к тебе воинственный жар: желаем сражаться с коварным и свирепым врагом христианства. Не станем толковать о плате, а какова будет наша судьба, конец войны покажет. Довольно с нас будет той награды, что мы, если удастся, изгоним своими руками из твоих пределов врага и принудим его условиям вы-

годного примирения. Ты же, который пойдешь вместе с нами, видя нашу судьбу, будешь ожидать и себе того, что нас постигнет. Нам не страшны силы Турков; предавая будущее в руки Провидения, мы смело идем на врага, чтобы освободить от него твои владения».

Речь Свирговского ободрила Ивона. Веселая пирушка снова скрепила дружбу Молдавии с Русинами. Это было 20 марта 1574 года.

И в Константинополе готовились. Султан отправил 30 000 Турков и 2 000 Венгров к валахскому господарю, приказывал присоединить к ним его собственные силы и, ворвавшись в Молдавию, посадить на господарство брата, а Ивона схватить и отправить в Константинополь. Валахский господарь немедленно собрал свое войско и стремительно перешел через реку, которую Горецкий называет Молдавою, но которая, кажется, была Сиреть. Он быстро шел на врага, думая выиграть скоростью. Но эта-то именно скорость, говорит Фредро, повредила ему. Он думал застать неприятеля врасплох, а между тем от дневных и ночных походов воины его утомились, лошади были изнурены; надобно было отдохнуть. Господарь думал, что Ивону вовсе не известно, как близки враги его; он надеялся, что во всяком случае победа неизменна, и позволил войску отдыхать на приволе. Но Свирговский, который был главным распорядителем в войске Ивона, давно уже по горам, у воды, везде, где благоприятствовала местность, расставил стражей и узнавал о движении неприятелей, а когда донесли ему, что враги отдыхают на чужой земле, он выступил с двумя отрядами козачков, т.е. четырмястами, взял шесть тысяч Молдаван, и в том числе знавших по-турецки, приказывал подчиненным хранить молчанье, и стремительно бросился на передовой турецкий отряд. Горецкий говорит, что в нем было сорок, Фредро — что в нем было триста человек. Как бы то ни было, казаки принудили его сдаться, и Свирговский выведал о численности и положении неприятелей. По известию Горецкого, пленные показали в войске валахского господаря 70 000 Волохов, 30 000 Турков и 3 000 Венгров. Фредро же говорит, что пленные эти показали все свое войско в число 60 000 человек. Если пленные говорили тогда правду, то без сомнения, сказание

Фредро в этом случае заслуживает больше вероятия, потому что победа, какую впоследствии одержали казаки и Молдаване, должна предполагать меньшее количество неприятельского войска. Свирговский по-прежнему приказал своему отряду хранить молчание и дал знать Ивону, требуя, чтобы он как можно скорее явился с своим остальным войском. Пока Ивон прибыл, Свирговский разослал своих расторопных казаков пешими в кусты, в высокую траву, на холмы; они шли нагнувшись или ползли на брюхе; сам Свирговский действовал с ними и положение неприятеля было им осмотрено, а неприятель вовсе не подозревал близости врагов. По прибытии Ивона, Свирговский, не доверяя храбрости Молдаван в такой мере, как своим, предложил господарю поставить тяжелую конницу с пешими стрелками в закрытом месте, дабы в случае неудачи Молдаване, отступая, могли найти опору. Как опытный и хладнокровный полководец, Свирговский научал их, как поступать в случае отступления. «Надобно думать, — говорил он, — не только о том, чтобы победить, но и о том, чтобы не быть разбитым. Я со своими казаками первый брошусь на врага, и тогда вы, Волохи, идите за мною. Счастье служит отважным, изменяет трусам; и вам, казаки, напоминаю о врожденном мужестве и призываю его». Ивон должен был ударить на неприятеля с трех сторон; на четвертую сторону должен был повернуть Свирговский с казаками.

Была ночь. Казаки подкрадывались тихо. Неприятели спали. По данному приказанию казаки с резким криком бросились на них. Разбуженные враги были поражены страхом неожиданности, они никак не предполагали близости тех, против кого воевали... они не могли ни схватить оружия, ни седлать лошадей, — казаки били их наповал. Вслед за тем Ивон с Валахами бросился на обоз с других сторон; тут неприятели уже окончательно растерялись; все приказывали, никто не знал, кого слушать, куда бросаться, и начали разбегаться врассыпную, покидая оружие; казаки и Молдаване повсюду заступали им дорогу и умерщвляли их. Только господарь Валахии, да с ним брат его, которого вели на престол, пользуясь всеобщим смятением успели сесть на лошадей, бросились в озеро, сообщаемое с Дунаем, и таким образом достигли другого берега Дуная и спас-

лись от гибели. Все войско было истреблено. Земля была усеяна горами трупов, оружием; ручьи крови шумели. Но радость о победе, замечает Фредро, едва могла заглушать досаду Ивона, когда он не нашел между павшими господаря Валахии и его брата Петра. Четыре дня победители простояли на поле победы; Ивон напрасно искал трупов главных врагов своих.

Победители вступали в Валахию, во владение врага Ивонова. Варварские обычаи войны в тот век извиняли самые неистовые злодеяния в неприятельском краю. Казаки и Молдаване опустошали поля, сжигали беззащитные города и селения, умерщвляли старых и малых, насиловали женщин и потом их убивали. Отовсюду испуганные Валахи разбегались; замки и крепости оставались без обороны, и победители занимали их, не теряя ни одного человека. Ивон хвалил свирепую ревность своих воинов и казаков, и сам поджигал их на неистовства, сам приказывал, для забавы, умерщвлять беззащитных подданных своего соперника.

Таким образом, свирепствуя в Валахии, то расходясь в стороны партиями, то сходясь в одно войско, Молдаване и казаки дошли до Браилова. Ивону донесли поселение, что там скрылся господарь со своим братом. Посреди города Браилова на берегу Дуная находилась сильная крепость, окруженная окопами, ровом и передовыми укреплениями. Ее высокие башни виднелись издали. Самый город был обнесен крепкой стеной. Подступивши к Браилу, союзники поставили обоз свой между гор в таком месте, где его не могли обстреливать с укреплений. Ивон послал коменданту письмо такого содержания: «Отдайте мне беглецов из Молдавии, заклятых врагов моих, господаря Валахии и брата его Петра, которые без всякой причины напали на меня войною, и, когда счастье им не послужило, убежали и спрятались здесь. Я желаю единственно отклонить опасность от головы своей, ибо природа и всем животным даровала заботливость о жизни. Если же не получу требуемого, то не отступлю от стен и силой буду брать их».

Комендант прислал к нему четырех Турков с ответом и вместе с тем с подарками: подарки были — десять пушечных ядер и две стрелы. Ответ его, по

известию Горецкого, был в следующих словах:

«Зная, что ты слуга султана Селима, не могу удовлетворить твоему желанию, ибо до моего слуха дошло, что ты поразил большое войско султана, которое вело на господарский престол Петра. Приказываю тебе немедленно отступить, а иначе угощу тебя и твоих вот этими лакомствами!»

Раздраженный Ивон приказал четырем посланцам обрезать носы и уши, и повесить их вниз головами в виду крепости, чтобы показать, какая судьба, по взятии Браилова, ожидает всех, кто в нем находится.

Вслед за тем, прежде чем осажденные могли приготовиться к сражению, казаки и Молдаване бросились с лестницами к стенам и с криком взобрались на них. Вмиг стены были проломлены — все войско посыпало в Браилов. Никому не было пощады, говорит современник: кровь зарезанных лилась ручьями в Дунай; убивали младенцев, отнимали их от материнских грудей. Четыре дня длились убийства; победители искали жертв во всех уютных местах, и не только живой души человеческой — собаки не осталось в городе. Наконец сами здания города были сожжены до основания.

Ивон и Свирговский осадил замок. В то время пришло известие, что 15 000 Турков идет на выручку Браилова. Казачий вождь представил Ивону необходимость продолжать осаду браиловской крепости, дабы не дать осажденным опомниться и ободриться, а сам вызвался идти против Турков. Ивон присоединил к его казакам около восьми или девяти тысяч Молдаван. Свирговский опять одержал победу; и обязан был ею своей расторопности, быстроте и умению кстати организовать войско. Только тысяча Турков спаслась бегством. Остальные легли на поле.

Беглецы спрятались в Тейн. Свирговский погнался за ними, но услышал, что около Тейны собираются свежие силы Турков и крымских татар. Казачий предводитель не решался броситься в опасность, когда видел возможность скорее быть побежденным, чем победить, и потому послал к Ивону, советуя ему на этот раз оставить Браилов и спешить к Тейне. Ивон, покорный во всем советам своего союзника, немедленно прибыл. Турецко-татарские силы были разбиты, Тейна взята и сожжена, жители обо-

его пола истреблены. У Горецкого этот факт представляется неясным: неизвестно, сражение с Турками и Татарами было прежде взятия Тейны или же после.

Восемь дней после того казаки и Молдаване стояли под разрушенными стенами Тейны, между тем шестьсот казаков отправились к Белграду, которого половину ограбили и сожгли. Но вот распространяется слух, что от Белграда движется новое турецко-татарское войско, и, не зная о близости неприятелей, идет в беспорядке. Оно, вероятно, или еще не слышало о поражении господаря Валахии, или же предполагало, что неприятели заняты осадой Браилова. Тогда казацкие старшины просили Ивоиа отправить их на Турков. Ивон, называя их своими покровителями, сначала отговаривал их от самого предприятия, но потом согласился и дал им 3 000 Молдаван.

Отправившись в поход быстрым шагом, Свирговский скоро дошел до места, откуда было недалеко до неприятельского стана. Здесь он организовал строй войска: он не перемешивал Молдаван с казаками, но, как и прежде, поставил первых позади, а последних впереди, разделив на три отряда: на правой стороне было четыреста лучников с луками, посреди — четыреста человек стрелков с круглыми щитами, а на левой четыреста копейщиков. Ряды Волохов замыкали строй сзади. В таком порядке войско стало против неприятелей. Турки, замечая, что число врагов не велико, бросились на них с отвагой и уверенностью. Свирговский приказал стрелкам дать по ним залп, потом правое крыло пустило на левое крыло турецкого войска град стрел, в ту же минуту копейщики спешили и пошли колоть Турков копьями. Турки были сбиты в толпу и тем давали возможность казакам разом поражать их. Наконец Волохи, по данному знаку, иалетели на конницу с криком. Конница обратилась назад и смяла пехоту: все побежало. Со стороны союзников убито, по уверению Горецкого, только три казака и 100 Молдаван; Фредро увеличивает число последних до 120. Ивон стоял издали и любовался поражением неприятеля. По окончании побоища ему привели, по сказанию Горецкого, двести, а по сказанию Фредро, двести пятьдесят человек. Господарь приказал их про-

вести через два ряда пехоты и изрубить. Сам предводитель турецкого войска был схвачен казаками: он был богат и предложил им большой откуп за себя. Фредро говорит, что он предлагал им золота весом вдвое больше против того, сколько весил сам, и втрое столько же серебра, и сверх того вагу жемчуга. Его благородный вид и гордая осанка,— говорит Горецкий,— могли бы возбудить сострадание, но толпа более ценила слово, данное Ивону; при том же казаки были обогащены добычей, а потому решились отдать его Ивону. Фредро говорит, что видя их неподатливость, он в отчаянии просил, по крайней мере, умертвить его, но не отдавать Ивону. Казаки и на то не согласились, и привели его к господарю. Ивон несколько дней расспрашивал его о положении турецких дел, наконец приказал изрубить его на куски.

После этой победы господарь с казаками двинулся к крепости Уссен, чтобы дать войску отдых. Между тем тайные друзья в Константинополе уведомили его, что новая, огромнейшая сила собирается на него. Он рассчитал, что все зависит от переправы через Дунай: если он успеет в пору преградить неприятелю путь через эту реку, отделявшую Молдавию от Турции, то самые огромные силы не могут повредить ему. Поэтому он обратил внимание на этот пункт и поручил стражу на Дунае старому другу своей юности, пыркалабу (коменданту) хотинскому Иеремие Чарнавичу: по известию Горецкого, он дал ему для того 30 000, а по известию Фредро только 12 000 войска, но самого отборного. Чарнавич должен был на левом берегу Дуная расставить караулы, которые обязаны были замечать явление Турков на противоположном берегу, следить за их оборотами и давать знать один чрез другого Чарнавичу, днем — посредством пушечных выстрелов, а ночью посредством зажженных огней.

Отправляя Чарнавича, Ивон с умилением целовал его, а Чарнавич, стоя на коленях, присягнул в верности.

Отрядивши Чарнавича, Ивон распустил свое войско для отдыха, приказав быть готовым по первому звуку трубы, твердо уверенный, что Чарнавич не дозволит Туркам переправиться через Дунай. В самом деле, говорит Фредро, скорее бы турецкий султан погиб, чем победил Ивона, если бы не погу-

била последнего измена. Чарнавич прибыл к Дунаю, и вскоре на противоположном берегу увидел огромные турецкие силы. Оба польские историка полагают число их до 200 000: Фредро говорит, что у них было до ста пушек. Горецкий поясняет, что пушки у них, как и у Волохов, были каменные. Сначала Турки попробовали было в нескольких местах начать переправу, но тотчас отступили, увидя на другом берегу войско, готовое препятствовать им. Паши разочли, что лучше достигнуть цели посредством золота. К Чарнавичу явились посланцы из турецкого войска, принесли ему в подарок 30 000 червонцев и просили прибыть на тайный разговор с господарем Валахии. Иеремия соблазнился подарками и продал свою присягу; он отправился за Дунай к господарю.

«Ты человек мудрый,— сказал ему господарь,— ты сам видишь и разумеешь, что Ивоиу невозможно удержаться на господарстве; он разгневал Селима, разбил его войско и заплатит за то, во что бы то ни стало, собственной головой, а господарство Молдавии достанется иному. Пока еще есть время приобрести себе расположение Селима услугами. Легко начать войну, а трудно вести ее, и та же сила недостаточна в конце войны, какая была достаточна в начале; начать можно как-нибудь, а окончить надобно непременно победой. Следует нам вступить в братство и дружбу: это лучше, чем воевать. Правда, Ивон рассыпает богатства, да не следует верного отметить для неверного. Ты уже получил 30 000 червонцев: скоро получишь более; наконец, если хочешь дружеского совета, то не должно тебе соединять своих добрых обстоятельств с дурными обстоятельствами Ивона. Позволь свободно перейти за Дунай Туркам, которых Селим посылает в огромном числе в Молдавию, чтобы поймать Ивона. Если этот край будет завоеван, то ты тогда получишь величайшие почести: теперь нужно только, чтобы переход через Дунай был скрыт до времени от Ивона, когда перейдем Дунай, тогда уже легко будет поймать мятежника, истребить его полчища, и в один час отмстить за прежние наши поражения».

Чарнавич, упоенный обещаниями, принял условия, воротившись на левый берег Дуная, снял караулы с берега и оставил Туркам свободную переправу.

Об этом свидании Чарнавича рассказывает один Горецкий; Фредро не упоминает о нем, а говорит, что Чарнавича искусили на предательство турецкие послы, заплатили 30 000 червонцев и обещали дать вдвое больше после переправы.

Когда турецкие силы переправившись через Дунай, Чарнавич отправился к Ивону с тем, чтобы заманить в погибель. Он известил его, что никак не мог преградить неприятелю путь через Дунай; но силы его еще пока могут быть сокрушены, если Ивон поспешит со своим войском. Горецкий говорит, что Чарнавич известил Ивона, будто Турков всего до 12 000, а Фредро говорит, что он назначил их число в 30 000.

Немедленно войско было собрано; Ивон с Молдаванами и казаками 9 июня 1574 года стоял за три мили от турецкого обоза и приказал окапываться шанцами. Господарь объявил, что все должны на завтрашний день ожидать битвы. Какое-то грустное предчувствие распространилось в обозе. Сами казаки, столь отважные, начали задумываться. Собравшись у Свирговского, сотники начали рассуждать о настоящем положении дел. «Волохи часто продавали свое отечество,— говорили казаки,— волохи по природе изменчивы, Иеремея подозрителен. Малый окоп может быть достаточен для того, чтобы удерживать неприятелей; не удивительно ли, что высокие берега быстрой и широкой реки не были достаточною преградой для них?»

«Мы готовы сражаться, не заботясь о жизни,— говорили другие старшины,— но нельзя идти на явную гибель, когда видим дурные распоряжения; непонятно, почему Ивон доверил такое важное дело Иеремею Чарнавичу, и не придал ему товарища, который бы мог быть и советником и вместе с тем стражем и свидетелем верности».

Они отправились толпой в шатер господаря.

«Достопочтенный господарь! — сказал Свирговский. — До сих пор мы были тебе верны, и вместе с тобой сражались против свирепого неприятеля; ты сам знаешь, где и чего мы заслужили. Теперь опять готовы сражаться за тебя до последней капли крови, и враг только по нашим трупам может взойти в Молдавию. Но мы видим необходимость исследовать и обсудить наше положение; бросившись в сечу, не зная ни числа, ни планов неприятеля, мы можем

попасть в такую засаду, где нас истребят, как стадо скотов. Итак объясни нам, как ты думаешь сражаться с врагом».

«О, мужественные рыцари, милейшие мне более собственной жизни,— сказал Ивон,— знаю я доблесть вашу, помню ваши поступки в продолжение всей войны. Никогда не ввергну я вас на погибель неприятелю и не позволю торжествовать неприятельским замыслам. Недалеко отсюда стоит Чарнавич: он встретил врага и изведal все его намерения. Я никому не мог столь охотно доверить важного этого дела, как тому, который оказывал мне верность в самых труднейших обстоятельствах жизни; был товарищем моего изгнания и скитальчества. Он сам донес мне, что Турков не более 15 000, да если бы их было и 30 000, то мы можем ополчиться на них с Божьей помощью».

«Я советую тебе, господарь,— сказал Свирговский,— пока удержать войско на одном месте, а мы, казаки, отправимся на неприятеля, поймaем кого-нибудь из их обоза и узнаем достоверно о числе и планах Турков».

Ивон согласился и дал им шесть тысяч молдаванской конницы.

Они наткнулись на шесть тысяч отборной турецкой конницы, содержавшей передовой караул. Казаки и Молдаване вступили с ними в битву и разогнали. К несчастью, в руки их попался только один пленник, и тот был смертельно изранен. Он уверил их, что Турков ничтожное число, и тотчас испустил дыхание. Казаки поняли, что он солгал.

«Нет сомнения,— сказал Свирговский, вновь явившись в шатер Ивона,— что неприятели пришли несравненно в числе большем того, какое тебе сказал Чарнавич. Это видно ясно из того, что мы встретили такую огромную передовую стражу. Господарь! Советуем тебе подумать о себе и убедиться собственными очами в верности Чарнавича».

Ивон отвечал им:

«Нечего бояться; я знаю, кому верить. Мы скоро узнаем о числе неприятелей. Я пришел сюда для того, чтобы до последнего дыхания охранять отечество от врагов».

Ивон расположил свой обоз близ озера, вытекающего из Дуная. Всего войска у него, кроме рабочей

прислуги, было 30 000. Он разделил его на тридцать рядов: перед каждым рядом поставлены были каменные пушки, которых числом всем было восемьдесят. Пехота была отделена от конницы. Лучшее его войско в числе 13 000 конницы находилось у Чарнавича пехота, которая была в обозе, большей частью состояла из поселян, вооруженных косами и киями. Многие из них, привязанные к Ивону, который умел вообще заслужить расположение простонародья, просили его находиться при казаках как при лучшем войске.

В то время, когда Ивон строил в боевой порядок войско, Турки не показывали своих сил, скрытых за близлежащим возвышением. Ивон устройством войска всходил один раз на холм и не увидел ничего. Окончивши построение, он снова взобрался на тот же холм и увидел огромнейшие полчища.

Измена Чарнавича стала для него очевидна.

Ивон закричал, чтобы к нему привели Чарнавича. Но посланный воротился к господарю без Чарнавича и объявил ответ Чарнавича, что он не может явиться, потому что сейчас вступает в битву с Турками за своего господаря.

В самом деле пред глазами Ивона, следившего за движением Чарнавича, последний повел свой отряд на Турков.

Но едва только обе стороны обменялись ударами, как вдруг по приказанию Чарнавича весь отряд понижает знамена, бросает копья и мечи, снимает шлемы и преклоняет головы. Вероятно, изменник привел своих воинов в такое положение, что они были окружены со всех сторон и как будто принуждены были сдаться. Таким образом Чарнавич мог обмануть своих подчиненных, которые тогда думали, что не измена, а необходимость заставила полководца приказать им положить оружие.

Войско Ивона, при виде предательства, пришло в смятение — отступило назад. В отчаянии Молдаване кричали, что все пропало. Но Ивон не упал духом, ободрял унывающих и приказал ударить на Турков. Турки поставили впереди своих рядов изменников-Молдаван, передавших к ним. Увидя это, Ивон приказал направить преимущественно на них орудия. Они все погибли, но Турки, защищаясь их грудями, успели дойти до неприятельского войска.

Тогда Свирговский ударил на них сбоку. Турки начали бежать. Но опытный казацкий вождь тотчас заметил, что это делается с хитростью, что Турки хотят заманить врага в засаду, под выстрелы своих пушек. Казаки не погнались за ними.

Снова турки бросились на Молдаван, и началась кровопролитная сеча. Падали с лошадей турецкие и молдавайские мужи,— говорит современник: пыль и дым закрывали клубами солнце; нельзя было слышать человеческого голоса; пушкарни не видали, куда направлять выстрелы. Ивон, не теряя ни на минуту бодрости, громким голосом дает команду своим воинам. Турки подались назад, поражаемые выстрелами каменных молдаванских пушек. В эту минуту так походило на поражение Турков, что даже жители лежавшего за Дунаем города Облачина, смотря с высоких стен на битву, собирались убежать, думая, что враги по следам разбитых Турков появятся на правом берегу Дуная.

Но вдруг свод небесный затмился, загудела порывистая буря, и вслед за нею пролился дождь.

Это был неисправимый удар для Молдаван. Дождь подмочил порох, и пушки не могли более действовать.

Когда стало проясняться, Турки и Татары, раздраженные бывшей неудачей, ударили на Молдаван с ужасным бешенством. Густой толпой понеслись они на пушки, которые уже не стреляли: враги врзались в ряды Волохов, и Волохи побежали. Мусульмане гнались за ними и резали растерянных, как стадо. Казаки храбро погибали в битве; от тысячи двухсот осталось их только двести пятьдесят.

К казакам ехал Ивон, неся в руках знамя, которое служило для войска знаком, куда всем собираться. Молдавская пехота толпилась в беспорядке, убегая с поля. «Одно присутствие духа,— кричал на Молдаван Ивон,— одно только может избавить нас от опасности».

Он обратился к казакам.

«Вижу, доблестные мужи, что измена Чарнавича привела нас к гибели; но где ваши тела полягут под неприятельскими мечами, там и я положу свое тело, а душа полетит к небу».

«Смерть неизбежна, Ивон,— отвечал Свирговский,— смерть — достойная рыцарей; я не страшусь

ее, лишь бы только головы наши были отомщены; но чтобы не радовались эти псы, враги христианства, отступим далее, пока есть возможность!»

Казачи сошли с коней и смешались с рядами пехоты; сам господарь оставил коня и шел вместе с простыми воинами. Казачи начали тянуть за собой пушки и успели стащить их до шестидесяти; Ивои при этом показал такую телесную силу, что один потянул пушку, которую едва двенадцать человек могли сдвинуть с места,— говорит Горецкий. Значительная часть пушек была набита большим количеством пороха и покинута в надежде, что Турки вздумают стрелять из них, и они разорвутся со вредом для стреляющих.

К вечеру 9 июня, за тысячу шагов от побоища, Ивои остановился на развалинах недавно сожженной деревни. У него оставалось еще двадцать тысяч пехоты. Он приказал окапываться и сделал гибельную ошибку — в окопах не было воды. Вечером 10 июня турецкое войско появилось в таком огромном числе, что взор не мог проследить конца его рядов. Ночью, кругом по горизонту, поднялось пожарное зарево. Турки жгли соседние села, чтоб отнять у неприятелей продовольствие.

На заре 11 июня Турки начали стрелять в молдавский обоз, но ядра не достигали цели: обоз был очень высок. Напротив, молдавская пехота, стоя на валах, стреляла в них метко из огнестрельного оружия и луков. Так прошло три дня.

13 июня явились посланцы от главного предводителя турецкого войска в обоз молдавского господаря.

Они предложили ему сдаться на милосердие Турков, положить оружие и не подвергать более напрасной опасности ни своих, ни турецких воинов.

Ивои отвечал:

«Несомненно вижу, до какого положения я приведен, однако есть у меня еще мужественная пехота,— могу вам нанести поражение; но во всяком случае моя судьба решена, и потому не отказываюсь сдаться, но только тогда, когда предводители поручатся во моей целости и сѣдымикратно утвердят присягой те условия, какие предложу им я сам».

Он послал послов за окопы, а сам собрал на совет Волохов и казаков.

«Печален для нас настоящий день, мужественные рыцари,— сказал он, — нам остается или сдаться, или умереть в этих окопах. Каков будет ваш совет: сдаться ли нам, или запереться в обоз и приготовиться к неизбежной смерти, или, наконец, вступить в славную битву и погибнуть, нанести вред неприятелю. Смерть, во всяком случае, есть предел страданий; смерть освобождает тело от мучений, очи — от взирания на то, что возбуждает негодование; смерть переносит нас в вечность, где мы будем созерцать лицо Божие».

«Смерть для нас, Ивон,— отвечал Свирговский,— никогда не была и не будет страшна, но если ты решился ударить по неприятелю, мы с большей охотой падем со славою, чем взятые в неволю, окончим жизнь среди мук и поруганий, тем более, что нельзя доверять клятве, данной неверными христианам».

Так думали казаки, но Волохи предпочитали принять условия, если только они будут сносны; в противном случае изъявляли готовность положить головы в битве.

Ивон некоторое время колебался, наконец решился сдаться: к этому его побудило особенно то, что воины его должны были изнывать от жажды в окопах, где не было ни капли воды.

«Лучше мне отдаться в руки врага,— сказал он,— и перенести жребий, какой меня ожидает, нежели по моей вине будут умирать тысячи народа. Буду медлить ответом послам, пока они не согласятся присягнуть на условия, которые я подам им, а когда присягнут, тогда положим оружие».

Он позвал турецких послов и сказал: «Я сдаюсь, если каждый из ваших вождей и начальников семь раз присягнет на следующие условия: во-первых, даровать свободный возврат казакам через Днестр; во-вторых, меня самого целого и невредимого, доставить Селиму-султану, моему государю. О Волохах я не говорю: они подданные султана и должны быть ему верны. Если вы нарушите их свободу или будете их убивать, вред от этого будет султану или тому, кого он назначит правителем Молдавии».

Тогда отправились в турецкий обоз послы Ивона, и в присутствии их турецкие предводители семикратно присягнули хранить предложенные условия. После того турецкие вожди приблизились к молдаванскому

обозу и приглашали Ивона в свой обоз, как приятеля.

Ивон пошел к ним; его провожали казацкие вожди и Волохи.

«Если всемогущему Богу угодно предать меня в руки ваши,— сказал Ивон турецким старшинам,— то я прошу вас, во имя веры вашей и воинской чести, которой вы поклялись, даровать казакам с их лошадьми и движимостью свободный возврат: они достойны уважения и почтения всех народов. Если же вы против них ожесточены, то отмстите им на мне, я готов все перенести за них».

Он оборотился и сказал:

«Тяжелая судьба разлучает меня с вами, а потому каждому из вас даю эту десницу и уверяю, что пока останется дух в этом смертном теле, до тех пор ваше имя буду сохранять в благодарной памяти».

Ивон прощался с Волохами, раздавал им золото и драгоценности, потом опять обратился к казакам, раздал им все свое оружие и сказал:

«Если бы горсть ваша была вдвое более или по крайней мере была цела, не сомневаюсь, что, при Божьей помощи, я бы избавился от этих неверных псов и выгнал бы их с земли, которую мне Бог назначил. Теперь, если Бог меня избавит от жестоких и свирепых врагов, и если паши, как поклялись, приведут меня к Селиму, я могу поклясться, что опять возвращусь в Молдавию. Прошу вас сохранить меня до того времени в памяти. Тогда я дам важнейшие места в моем владении людям вашего племени, и все, что после меня останется,— будет ваше; верность, мужество и непоколебимость ваша мне известны. Возьмите теперь эти драгоценности в награду удивительной вашей преданности, которую вы мне оказали. Вечно сохраню благодарность в сердце; клянусь Творцом-Богом, которому вас поручаю».

Раздавши оружие казакам, он отправился в турецкий лагерь. Это происходило 14 июня 1574 года.

Его привели к главному предводителю Капуд-паше. Во время разговора с ним Ивон резкими выражениями вывел его из себя: паша ударил господаря мечом. Тогда янычары бросились на него и отрубили ему голову. Тело Ивона привязано было к двум верблюдам и разорвано пополам, а голову вложили на копье. Его кровью,— говорили Горецкий и Фредро,— Турки намазывали острия своих мечей, думая чрез

то получить силу и мужество Ивона. Горецкий прибавляет, что эту кровь они давали лизать своим лошадям, думая, что чрез это лошади приобретут бодрость и живость, а кости Ивона употреблены были на оправу оружия.

По смерти Ивона, Турки бросились на Молдаван, вышедших из обоза, и истребляли их без разбора. Видя предательство, казаки, не надеясь на возможность возврата, хотели было броситься снова на окопы, но они были заняты врагами. Тогда, построившись в ряды, они решились отразить нападение к удивлению Турков. Несмотря на данную присягу, Турки бросились на них с оружием. Почти все казаки, сражаясь геройски против несравненно большего числа врагов, погибли: только немногие попались в плен. Горецкий называет последних по именам: это были — Свирговский, Козловский, Сидорский, Янчик, Копытский, Залесский, Решковский, Соколовский, Либишовский, Цишовский, Суцинский, Богшицкий. Турки пытались обратить их в мусульманство, именем Селима обещая им богатства.

«Лучше мы будем влачить бедственную жизнь,— отвечали они,— чем пользоваться богатством на пагубу души».

Это благородство тронуло врагов. «В целом польском королевстве,— сказали они,— нет подобных вам воинственных мужей».

«Напротив,— отвечали казаки,— мы самые последние, между своими нет нам места, и потому мы пришли сюда, чтобы или пасть со славой, или воротиться с военной добычей».

Горецкий гоаорит, что они были выкуплены от родственников за огромные деньги. Но конец Свирговского изображается не так русскими источниками. Все южно-русские летописи согласно утверждают, что Свирговский не возвратился в отечество. Миллер говорит, что Турки запросили за него такую огромную сумму, что в Украине не нашлось людей, которые бы согласились истощать за него свое состояние. Украинские летописи глухо повествуют, что после нескольких (именно четырнадцати, по Самовидцу) счастливых сражений, он, чрез измену, потерпел поражение и погиб со всем войском. Ко-нисский («Повесть о том, что случилось на Украине») и одна ненапечатанная летопись прямо говорят, что

Свирговский погиб под Килией.

Народная песня описывает плачевный конец гетмана и тоску о нем в Украине таким образом:

Яко того пана Ивана
Шчо Свирговского гетмана
Та як бусурмане поймали,
То голову ему рубали,
То голову ему рубали,
Та на бунчук вешали,
Та у сурьми вигравали.
З его глумовали.
А з низу хмара стягала,
Шчо воронив ключа набигала
По Украине тумани слала,
А Украина сумовала,
Своего гетмана оплакала.
Тоди буйии витры завнвали:
— Дежь ви нашего гетмана сподвнвали? —
Тоди кречети иалиталн:
— Дежи ви нашего гетмана жалковали? —
Тоди орлн загомонили:
— Деж ви нашего гетмана схоронилн? —
Тоди жайворонки появилнся:
— Деж вы з иашим гетманом протилнся?
У глубокой могилы,
Биля города Килии
На турецкой линни.

1855 г

**Аннотированный указатель собственных имен,
географических названий и специальных терминов**

А

Августин, Святой, прозванный «блаженным» (354—430), епископ из Гиппона (Северная Африка), один из первых христианских богословов, автор многочисленных трудов по философии и морали; наиболее известный из них «О граде Божьем» в 22 томах.

Аккерман, турецкое название древнего города Тир, расположенного на правом берегу Днестровского лимана, образуемого при впадении Днестра в Черное море; молдавское название города — «Четатя албэ» («Белая Крепость»); ныне Белгород-Днестровский, Одесской области, Украинской ССР.

Александр Добрый, господарь Молдавии (1400—1432), крупный государственный деятель, укрепивший централизованную власть господаря и международный авторитет недавно созданного Молдавского княжества, обеспечивший экономический расцвет страны; при нем к Молдавии были присоединены Покутье и Килия.

Александр Лэпушнян, господарь Молдавии (1552—1561, 1564—1568).

Александри Василе (1821—1890), классик молдавской и румынской литературы, фольклорист; ему принадлежат первые публикации народной поэзии.

Арон, господарь Молдавии по прозвищу «Тиран» (1591—1595), сын Александра Лэпушняна.

Асаки Георге (1788—1869), классик молдавской и румынской литературы, просветитель, основатель многих культурных институций в Молдавском Княжестве (театра, школ, периодической печати и т.д.).

Асень II, правитель румынско-болгарского царства (1218—1241); до него царями этого государства были: Симеон (893—927) и братья Асень I, Петр и Ионицэ (1186—1207).

Б

Балинский Миханл (1794—1863), польский археолог и историк.

Бан, титул военачальников или губернаторов юго-восточных провинций Венгерского королевства; в Молдавии и Мунтении один из высших боярских чинов.

Бандтке Георгий-Самуил (1769—1835), польский историк и библиограф, профессор и библиотекарь в Кракове, автор ряда работ по истории польского народа, типографского и библиотечного дела в Польше.

Бар, город в Винницкой области Украинской ССР; до XVI века укрепленный город Бар носил название Ров; в середине XVII века неоднократно опустошался татарами и поляками.

Баронч, армянский историк, живший в Польше во времена Яна Собеского (короля Польши); надеялся на его помощь в деле возрождения Великой Армении.

Басарабы, славян династия господарей Мунтении.

Басараб I, разгромив в 1330 г. войско венгерского короля Карла Роберта, добился независимости Мунтянского княжества.

Басараб Нягое, высоко образованный господарь Мунтении (1512—1521), известен «Поучениями своему сыну Феодосию».

Бастард, ребенок, рожденный от родителей, не состоящих в официальном браке.

Баторий Стефан (1533—1586), воевода Трансильвании (1571—1576), затем король Польши (1576—1586).

Баумгартен Александр Готлиб (1714—1762), немецкий философ, предложивший выделить эстетику как особую область философии.

Башибузуки, солдат нерегулярных частей турецкого войска.

Бая, крупный административный и торговый центр Молдавского княжества в XIV и XV вв.; расположен в долине реки Молдова к югу от города Сучава; в 1465 г. Стефан Великий разбил у Баи венгерское войско под командованием Матвея Корвина.

Беглербей, губернатор провинции в Османской Турции.

Бей, титул мелкого вассального князя.

Белдимаи Александр (1760—1826), молдавский писатель и общественный деятель; автор исторической повести «Печальная трагедия Молдавии».

Бельский Мартин, польский летописец XVI века, автор «Польской хроники», содержащей сведения об Ионе-Воеводе.

Бендеры, город в Молдавской ССР на берегу Днестра; с XIII века крупный торговый центр; Бендерская крепость построена генуэзцами в XIV—XV вв. В начале XVI в. город и крепость были захвачены турками; до этого носил название Тигии или Тигнна.

Бернатович Феликс (1786—1836), польский писатель, автор романа «Поята» (1826) с ужасающими сценами зверства и распутства.

Богдан-Воевода, господарь Молдавии (1359—1365), основатель самостоятельного Молдавского княжества; руководил восстанием молдаван против наместников венгерского короля, пользовавшегося поддержкой папы римского.

Богдан Кривой, господарь Молдавии (1504—1517), сын Стефана Великого, воевал с поляками, мунтянами и татарами.

Богухвал (ум. 1253), польский летописец, автор «Польской хроники» с описанием событий до 1252 г.

Бодье Мишель (1589—1645), автор «Всеобщей истории турков...» (1617), включающей главу об Ионе-Воеводе.

Болинтиняну Дмитрий (1826—1872), румынский писатель и политический деятель, участник революции 1848 года; известен своими патриотическими балладами, в которых воспеваются борьба против турецкого гнета.

Боллиак Чезар (1813—1881), румынский поэт и публицист, участник революции 1848 года; главный редактор литературно-политической газеты «Бучумул», издававшейся вначале в Париже (1857), а затем в Бухаресте, в которой сотрудничал и Б. П. Хашдеу.

Браила, портовый город в нижнем течении Дуная; в прошлом крупный торговый центр и крепость, подвластные туркам.

Брацлав, поселок городского типа в Винницкой области Украинской ССР; с XIV века известен как крупный оборонительный пункт южных границ Польши; в 1552 г. был разрушен крымским ханом Девлет-Гиреем.

Брунн Генрих (1822—1894), немецкий археолог и историк-искусствовед, автор «Заметок» о древней топографии Бессарабии.

Буздуган, булава, символ верховной власти в Молдавском княжестве.

Бучум, пастуший рог у молдаван.

Бушон Жан-Александр (1791—1849), французский историк, автор «Хроники завоевания Константинополя, написанной в первые годы XIV века» (1825).

Бэлческу Николае (1819—1852), известный румынский историк и политический деятель, один из руководителей революции 1848 года в Мултинии, автор труда «Вооруженные силы и военное искусство Мултинского княжества с его основания и до наших дней» в 5 томах.

В

Вайан, преподаватель и директор лицея Святого Саввы в Бухаресте (1829), француз по происхождению, автор ряда научных работ по истории Румынии.

Валленштейн Альберт (1583—1634), полководец германской императорской армии в Тридцатилетней войне (1618—1648).

Варлаам (1590—1657), митрополит Молдавии (1632—1653), видный культурный деятель, автор первой печатной книги на молдавском языке «Казания» (сборник проповедей и жития святых), напечатанной в 1643 г. в Яссах, в типографии, организованной им в 1642 году с помощью Киевского митрополита Петра Могилы; затем «Уложения Василе Лупу» (1646) — первого гражданского кодекса Молдавского княжества.

Варшевицкий Христофор (1543—1603), польский писатель, историк и политический деятель.

Варфоломей, святой, празднуется 24 августа. В ночь на 24 августа 1572 года, оставшейся в истории под названием Варфоломеевской ночи, католики, вдохновляемые Екатериной Медичи и герцогом Гизом, организовали в Париже массовую резню протестантов-гугенотов.

Ватав, командующий подразделением в 500 человек в армии Молдавского княжества.

Вассыф эффенди (1740—1806), турецкий историк и министр иностранных дел, автор истории Османской империи за период с 1751 по 1774 гг.

Веранцио Антон (1504—1573), венгерский историк, автор работ по истории Дунайских княжеств в XVI веке.

Вижнер Блез (1523—1596), французский историк, автор книги «Описание Польского королевства и смежных с ним стран», изданной в Париже в 1573 г.

Винтила, господарь Муитени в 1574 г., брат муитянского господаря Михая Храброго.

Вилькинсон В., английский историк, автор «Исторической, географической и политической картины Молдавии и Валахии», изданной в 1842 году в Париже в переводе на французский язык.

Вистерник, высший боярский чин в Молдавском княжестве; в его ведении находились государственная казна и все финансовые дела княжества.

Вишневский Михаил (1794—1865), польский писатель и литературовед; его «История польской литературы» — богатейший труд по истории польского просвещения.

Войчицкий Казимир (1807—1879), польский писатель и историк, издатель сборников народной литературы; Б. П. Хашдеу ссылается на опубликованную им «Молдавскую хронику 1566 года».

Вольф Фридрих Август (1759—1824), немецкий историк, основатель науки о древностях; в «Прологоменах к Гомеру» (1795) он отрицал существование единого автора «Илиады» и «Одиссея».

Вранча, гористая местность в Карпатских горах, на юго-западе Молдавского княжества (ныне СРР).

«**Второе мая**». Речь идет о 2-м мая 1864 года, когда первый господарь объединенных княжеств Молдавии и Мунтении, Александр Куза распустил реакционное законодательное собрание, после чего провел ряд буржуазно-демократических реформ против воли крупного боярства.

Г

Габсбурги, династия, правившая в так называемой «Священной римской империи германской нации» с XIII в., в Испании в XVI—XVII вв. и в Австро-Венгрии с 1867 г.

Галата, монастырь, построенный молдавским господарем Петром Хромым в 1578—1579 гг. вблизи города Яссы (СРР).

Гаммер-Пургшталь Йозеф (1774—1856), австрийский востоковед и дипломат Османской империи (1797—1807), автор многих сочинений, содержащих подробные сведения по лингвистике, литературе и истории восточных народов, среди них «Истории Османской империи» в 10 томах.

Гегбарди Людвиг-Альбрехт (1735—1802), немецкий историк и архивариус, автор ряда работ по истории Молдавии, Мунтении, Трансильвании, а также по всемирной истории.

Гейденштейн Рейнгольд (1556—1620), польский историк, секретарь королей Стефана Батория и Сигизмунда III; его труды во многом посвящены истории русско-польских отношений.

Генрих де Валуа (1551—1589), король Польши (1573—1574) и король Франции (1574—1589), последний из династии Валуа; был убит католиками за поддержку гугенотов.

Гиббон Эдуард (1737—1794), английский историк-просветитель, автор шеститомной «Истории упадка и разрушения Римской империи» (1776—1788), над которой работал около 20 лет.

Гизо Франсуа Пьер Гильом (1787—1874), французский историк, автор трудов по истории Франции и Европы в целом.

Горецкий Леонард (ок. 1525—ок. 1582), польский историк, автор работы о войне Иона-Воеводы с турками, изданной на латинском языке в 1587 году.

Грациани Антуан-Мария (1537—1611), итальянский историк, автор исследования о молдавском господаре Ионе Якобе Ераклиде, больше известном в истории под именем Деспота-Воеводы.

Гуагнини Александр (1538—1618), польский писатель, сопровождавший Стефана Батория в его войнах.

Гынсары, старое название гусаров в молдавской армии XV—XVII вв.; при Стефане Великом — кавалеристы-наемники.

Д

Дакия, гето-дакийский племенной союз, достигший наибольшего могущества в первой половине I века до н. э. во главе с Бурбистой и во второй половине I века н. э. при Децебале. В 105—106 гг. Дакия была завоевана римлянами.

Данковский Грегор (1786—1857), венгерский историк и филолог, автор трудов по истории венгров и славян.

Девлет-Гирей, крымский хан (1551—1577), вассал Турции; совершал набеги на русские земли, в том числе на Москву в 1571 году.

Длугош Ян (1415—1480), польский историк; его «История Польши» в 12 книгах отличается широким использованием исторических и архивных материалов; впервые была опубликована в оригинале на латинском языке лишь в 1711 г.

Добруджа, область Румынии между нижним Дунаем и Черным морем.

Догель Матвей (1715—1760), основоположник польской археографии.

Доколина, приток реки Бырлад в центральной части Молдавии; здесь в 1577 году Ион Подкова нанес поражение молдавскому господарю Петру Хрому.

Драгашаны, небольшой город в западной части Мунтении; центр района, славящегося своими винами (ССР).

Драгош, согласно исторически неподтвержденной легенде он с небольшим войском в 1352 году перешел Карпаты из Мамуреша, разбил татар и основал Молдавское княжество, подчинив его венгерскому королю.

Дымбовица, река в Мунтении, левый приток реки Аржеш, впадающей в Дунай; на Дымбовице расположен г. Бухарест, в прошлом столица Мунтении, а теперь столица Социалистической республики Румыния.

З

Зубрицкий Денис (1777—1862), галицийский историк и архивариус, автор истории г. Львова.

И

Ион Новый Трапезундский, коммерсант родом из Трапезунда; в 1332 году, прибыв в Белую Церковь (Акиерман), был убит татарской стражей. Согласно легенде, при кончине Иона раздались ангельские песни, что побудило народ объявить его святым. В 1402 году господарь Молдавии Александр Добрый перевез мощи Иона в Сучаву.

Исакача, город на севере Добруджи, известный также под названием Облучица. Расположен возле удобной переправы через Дунай в Бессарабию.

Истванфи Никола (1535—1615), венгерский историк, автор многотомной истории Венгрии с 1490 по 1605 год.

Истр, древнегреческое название реки Дунай.

К

Кагул, озеро длиной более 20 км. при впадении реки Кагул в Дунай.

Каймакан, исполняющий обязанности главы государства в его отсутствие: господарей — в Дунайских княжествах; великого визирия в Турции.

Камерариус Иоахим (1500—1574), немецкий историк, филолог, известный своими переводами на латынь греческих авторов и оригинальными трудами по современной ему истории.

Кантемир Дмитрий (1673—1723), классик молдавской литературы, ученый-энциклопедист, господарь Молдавского княжества (1710—1711), автор ряда трудов по истории Молдавии и Османской империи; после переезда в Россию (1711) занимал при Петре I ответственные посты в управлении государством.

Карташ, село на юге Бессарабии на берегу Дуная напротив города Исакача в Добрудже (ССР).

Качула, меховая шапка из овечьей шкурки, которую не сят молдаване.

Ключер, высший боярский чин в феодальном Молдавском княжестве, в ведении которого находились все кладовые княжеского двора.

Кодрян, кодрянка, жители лесного района Кодры (лесв) в центре Бессарабии.

Конисский Георгий (1718—1795), историк и писатель, белорусский архиепископ, поборник православия в борьбе с унией; его долгое время считали автором очень популярной в свое время «Истории руссов» (1846).

Козминские леса, в Черновицкой области Украинской ССР; здесь в 1497 году Стефан Великий разгромил польскую армию.

Колоу, северная окраина города Яссы (ССР).

Костин Мирон (1633—1691), молдавский летописец, дипломат и политический деятель.

Крузиус Мартин (1526—1607), немецкий историк и филолог, автор труда о Греции XIV—XVI вв.

Койер Габриель-Франсуа (1707—1782), французский писатель, автор книги о польском короле Яне Собеском.

Л

Лапушна, крупный административный и торговый центр Молдавского княжества; ныне село в центральной части Молдавской ССР.

Ланге Юбер (1518—1581), французский писатель и дипломат. Его обширная корреспонденция, 240 писем, (1559—1581) содержит исключительно ценные сведения по истории XVI века.

Ласицкий Иоани (1534—?), польский историк, изучавший, в основном, современные ему войны Польши и Дунайских княжеств.

Лауриан Август (1810—1881), румынский ученый историк и филолог.

Липник, село на севере Молдавского княжества, вблизи которого Стефан Великий разбил татар в 1470 году.

Липсий Юстус (1547—1598), европейский филолог, специалист по римским древностям.

Логофет, самый главный боярский чин; управитель церковных и земельных дел в Молдавском княжестве.

М

Мамелюки, невольники турецкого, черкесского и грузинского происхождения, составлявшие султанскую гвардию в Египте в XII—XIII вв.; высшие слои мамелюков, превратившиеся в феодалов, захватили власть в Египте в 1250 г. и правили до завоевания Египта турками в 1517 г.

Матка без жала, образное выражение; заимствованное Хашдеу у летописца Григоре Уреке, который воспринял учение польской знати о том, что господарь должен походить на пчелиную матку, то есть править, ничем не нарушая прав и привилегий бояр.

Мельци Лун (ум. 1617), итальянский ученый, автор работы о военном искусстве, в особенности о тактике кавалерии.

Милков, небольшая река, берущая начало в горах Вранчи (Карпаты) и спадающая в реку Серет (СРР), с конца XV и до середины XIX века граница между Дунайскими княжествами Молдавией и Мунтенией.

Миллер Герард-Фридрих (1705—1783), немецкий историкограф, переехавший в 1725 году в Россию; автор многочисленных исторических трудов на немецком и русском языках; среди них и «Известие о запорожских казаках» (1760).

Миньо Винцент (1730—1790), французский историк, племянник Вольтера, автор «Истории Османской империи» (1771).

Мирча Великий, господарь Мунтении (1593—1601).

Морери Лун (1643—1680), французский ученый, автор уникального «Исторического словаря» (1712).

Мошь, ярмарки с народными гуляниями, проводившиеся ежегодно в Румынии.

Мунтения, одно из Дунайских княжеств, известное в истории также под названием Валахии и Румынской страны («Цара Ромыняскэ»); объединившись в 1859 году с Молдавским княжеством, образовало новое государство Румынию.

Н

Некулче Ион (1672—1745), молдавский летописец, продолжил летопись Мирона Костина.

Несецкий Каспер (1682—1743), знаменитый польский геральдик, автор десяти томника «Рыцарские гербы и фамилии» (1839—1846).

Нижняя Молдавия. В 1435 году по соглашению между сыновьями и наследниками господаря Александра Доброго, Ильей и Стефаном, Молдавское княжество было разделено на две части: Верхнюю и Нижнюю Молдавию с двумя господарями. В 1443 году единство Молдавского княжества было восстановлено, а для управления этими двумя частями княжества господарь назначал великих воевод.

О

Обертин, населенный пункт в Покутье, вблизи которого молдавский господарь Петр Рареш потерпел поражение от поляков 22 августа 1531 года.

Око, старинная мера веса и жидкостей; в Молдавии одно око равнялось 1,291 кг. или 1,288 литра.

Окольский Симон (1580—1653), польский историк, проповедник, родом из Каменец-Подольска, автор геральдического сочинения о польской шляхте.

Олт, река, берущая начало в Трансильвании и пересекающая Карпаты в южном направлении, левый приток Дуная.

Онасандер (I век н. э.), его наставления военачальникам были переведены с греческого на русский язык и изда ны, с примечаниями и таблицами, в Петербурге (1828) бароном Ф. Стуартом.

Оргеев, крупный административный и торговый центр Молдавского княжества в средние века; ныне город в центральной части Молдавской ССР.

Оржельский Святослав (1549—1598), польский общественный деятель при дворе Стефана Батория и Сигизмунда III. Его записи содержат ценные указания на тайные пружины тогдашних событий в Польше.

Оржеховский Станислав (1513—1566), польский богослов, публицист и историк.

П

Падура Тымко (1801—1871), украинский поэт, историк; многие из его поэтических произведений посвящены запорожским казакам, в том числе гетману Свирчевскому.

Палацкий Франтишек (1798—1876), чешский историк, профессор Пражского университета.

Папиу-Илариан Александр (1828—1878), румынский историк родом из Трансильвании, автор «Истории румын в Северной Дакции» (1851—1852); составитель трехтомника документов по истории Румынии (1862—1864), в который он включил произведения польских историков Горецкого, Ласницкого и Попроцкого об Ионе-Воеводе.

Папроцкий Варфоломей (1543—1614), польский историк, поэт, публицист, геральдик. Первым его большим трудом было стихотворное описание именитых польских, русских и валашских родов (1575).

Парута Поль (1540—1598), итальянский историк, автор книги по истории Венеции.

Пашковский Мартин (ум. 1620), польский поэт, перелагавший в стихах исторические события.

Петр Рареш, господарь Молдавии (1527—1538, 1541—1546), сын Стефана Великого.

Петр Хромой, господарь Молдавии (1574—1579, 1582—1591).

Петр Черчел, господарь Мунтении (1583—1585), сын господаря Мунтении Петрашку Доброго.

Покутье, старинная область на юго-западе Галиции, расположенная между рекой Черемош и реками Прут и Днестр в верхнем их течении.

Прай Георг (1724—1801), венгерский историк, автор трудов по истории Венгрии, Молдавии и Валахии.

Прут, река, берущая начало в северной части Карпат; протекает вдоль границы Молдавской ССР с Румынией и впадает в Дунай у города Рени.

Пыркалабы, военные коменданты городов и крепостей, а также правители близ расположенных волостей в Молдавском княжестве.

Р

Раду Воевода, господарь Мунтении, согласно легенде, ее основатель в начале XIV века.

Ракова, селение в центральной части Молдавского княжества, где Стефан Великий одержал победу над турками в 1475 году.

Рейхерсдорф Георг (XV—XVI вв.), историк и дипломат, родом из Трансильвании; посол Трансильванского княжества при молдавском господаре Петре Рареше, автор работ по истории Молдавии и Трансильвании в XVI веке.

Ригельман Александр Иванович (1720—1789), русский историк, генерал-майор, известен своим «Летописным повествованием о Малой России», составленным им в 1778 году, но впервые опубликованном лишь в 1848 г. в «Чтениях» Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете.

Рико Поль (ум. 1770), английский дипломат и историк, автор труда по истории Османской империи.

Роман, город в западной части Молдавского княжества.

Руджиери Константин (1714—1766), итальянский филолог, занимавшийся изучением древностей.

С

Самовидец (ум. ок. 1702), автор «Летописи Самовидца», опубликованной впервые в «Чтениях» №№ 1 и 2 за 1846 г.

Санджак, административное подразделение в провинциях, поработанных турками.

Секуи, народность в восточной части Трансильвании; произошли от смешения венгров с другими народами.

Серет, река в Запрутской Молдавии между Прутом и Карпатами; впадает в Дунай несколько выше города Галац.

Силистрия, город на Дунае в северо-восточной части Болгарии.

Слам-Рымник, или **Рымнику-Сэрат**, уезд на северо-востоке Мунтении.

Слатина, монастырь вблизи города Сучава, построенный молдавским господарем Александром Лэпушняну в 1561 году.

Соликовский Ян-Дмитрий (1539—1603), польский государственный и церковный деятель; из многочисленных его сочинений на латинском языке важнейшее — «Комментарии» — описывает события в Польше с 1572 по 1590 год.

Сороки, город в Молдавской ССР на правом берегу Днестра; в XII—XIII вв. на этом месте вхаживалась генуэзская колония Ольхония, крупный торговый центр; в XV веке Стефан Великий воздвиг здесь крепость для защиты княжества на восточных его границах.

Стадницкий Александр (1806—1861), польский историк и публицист; автор работы о валахских поселениях в Галиции.

Старовольский Симон (1588—1656), польский историк, автор ряда работ по военному искусству.

Стефан Великий, господарь Молдавского княжества (1457—1504), искусный полководец, талантливый администратор и дипломат; сын господаря Молдавии Богдана II (1449—1451).

Стефан Глухой, господарь Мунтеии (1591—1592), незаконный сын Иона-Воеводы.

Стефан Младой, господарь Молдавии (1517—1527).

Стефан Томша, господарь Молдавии (1563—1564).

Стрыковский Матвей (1547—1582), польский историк, автор «Польско-литовской хроники» (1582).

Сурла, старинный молдавский духовой инструмент наподобие свирели.

Сучава, город в северной части Молдавского княжества; его столица с 1374 по 1572 год.

Т

Тимон Самуил (1675—1736), венгерский историк.

Трансильвания (Семиградье), историческая область Румынии, до 1918 года находилась под владычеством Венгрии, будучи в составе Австро-Венгерской империи; ее территория входила в состав древней Дакки до ее завоевания римлянами. В XI—XIII вв. была в подчинении Венгрии, но пользовалась определенной автономией. После поражения Венгрии при Мохаче стала самостоятельным княжеством под суверенитетом Турции.

Де Ту, Жак-Август (1553—1617), французский историк и государственный деятель. Главный труд его жизни «История своего времени» в 18 томах охватывает события с 1546 по 1607 год, очевидцем которых он сам был.

Тьерри Огюст (1795—1856), знаменитый французский историк; в своих «Рассказах о временах Меровингов» он изложил свою теорию «истории философии» во Франции.

У

Уреке Грингоре (1590—1647), молдавский летописец;

положил начало молдавских летописей, охватив период со времени создания Молдавского княжества в 1359 году и до 1594 года.

Ф

Фалчиу, крупное село на правом берегу Прута, южнее города Хушь.

Фальмерайер Якоб-Филипп (1790—1861), немецкий историк и путешественник; выдвинул теорию родства современных греков со славянами.

Фамагуста, старинный город, порт и крепость на острове Кипр.

Фарсал, город на севере Греции.

Филон Шарль (1800—1871), французский историк, занимавшийся историей Европы в XVI веке.

Флочь, в прошлом большой город и крепость на берегу Дуная в Мунтении.

Фокишаны, старинный город Молдавского княжества на границе с Мунтенией.

Фотино Дионисий (1769—1821), румынский историк и политический деятель, автор «Истории Дакии» в трех томах.

Фредро Андрей-Максимиллан (ум. 1679), польский историк, публицист и государственный деятель, своими трудами заслуживший имя «польского Тацита». В его трудах приводятся много данных о военных операциях Иона-Воеводы.

Фронтинус Сектус Юлнус (40—103), римский военный писатель; в его трудах приводятся много примеров по теории военного дела из античной истории.

Х

Халкокондил Лаоник (1423—1487), византийский историк, автор десяти томного труда по всемирной истории за период 1298—1463 гг.; в центре внимания упадок Греческой империи, возникновение и консолидация Османской Турции.

Ходынецкий Игнатий (1786—1847), польский историк, монах ордена кармелитов во Львове.

Хотног, сотник в войсках Молдавского княжества.

Хуш, старинный город в Молдавском княжестве по правую сторону Прута к югу от Ясс.

Хырлэу, старинный молдавский город, на северо-западе от Ясс; Стефан Великий построил здесь в 1487 г. княжеский дворец.

Ц

Цепеш Влад, господарь Мунтении (1456—1462), в русской литературе известен под именем Дракула.

Ш

Шард Симон (1535—1573), немецкий историк.

Шаррьер Эрнест (1805—1870), французский писатель и историк, занимавшийся историей славян.

Шинкай Георге (1753—1816), румынский историк родом из Трансильвании; написал хронику о событиях с 86 по 1739, включая и историю Дакии.

Шмидт Карл (1812—1895), немецкий историк, занимался историей Румынии.

Штефанешты, местечко на правом берегу Прута северо-восточнее Ясс (ССР).

Шриттер Жан-Готфельд (1740—1801), русский историк немецкого происхождения, автор труда по византийской истории.

Э

Энгель Ион Христиан (1770—1814), немецкий историк, написавший ряд исследований по истории Румынии.

Я

Янычары, турецкая регулярная пехота, организованная в XIV веке; образовав замкнутую военную касту, янычары стали оплотом Османской империи.

Яссы, главный город в Запрутской Молдавии; столица Молдавского княжества с 1572 года (ССР).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Б. П. Хашдеу закончил работу над художественной монографией об Ионе-Воеводе в 1864 году, когда ему исполнилось 26 лет. Само же произведение было впервые издано в следующем 1865 году.

Личность Иона-Воеводы привлекла внимание гимназиста Фаддея Гиждеу (как звали Б. П. Хашдеу в юношеские годы) еще когда он жил в Кишиневе и живо интересовался историей родного края. Атмосфера насыщенной духовной жизни, царившая в обществе передовой интеллигенции города, среди которой его отец Александр Хиждеу пользовался особым уважением, способствовала развитию разнообразных интересов юноши.

В качестве свидетельства возьмем хотя бы «Письмо из Кишинева», написанное местным публицистом Иваном Танским 13 сентября 1852 года и опубликованное в «Северной пчеле» от 20 октября и в журнале «Москвитинин», т. 6, за 1852 год. После изложения последних городских новостей Танский обращается к читателям со следующим риторическим вопросом, на который сам же и отвечает:

«Вы спросите: неужели в Кишиневе только и думают о балах, вечерах, концертах, театрах, кавалькадах, постройках и проч., а никто не занимается литературой? Нет, и у нас есть литературная деятельность. Александр Гиждеу занимается собиранием материалов по истории Бессарабии и трудится над составлением руководства к познанию местных законов. Сын его, Фаддей Гиждеу, занимается изложением мифологии даков... Константин Стамати собирает известия о древних исторических урокищах народа бессов... Ученый Б-н приезжал искать возле Кишинева Карабуны, существовавшие еще в прошлом веке ниже Аккермана и Паланки, как то видно из карты Дюбуа, изданной в 1729 году», и т. д.

Далее И. Танский пишет, что в 1852 году в Кишиневе отмечалось пятистолетие образования Молдавского княжества, по случаю чего «юный молдаванин, воспитанник здешней гимназии Фаддей Гиждеу» преподнес поэту Константину Стамати стихотворение, написанное им на русском языке, в котором он призывал «патриарха поэтов молдавских» воспевать героическое прошлое своего народа.

В этом стихотворении юноша упоминает основателя Молдавского княжества Богдана Воеводу, молдавских господарей Александра Доброго и Стефана Великого, а также «прекрасных» молдавских князей Дафну и Руксанду. Стихотворение, посвященное К. Стамати, как и многочисленные записи 14-летнего юноши, сохранившиеся в архиве Б. П. Хашдеу, свидетельствуют об его исключительном интересе к истории молдаван.

В своем распоряжении юный Фаддей Гнздеу имел богатейшую семейную библиотеку, а также городскую библиотеку, которой руководил упомянутый выше публицист Иван Танский. Эта библиотека получала по подписке наиболее популярные в те годы научно-литературные журналы Петербурга, Москвы, Харькова и Одессы. Эти журналы и помогли юноше впервые ознакомиться с ратными делами Иона-Воеводы и его единоутробного брата гетмана Ивана Подковы.

Так, во втором выпуске альманаха «Запорожская старина» за 1833 год «Сказания летописцев и предания о лицах и событиях, бывших на Украине до смерти Стефана Батория», юный исследователь обнаруживает и выписывает некоторые сведения о «дунайских походах» запорожских казаков под командованием гетмана Свирговского я об Иване Подкове, овладевшем молдавским престолом в 1577 году, но не удержавшемся на нем.

О тех же событиях юный Б. П. Хашдеу узнает и из «Летописи Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого», опубликованной в №№ 1 и 2 «Чтений в Императорском обществе истории и древностей российских» за 1846 год. Так, в них мы читаем: «1577 року гетман был казак славный Подкова. Пронзведен на господарство волоское с помощью Шаха гетмана, изгнавшего с господарства Петра Воеводу. Но и сего Подкову, когда по двухкратной его с казаками над волохами победе, не похотел сам волоским воеводой быть, не верясь волохам, и пришел на Подоле, где ляхи, лестно поймавши, отослали до короля, который повелел ему Подкове голову отсеки в Львове. Тело же его казаки в Каневском монастыре погребли».

Первые же сведения о самом Ионе-Воеводе гимназист Гнздеу заимствует из Хроник Григория Грбянки. «Собранная и самобытных старожиллов свидельствами утвержденная» в 1710 году, эта хроника была издана в Киеве в 1854 году Временною комиссиею для разбора древних актов. В нее в виде приложений были включены и два рассказа: «О Ивоне, господару Волоском» (с. 277—291) и «О Подкове, господару Волоском» (с. 293—300). Несколько позже, переехав в Яссы, Б. П. Хашдеу опубликовал в переводе на румынский язык этот рассказ об Ионе-Воеводе в №№ 1 и 2 за 1860 год своего «Историко-литературного листка». Год спустя Хашдеу публикует и начало своей монографии об Ионе-Воеводе в восьми номерах (за апрель-июнь 1861 г.) газеты «Румынская трибуна».

Хроники Самовидца и Грбянки — это лишь очень незначительная часть литературных источников, использованных Б. П. Хашдеу при написании монографии. В предисловии к первому ее изданию Б. П. Хашдеу пишет: «Прежде чем приступить к написанию настоящей книги, я в течение многих лет, копаясь в заграничных и национальных библиотеках и архивах, собрал в поте лица огромное количество сведений, в той или иной степени связанных с задуманной мною темой... Я не делаю ни одного утверждения без того, чтобы не дать соответствующей сноске, а там, где требуется более длительная цитата, я привожу документы в оригинале или в подробном аналитическом изложении».

И действительно, первое издание монографии было снабжено 324 сносками на использованные им литературные источники. Среди них числятся и такие труды русских историков, как трехтомник «История Малой России» (1830) Д. Бантыш-Ка-

мелского, «История Руссов» (1846) Георгия Конисского, «О малороссийском народе» (1846) Герарда Миллера, «Летописное повествование о Малой России» (1847) Александра Рингельмана и др.

Благодаря своим исключительным врожденным способностям, Б. П. Хашдеу еще в юношеские годы стал полиглотом, что позволяло ему читать заинтересовавшие его труды в оригинале, на древнегреческом, латинском, старославянском и многих европейских языках. Между тем он даже не окончил гимназии, бросив ее в 1853 году. Основой его эрудиции стало самообразование. Хотя Б. П. Хашдеу и остался, таким образом, без аттестата о среднем образовании, это не помешало стать ему ученым-филологом мировой известности.

После переезда в Яссы в 1857 году Б. П. Хашдеу с помощью отца перевозит туда и семейную библиотеку, без которой ему трудно было продолжать начатые исследования, в том числе и об Ионе-Воеводе. Начиная с 1861 года он регулярно выезжает за границу для сбора новых необходимых ему сведений в библиотеках и архивах почти всех европейских стран.

Личность Иона-Воеводы интересовала в свое время многих историков Западной Европы, особенно ученых Польши и Венгрии. В нем они увидели исключительно талантливого полководца, сумевшего малыми силами нанести турецкой армии ряд сокрушительных ударов в те годы, когда Османская Порта достигла вершины своего могущества. Ей подчинились вся Северная Африка, начиная с Туниса, Ближний Восток до границы с Ираном, Малая Азия и весь Балканский полуостров. Турецкая угроза нависла над остальной частью Европы.

И вот неожиданно правитель небольшого вассального княжества осмелился с помощью малочисленного отряда казаков (всего в 1200 человек) выступить против могучей турецкой армии и развеять миф о ее непобедимости. Ратные дела Иона-Воеводы поразили ученых-специалистов Западной Европы, и уже с 1575 года (т. е. год спустя после сражений Иона-Воеводы против турок) начали появляться специальные исследования о его полководческом гении.

Так, в тогдашней столице Польши, городе Кракове, выходит книга историка Варфоломея Папроцкого под обширным названием, которое звучало бы в переводе с польского так: «Правдивое описание войны молдавского господаря Иона против турок, а также почему он воспротивился им и мужественно защищался, сея смерть среди турок и мунтян, но как вскоре был бесчестно предан». Эта книга в следующем, 1576 году, вышла в немецком переводе и стала, таким образом, достоянием более широкого круга читателей.

В 1578 году вышли, уже на латинском языке, книги двух других польских историков, Иона Ласницкого и Леонида Горецкого. Оба труда в том же году были изданы и на немецком языке. Книга Горецкого называлась «Описание войны господаря Молдавии Иона с турецким султаном Селимом, в начале с большим успехом, но потом, из-за предательства молдаванина Еремии Чернэуцану, убитого турками, нарушившими свое слово, подтвержденное клятвой».

Описание ратных подвигов Иона-Воеводы в войне с турками содержится и в ряде других книг, в основном на латыни, изданных в конце XVI и начале XVII вв. и цитируемых Б. П. Хашдеу. Их авторами являются такие известные историки того вре-

мени, как поляки Мартин Бельский и Матвей Стрыковский, венгры Антон Веранцио и Никола Истванфи, французы Мишель Бодье и Блез Вижнер, итальянцы Антуан Грациани и Луи Мельци, немцы Мартин Крузиус и Симон Шард.

Мы сочли уместным включить в виде приложения в настоящую книгу небольшую повесть русского историка Н. И. Костомарова «Иван Свирговский. Украинский казацкий гетман XVI века» (1855 г.), где говорится о боевом содружестве Иона-Воеводы с запорожскими казаками, причем Костомаров, по сравнению с Б. П. Хашдеу, дает более высокую оценку участия казацкого отряда в сражениях с турками.

Другим исключительно интересным приложением от составителя является письмо Ивана Грозного, направленное Иону-Воеводе в мае 1574 года. Оно было впервые опубликовано в трехтомнике документов и материалов «Исторические связи народов СССР и Румынии» в латинском оригинале и в переводе на русский и румынский языки (т. I, с. 129—134, 144—168).

Это письмо было не известно Хашдеу, а из него явствует, что Ион во время своих скитаний по многим странам до избрания господарем Молдавии в 1572 году, прожил почти четыре года в России (1554—1558). Б. П. Хашдеу же ошибочно считал, что эти четыре года будущий господарь Молдавии провел на острове Родос.

В России Ион женился на дочери князя Симеона Ростовского и имел от нее сына Петра, родившегося в 1556 году. Не знал Б. П. Хашдеу и о том, что, посылая Исаю Радауцянского в Москву сразу же после своего вступления на трон Молдавии, Ион-Воевода поручил ему разыскать и привезти в Молдавию его жену Марию и сына Петра.

Знакомством Иона-Воеводы с Иваном Грозным во время пребывания его в Москве можно объяснить и тот факт, что Ион-Воевода поддержал в 1572 году кандидатуру Ивана Грозного на польский престол, о чем идет речь во второй главе монографии.

Живо и темпераментно повествуя об Ионе-Воеводе, т. е. о событиях 70-х годов XVI века, Б. П. Хашдеу то и дело обращается к современной ему политической ситуации, и сравнение оказывается не в ее пользу; автор как бы в назидание современным правителям живописует, порой, может быть, забывая о мере, способности Иона-Воеводы как администратора, дипломата и военачальника.

Иногда же он вклинивает в исторический материал чисто лирические отступления, отражающие настроение автора в часы работы над столь оригинально задуманным им произведением. Вот, например, атмосфера, в которой он работает над четвертой главой под названием «Катастрофа»:

«Я пишу эти строки ночью, в полном уединении. Окружающая таинственная тишина и гробовое молчание разжигают мое воображение; я уношусь мысленно далеко-далеко — к тому, чего уже нет и что еще не наступило, забывая о настоящем, сравнивая прошлое с будущим; сердце бьется учащенно, и в голове разгорается пламя; по жилам разливается чувство необычайной бодрости; меня вдохновляет упорная мысль, навеянная мне, не знаю сам, извне или изнутри: вот на что способен мой соотечественник!...»

Когда Б. П. Хашдеу писал эти строки, ему было около 25 лет.

Н. Романенко

СОДЕРЖАНИЕ

Ион-Воевода Лютый. Повесть. Перевод Н. Романенко	3
Примечания. Перевод Н. Романенко	153
Приложение: .	156
Письмо Ивана Грозного к Иону-Воеводе	156
Н. Костомаров. Иван Свирговский, украинский казацкий атаман XVI века	158
Аннотированный указатель собственных имен, гео - графических названий и специальных терминов. Со- ставитель А. Старостина	185
Послесловие Н. Романенко	198

Хашдеу Богдан Петричейку

- X 29** **Ион-Воевода Лютый.: Повесть./ Состав. А. Старостина; Перев. Н. Романенко; Худож. И. Кырму.— Кишинев: Лит. артистикэ, 1989.— 204 с. ил.— (Времен связующая нить).**

ISBN 5—368—00455—9

В повести классика молдавской литературы освещается деятельность господари XVI века, талантливого государственного деятеля, полководца, сумевшего нанести ряд сокрушительных ударов турецкой армии в годы расцвета Османской Порты. В книге обрисованы и образы запорожских казаков, плечом к плечу с молдаванами боровшихся против турецких поработителей.

X $\frac{4702420101-258}{M756(10)-89}$ 16 — 89 (Дополн. к плану, 1989)

ББК 84 Мол 1-44

Литературно-художественное издание

Богдан Петричейку Хашдеу

ИОН-ВОЕВОДА ЛЮТЫЙ

Повесть

Составитель

Анастасия Анпотьеевна Стростина

Художник

Исай Григорьевич Кырму

Редактор М. Арсеньева

Художественный редактор А. Святченко

Технический редактор Е. Розенберг

Корректор А. Сосновская

ИБ № 4029

Сдано в набор 04.08.89. Подписано к печати 22.11.89

Формат 84×100¹/₃₂. Бумага тин. № 1

Гарнитура Литературная. Печать высокая с ФПФ.

Усл. печ. л. 9,88+0,39 вкл. Уч.-изд. л. 10,24+0,31 вкл. Усл. кр.-отт. 10,75.

Тираж 75 000. Заказ № 559. Цена 90 коп.

Издательство «Литература артистикэ»

✓ 277004, Кишинев, пр. Ленина, 180.

Центральная типография, 277068, Кишинев, ул. Флорилор, 1. Государственный комитет Молдавской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли

...на этом фоне выступает фигура нашего героя: сперва она едва вырисовывается вдалеке, потом растет, становится все отчетливее и, приближаясь к конечной цели, достигает гигантских размеров и вдруг... падает ниц!

Но взгляните на него, даже поверженного в прах: он все еще величественнее ничтожных пигмеев, которые попирают его труп ногами!

Наконец, после гибели героя, читатель с содроганием следит за тем, как один за другим исчезают плоды деяний усопшего гения и зловещая тьма заволакивает весь горизонт.

Остается одна лишь надежда: воскрешение мертвых!

...сердце чувствовало во всей глубине то, что писало перо; а когда сердце чувствует, фраза становится сжатой, лаконичной, живой, как биение пульса.